

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ

№ 9-10

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Кузнецкий Мост 13;
тел. 1-23-99.

АДРЕС ЭКСПЕДИЦИИ: Москва, Кузнецкий Мост, 13;
тел. 2-80-42.

8—15 Марта 1929 года

VI съезд прокурорских, судебных и следственных работников РСФСР

20 февраля в доме Красной Армии открылся VI съезд прокурорских, судебных и следственных работников РСФСР. На съезде несколько сот делегатов. Среди них члены Верховного суда, краевые, областные и губернские прокуроры, краевые, областные и губернские председатели судов, народные судьи, народные следователи, участковые прокуроры, судебные исполнители и президиум Московской коллегии защитников.

Съезд открылся вступительной речью Народного Комиссара Юстиции тов. Янсона, указавшего на тот момент, в который съезд происходит, и на те задачи, которые, в связи с этим, стоят перед съездом.

После избрания президиума съезда и утверждения порядка дня слово для отчетного доклада Наркомюста было предоставлено тов. Янсону. Доклад т. Янсона в настоящем номере «Е. С. Ю.» печатается полностью.

Доклад Народного Комиссара Юстиции РСФСР тов. Янсона.—Отчет НКЮ РСФСР.

Товарищи, в начале отчетного доклада мы прежде всего должны поставить перед собой вопрос, что от нас требовала и требует наша партия и правительство и, исходя от этих требований, мы должны проверить, выполнены ли возложенные на нас задачи.

Задачи, которые были возложены на нас партией, в достаточной степени были сформулированы XV Партсъездом. Они тесно увязаны с хозяйственным строительством и общей политикой нашей партии, и поэтому они только в такой плоскости и могут быть осознаны.

Партия идет по пути социалистического преобразования города и деревни. В городе происходит дальнейшее вытеснение частного капитала, уменьшение мощи и значения частно-капиталистического сектора. В деревне, особенно за последнее время, все больше и больше обостряется классовая борьба между батрацко-бедняцкой массой и нашим передовым активом деревни, с одной стороны, с кулачеством, с другой. Мы ведем определенное наступление на кулачество. Поэтому самое главное значение при разрешении этих вопросов имеет экономическое регулирование. В то же время большую роль играет и административное регулирование. Среди этих мероприятий немаловажная роль и значение падает на органы суда, прокуратуры и следствия.

Для того, чтобы выполнить задачи, которые поставлены перед нами партией и правительством, нам необходима решительная борьба с бюрократизмом и волокитой в административных, хозяйственных и кооперативных органах и в первую очередь нам нужно вести эту борьбу, жесткую борьбу, в нашей собственной организации, в работе наших собственных органов. Только при таких условиях мы можем выполнять одно из основных требований XV Партсъезда, которое предлагает: «усилить, согласно неоднократных указаний Ленина и ленинской партии, проверку исполнения советских законов, обеспечив с помощью рабочих и крестьян массовую проверку проведения в жизнь

всех важнейших мероприятий правительства и установив строжайшую ответственность лиц и органов, виновных в задержке и невыполнении этих законов правительства».

Чтобы уличать в этом других, нужно поставить свою работу так, чтобы эти улики не могли быть возвращены обратно и может быть даже в большей мере по отношению к нам самим. Отсюда и становится одной из самых центральных наших работ—это борьба с бюрократизмом и волокитой в нашей собственной среде, в наших собственных и других органах Советской власти.

В резолюции по докладу ЦКК на XV съезде партии было сказано: «Еще более усилить борьбу с нашими организационными недостатками, с волокитой, с бесхозяйственностью, распушенностью, и добиваться дальнейшего усиления ответственности исполнителей, установления точного разграничения функций... Неуклонно преследовать всеми мерами, вплоть до привлечения к суду, всех служащих государственного аппарата (как коммунистов, так и беспартийных), виновных в пренебрежительном, барском, высокомерном отношении к посетителям. Проявление невнимательности к рабочему или крестьянину со стороны любого служащего административного, торгового, кооперативного и промышленного аппарата должно рассматриваться как саботаж и преступление против Советской власти».

Это коренное требование разве нами выполняется в надлежащей степени? Разве у нас выполняется это требование в наших собственных органах? Далеко не выполняется в надлежащей степени.

Я думаю, что здесь имеется не мало кричащих фактов, на которые нужно обратить внимание.

Центральной Контрольной Комиссией принято решение провести летучую проверку работы Московских учреждений.

Я полагаю, что не мало кричащего материала будет в распоряжении ревизоров.

Беспощадная война косности, нечуткости к нуждам трудящихся женских масс!

У нас нет этого понимания о советской работе, что каждый советский чиновник, где бы он ни работал, должен обслуживать население. Это понятие далеко еще не внедрилось в надлежащей степени в умы советских работников. Даже в таких местах, где это уже должно быть аксиомой, хотя бы в кооперативной лавке, мы видим такое отношение продавца к покупателю, что покупатель зависит от него. Каждый общественный работник и общественный деятель есть слуга обществу, слуга населения. Такого понимания не имеется еще и в наших собственных органах.

Дальше XV партийный съезд в своих постановлениях предлагает: «Выработать и обеспечить проведение в жизнь мер строжайшего взыскания в отношении тех работников государственного аппарата, как партийных, так и беспартийных, которые попытаются противопоставить работе партии над устранением бюрократических извращений свое рутинерство, косность, чиновничье самодовольство, прикрывающее нередко давление враждебных пролетариату классов».

Я надеюсь, что наши собственные недочеты и недостатки нашего центрального аппарата будут подвергнуты здесь самому резкому обстрелу, но в то же время я считаю своей прямой обязанностью сразу же заострить внимание на тех недостатках, которые присутствуют в значительной степени нашему центральному аппарату, но и не в меньшей степени и нашим местным органам. Нужно сказать, что косности, в чем обличает нас наша советская печать, в наших органах имеется очень много, формального подхода у нас имеется не мало. Когда мы проверяли работу наших органов при помощи тех местных съездов и совещаний, которые происходили перед нашим Съездом, я должен прямо сказать, что у нас имеется большое количество таких работников, которые вместо того, чтобы заставить свои умы работать в направлении восприятия мероприятий, поставленных центральным органом к скорейшему проведению этих мероприятий в жизнь, направляют свою энергию как раз в обратную сторону. Они тщательнейшим образом занимают тем, что выдумывают, напизывают, перечисляют всякие имеющиеся и предполагаемые препятствия, чтобы эти мероприятия нельзя было бы провести в жизнь. Вот это мы как раз придем к тем явлениям, с которыми мы должны решительным образом бороться—независимо с чьей бы стороны это ни проявлялось, со стороны ли партийных или беспартийных работников, — налагая строжайшие взыскания на тех работников административного, хозяйственного и кооперативного аппарата, которые противопоставляют партии свое рутинерство, косность и чиновничье самодовольство. Их имеется в советском аппарате вообще, и в частности в наших судебных органах, немало, и с этим нужно решительно бороться при помощи всей советской общественности, широкой критики трудящихся масс и при помощи печати.

В области хозяйственного строительства генеральной линией партии и правительства является неуклонно проводимый курс на индустриализацию страны. Каждому из нас известно и достаточно ясно, что недостаточность развития социалистической тяжелой индустрии является одной из важнейших черт нашей экономики, которая сильно препятствует росту нашей страны. Поэтому неустанная борьба, которую ведет правительство по этой линии, должна являться одной из важнейших наших забот. Ленин указывал, что: «Без спасения тяжелой промышленности, без ее восстановления мы не можем построить никакой промышленности, без нее же мы вообще погибнем, как самостоятельная страна».

Задачи, поставленные в области строительства нашей страны, чрезвычайно велики, достижения этого громадного строительства недостаточно нами осязаемы, вот, скажем, даже наша печать, которая очень восприимчива и много энергии уделяет на то, чтобы би-

чевать наши недостатки, сплошь и рядом не уделяет достаточного внимания нашим достижениям в области строительства. А достижения эти очень большие. Не так давно по своей параллельной деятельности как члена Центральной Контрольной Комиссии мне пришлось выслушать исповедь одного работника печати, бывшего троцкиста, который исправился от своих политических ошибок не при помощи наших проповедей и даже не при помощи чтения партийной литературы, а при помощи объезда страны в течение нескольких месяцев и наблюдения за тем грандиозным строительством, за теми большими достижениями, которые имеются у советской власти. После этого он опять превратился из неверующего Салва в Павла, вложил свои персты в наше строительство и теперь поет ему дифирамбы и оды. Одним словом, достижения у нас очень большие. Недаром один из крупнейших писателей—М. Горький, когда посетил нас, зафиксировал внимание нашей общественности на этом деле, и при его непосредственной помощи в настоящее время, как вам известно, издается журнал: «Наши достижения». Вышли первые номера этого журнала, но этот журнал лишь в малой степени может охватить все те достижения, которые у нас имеются. Однако, громадные задачи, которые стоят перед нами, требуют с нашей стороны неослабного внимания, потому что в ряде случаев при невыполнении этого строительства мы наталкиваемся на недопустимую бесхозяйственность, преступную небрежность, невнимательное отношение со стороны ряда лиц сов. аппарата к порученным им обязанностям, и даже нередко мы встречаем вредительские действия со стороны классово-чуждых нам элементов. Наиболее таким ярким примером вредительства, приковавшим внимание не только всего нашего Союза, но и заграницы, является шахтинский процесс. Но нужно сказать, что это не единственный случай. Это—один из таких процессов, который мы выдвинули и сделали широко общественным, зафиксировали на нем внимание общественности. К сожалению, после шахтинского процесса и до него имеется еще целый ряд таких случаев, где ярко выражены эти вредительские действия классово-чуждых нам элементов. Они не проходят так шумно, при такой большой гласности, как проходило шахтинское дело, но, однако, они имеются. Нужно сказать, что в ряде случаев наши местные органы недостаточно еще направили свое внимание на борьбу с этой бесхозяйственностью и с этими вредительскими действиями, недостаточно каждый раз их оценивают.

Но нужно сказать, что при выполнении этой работы нужно также предостеречь все наши органы от каких бы то ни было излишеств. В настоящее время ряд правительственных комиссий и комиссий директивных органов крепко работают над вопросом некоторого регулирования всего этого дела. Ведь прямо нужно сказать, товарищи, что хорошие судьи и хорошие прокуроры, имеющие хорошую практику, вообще, в этой конкретной действительности, в этих специальных вопросах, особенно когда они связаны с техникой, с новыми проблемами технического мира, далеко не так хорошо знакомы, чтобы являться компетентными судьями, а из-за этого часто, с момента возникновения дела, возникают крупные споры между людьми, которые делают одно и то же дело, но только с двух сторон—между хозяйственниками, нашими органами и другими органами, которые ставят вопрос о привлечении к ответственности за те или другие действия. Часто бывает трудно определить, имеются ли здесь со стороны какого-нибудь специалиста какие-либо чисто вредительские действия, или, наоборот, это есть техническое дерзновение, это есть следствие технической ошибки, которую все-таки в качестве злого умысла вменять человеку нельзя. Конечно, в тех случаях, когда налицо имеется контр-революционная организация и определенные действия этой организации, когда пути ее найдены и видно, что эта организация произвела

Долой чадру, калым и многоженство! Против адата и шариата! Сильнее огонь по бытовому рабству тружениц Востока! Вперед к социализму!

вредительские действия, что это делалось по известному плану, тогда здесь дело ясное, и судебным органам разбираться в этом легко, но в случае, когда за исходную точку нужно принять то, что по полученным результатам и получился вред, убыток государству, тогда часто трудно бывает решить, почему произошел этот убыток—является ли это результатом злого умысла, или технического дерзновения, смелости проектировщика. Вот, чтобы решить этот вопрос, следственным органам каждый раз нехватает знаний и умения. Не так давно по довольно крупному хозяйственному делу я слушал доклад одного квалифицированного прокурора. Я считаю его очень хорошим, очень добросовестным работником, стоящим гораздо выше среднего уровня, и суть дела обще-политическую и обще-экономическую он описал мне как следует. Исходной точкой в этом деле был как раз ряд технических вопросов и каждый раз, как он касался их, он без всякого преувеличения делался младенцем, и мне, несколько знакомому по прежней своей работе с такого рода вопросами, хотя я и не являюсь образованным техником, было смешно слушать суждения этого работника по вопросам незнакомой и чуждой ему области.

Вот отсюда получается большой спор между нами и хозяйственниками, спор, который нужно каким-то радикальным образом урегулировать. Некоторые коммунисты-хозяйственники додумались даже до создания специального технического суда, такого нового суда, который будет состоять только из техников и специально обсуждать такие технические дела. На это ни правительство, ни партия не пойдут, да и идти на такое предложение не-зачем. Это предложение отклонено и самими инициаторами снимается. Но, с другой стороны, безусловно нужно будет пойти им навстречу в их совершенно справедливых требованиях, чтобы техническая экспертиза в наиболее важных и конкретных случаях применялась уже не после ведения следствия на суде, а в момент возникновения следствия, т. е., когда уже имеется следственный материал, скажем, с точки зрения прокурорской и судебной, то перед тем, как начать это дело, нужно посмотреть, пригласив техническую экспертизу для того, чтобы разрешить все технические вопросы, чтобы она дала свое заключение, и если она придет к выводу, что в данном случае имеются элементы злого умысла, только тогда давать делу ход. Во время самого разбора на суде такого рода дела нужно обеспечить, чтобы в составе суда в качестве заседателей были люди, близкие и хорошо знакомые с теми специальными вопросами, которые будут предметом разбирательства на суде. Эти мероприятия нам нужно в дальнейшем провести в нашей практике, чтобы не допустить здесь ошибок, чтобы не тормозить творческую мысль, не ставить преград техническим дерзновениям. Если мы хотим получить определенный конкретный успех, мы должны эти дерзновения допускать и даже иногда поощрять, ибо иначе мы не сдвинемся с места. Возьмите такую простую область, как строительство домов, мы находимся, если допустить картинное сравнение, хотя бы в сравнении с Америкой, на стадии, если можно так сказать, феодального строя; в Америке дома сейчас строятся в полтора кирпича, а у нас в пять кирпичей. У нас строители, чтобы гарантировать свою безопасность, стремятся к излишней прочности и устойчивости, которая совершенно не требуется ни для данного строения, ни для тех целей, для которых это строение строится. Между тем такие излишества обходятся дорого. Чтобы дать дорогу новой технической мысли, дать возможность дерзновениям, нужно установить, чтобы в случаях, когда эти дерзновения кончаются неудачей, но не имеют злого умысла, не следовала та кара, которая полагается по нашему закону за злостный умысел. Значит нам нужно усилить работу в области борьбы с бесхозяйственностью, но в то же время нужно принять ряд мер, которые бы предохраняли нас в этой области

от ошибок. Для этого нужна техническая экспертиза в начале следствия и нужно, чтобы в суде в качестве заседателей участвовали сведущие лица. В дальнейшем, если в этом будет надобность, можно будет принять соответствующие меры, увязанные с другими органами, чтобы создать бюро, хотя бы при РКИ, наподобие уже существующего в Москве и прекрасно работающего бюро бухгалтеров и экспертов, которое работает также при РКИ.

Кроме того XV Съезд перед органами НКЮ поставил вопрос о раскрытии и выявлении ухищрений частного капитала, который во многих случаях прикрывается флагом промысловой и сельско-хозяйственной кооперации. Съезд предлагает здесь усилить борьбу с попытками использования низовых кооперативных организаций со стороны кулацких элементов, повести решительную борьбу против лже-товариществ и лже-кооперативов и вообще против использования кулацкими элементами всех прав и привилегий кооперации.

В практике работы наших судебных органов мы имеем немало таких случаев, когда под флагом кооперативов всякие хищники объединяются и используют все льготы и привилегии, которые государством предоставляются, в целях своей личной выгоды. Усиление борьбы в этой области требует от нас партии.

Вот, товарищи, прибавив к этому еще необходимость борьбы за революционную законность, за ее соблюдение, которая ярко очерчена в постановлении последнего, ноябрьского пленума ЦК, где сказано, что революционная законность теснейшим образом связана с нашей экономикой, что без соблюдения революционной законности не может должным образом развиваться экономика,—это есть главнейшие основные задачи, которые в настоящее время ставит перед нами партия, требуя с нашей стороны их выполнения.

Кроме этих указаний, относящихся к нашим органам, мы имеем перед собой уже более конкретные требования нашего правительства. Под этим мы имеем в виду постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 26 марта 1928 г., предложения, которые были приняты по докладу НКЮ, сделанному еще в 1927 году. Пара—три месяца ушло на разработку резолюции; к концу года проект постановления после долгой проработки в комиссии был закончен, но опубликование и официальное принятие его было отложено до перемены руководства в Наркомате юстиции. И лишь в марте месяце 1928 г. было оно опубликовано официально.

В этом постановлении Президиум ВЦИК и СНК констатирует, что главными нашими недостатками и недочетами являются большой рост числа осужденных, в особенности на короткие сроки, примененные судами условного осуждения вместо оправдательных приговоров, недостаточное обоснование привлечения к уголовной ответственности, недостаточность мероприятий по разгрузке судов от мелких дел, медленность судебного производства и отсутствие достаточного контроля за исполнением приговора.

Вот основные недостатки, которые констатировали ВЦИК и СНК РСФСР.

Правительство предложило нам следующие основные меры к изжитию перечисленных недостатков:

1. В области непосредственно карательной политики применять суровые меры репрессии исключительно в отношении классовых врагов и деклассированных преступников—профессионалов и рецидивистов. Не карать направо и налево, всех и вся, а сурово наказывать тех, которые безусловно являются опасными для общества, и сосредоточить огонь на них в первую очередь, развиты замену кратких сроков лишения свободы иными мерами социальной защиты (принудительные работы без содержания под стражей, устранение от должности и снятие с работы на разные сроки, выговор, и т. д.) в отношении социально-неустойчивых и не являющихся социально-опасными элементов, т. е.

расширить арсенал употребляемых нами воспитательно-карательных мер, а не сосредотачивать все только вокруг лишения свободы, как постепенно вошло у нас в полную привычку.

2. В области исправительно-трудовой политики правительство предложило нам разработать соответствующее мероприятие о действительном использовании принудительного труда на началах: бесплатности, хозяйственной выгоды и такой их организации, чтобы они представляли реальную меру репрессии; выработать ряд мер, направленных к большему обеспечению реальности выносимых приговоров как в отношении лишения свободы, так и в отношении других мер социальной защиты и, наконец,

3. В области следственного и судебного процесса: изжить длительность и волокиту судебно-следственного производства и недостаточную обоснованность возбуждения уголовных дел; упростить и всячески ускорить процесс судопроизводства; организовать для разбора дел об обидах и оскорблениях товарищеские суды на фабрично-заводских предприятиях, гос. и общественных учреждений и в виде опыта прим. камеры и трет. суды при сельсоветах и принять меры к усилению суд-следственного аппарата более квалифицированными работниками.

Вот конкретные предложения, которые правительство поставило перед нашими органами. Я перечислил их для того, чтобы приступить к ответу, что и как нами выполнено по этим предложениям правительства.

Прежде всего, идет законодательная работа. Для того, чтобы изжить волокиту в суд.-след. органах и приблизить возможным образом к населению наш суд, была поставлена задача переработки УПК. Я широко на этом вопросе останавливаться не буду, потому что это является специальным предметом обсуждения, по этому вопросу будет специальный доклад на С'езде. Я только подчеркну основное.

Проект этого Кодекса построен как закон с минимальным количеством статей. Мы его всячески сжимали и старались, чтобы каждая статья была как можно

меньше, чтобы легче было бы в этом Кодексе разбираться и им руководствоваться. Мы обращали достаточное внимание, насколько мы к этому привыкли, и на форму изложения. Новым УПК значительно расширена подсудность народного суда, выделены дела, разбираемые народным судьей единолично, ограничена возможность кассационного обжалования по определенной группе дел; наконец, проект устанавливает единую сокращенную форму ведения дела и процесса. Одним из важнейших достоинств я считаю то, что нам удалось сократить УПК с 465 на 175 статей. Правда, некоторые товарищи доказывают, что кое-где здесь 2—3 прежних статьи соединены в одну, все же благодаря тому, что здесь кое-что выброшено и что судья не будет так связан и сможет проявить личную инициативу, можно считать достоинством УПК. Если наш С'езд сможет внести какие-либо соображения в отношении сокращения этого минимума, которого мы достигли, мы это с удовольствием примем. Нужно сказать, что на предварительном совещании Коллегии НКЮ с ответственными работниками мест, на котором обсуждали этот проект, замечаний со стороны местных работников было сделано весьма мало—нам удалось сократить проект УПК всего на каких-нибудь 6 или 7 статей.

Была директива XV партийного с'езда об упразднении «привилегированных судов» — дисциплинарных судов. Можно сказать, что теперь это уже проведено в жизнь. Дисциплинарные суды давно уже ликвидированы, и хотя закон слишком долго задерживался и лишь в последнее время нашел свое утверждение в правительстве, однако на практике разбор дел по должностным преступлениям происходит в наших общих судах. В основном эти директивы выполнены, привилегированные суды уничтожены, и дела, раньше подсудные им, разбираются теперь в общегражданских судах. Но у нас еще нет гарантии того, что если эти дела разбираются в народных и губернских судах, то там целиком будет применено указание XV партийного с'езда о необходимости привлекать к народному суду работников административного и хозяйственного аппарата, виновных в преступной бесхозяйственности и недопу-

На VI с'езде прокурорских, судебных и следственных работников РСФСР

(Наброски).

Что обращает на себя внимание прежде всего,—это яркая печать смелой, неприукрашенной, здоровой самокритики. Не один с'езд деятелей буржуазной юстиции не отважился бы на такое обнажение теневых сторон практики мест и центрального руководства, как это сделал VI с'езд советской юстиции. По существу не только прения, но и основной детальный отчет, вокруг которого прения концентрировались, были бесконечно далеки от замызганных недостатков, от стиля казенного благодушия. Если сюда еще присоединить могучий резонанс самокритики в общей печати, то станет очевидным, под какой сильный обстрел была взята вся практика органов юстиции.

Разумеется, были перегибы совершенно неизбежные в таких условиях. Были отдельные критические замечания, основанные на недоразумениях. Но перегибы эти парализованы в процессе дальнейших прений и в заключительном слове. Эти перегибы есть лишь определенный накладной расход, отнюдь не умаляющий значения самого факта самокритики.

Но это лишь один из положительных моментов прений.

Другой заключается, по моему впечатлению, в том чувстве ответственности, которое сквозило в речах всех выступавших товарищей. Смаковщиков «острых ощущений» из лагеря обывательщины, надкших до всяких «скандалчиков», могущих скомпрометировать советские органы, ждало глубокое разочарование. Да, обнажены язвы. Обнажены недочеты, промахи. Но обнажены с сознанием ответственности, с верой в творческие силы пролетарской революции и в области юстиции. Оттого отсутствовали

выступления, которые носили бы характер злобной, подерившей критики. Оттого почти неизменно критические замечания сопровождались серьезными деловыми предложениями.

И здесь мы подходим к третьему положительному итогу прений—к тому инициативному, свежему, что большими или меньшими крупицами было вкраплено в деловые предложения выступающих товарищей.

* * *

Их целая гамма, этих инициативных и критических замечаний, пусть, подчас, с перегибами, но все же заключающих в себе «зерно истины». В совокупности своей они ставят немало практических проблем. Ими, а не пережевыванием общеизвестного, намечается, ведь, подлинное движение вперед.

Вот часть замечаний, касающихся руководства НКЮ своими местными органами.

Правда ли, что со времени XV с'езда в этом руководстве и во всей вообще работе (вопреки «обещанию» на с'езде т. Янсона) никакой решительно революции нет, если... не считать увеличения числа членов коллегии НКЮ.

На такой точке зрения, как известно, стоит т. Рубинштейн в «Комсомольской Правде».

Никто на с'езде этой точки зрения не разделял, никто ее не поддерживал.

Ни сам т. Янсон, ни кто-либо из делегатов.

— Да, позвольте,—спрашивает т. Янсон,—что вы понимаете под революцией в органах юстиции? Тут надо договориться. Под революцией следует понимать коренное из-

стимых излишествах, чиновничьем отношении к делу, не допуская при этом никаких облегчений приговоров или прекращения судебного следствия в силу рабочекрестьянского происхождения, прежних заслуг и проч.». Полностью это все же не проведено. Линия партии должна быть усвоена нашими судебными органами. Это наше требование вместе с партией.

Следующим было предложение: «преследовать, как тяжкое уголовное преступление, подрыв национализации земли, как-то: купля-продажа, дарение земли, решительно карать как уголовное преступление виновных в нарушении закона о всех и всяких видах субаренды».

Нами была разработана и представлена на утверждение правительства статья 87-а Уголовного Кодекса РСФСР, которая введена в действие. Она преследует строжайшим образом нарушения закона национализации земли. Есть кое-какие результаты ее применения, но пока еще мало. Поэтому мы в тезисах отмечаем, что в ближайшее время нужно подытожить применение этой статьи, какие имеются последствия этого применения и какие имеются еще, может быть, недостатки.

Следующий большой вопрос, на котором пужно более подробно остановиться, потому что я его считаю одним из центральных вопросов нашей работы и дальнейшей нашей установки, это вопрос о товарищеских судах на фабрично-заводских предприятиях и примирительных камерах при сельсоветах. Постановлением Совнаркома и ВЦИК от 26 марта эта идея товарищеских судов и примирительных камер была одобрена. Перед нами стоял уже конкретный вопрос о том, как проводить в жизнь это новое начинание. После довольно длительных и широких споров внутри у себя, мы пришли к следующему решению: мы пошли двумя путями. В отношении товарищеских судов, поскольку эти товарищеские суды должны функционировать в городе, на глазах у наших органов, у крепких партийных органов, у советской общественности, достаточно сильной, при значительном влиянии печати, мы считали возможным сразу же выработать соответствующий законо-

проект, который в законодательном порядке утвердить и потом, на основе его, создавать товарищеские суды. В отношении примирительных камер (сначала был спор о том, как назвать—примирительными камерами или третейскими судами, остановились на примирительных камерах, а фактически это те же товарищеские суды, но в деревне пока они называются примирительными камерами) мы решили идти другим путем, путем насажения их явочным порядком. Почему? Во-первых, потому, товарищи, что в отношении проведения в жизнь примирительных камер имеется гораздо больше опасных сторон. Товарищеские суды в городе, как я уже сказал, обеспечены надзором нашей общественности, сознательностью самих организованных в профсоюзы рабочих, на предприятиях которых эти товарищеские суды будут организованы. В деревне, где общественность, понятно, слабее, где наши шупальцы не везде еще в достаточной мере доходят, там имеется и в настоящее время такая опасность, что эти примирительные камеры могут попасть в руки враждебно нам настроенных групп населения. Примирительные камеры в деревне, как это уже можно доказать на ряде примеров, в результате проведенного нами опыта, являются очень положительным фактором в смысле роста культурной жизни деревни, хорошо и правильно, выполняют свои функции тогда, когда они находятся под руководством бедняцко-середняцкого актива. Тогда они являются орудием нашим, советским, острие их направлено против кулацких и зажиточных элементов. Но если, товарищи, примирительные камеры были бы в том или другом месте захвачены кулацкими или зажиточными элементами, то тогда их острие будет направлено обратно против бедноты и батрачества, и они могут оказаться органом принуждения в руках кулаков. Такая опасность имеется. Поэтому НКЮ и решил не идти путем общего законодательства, потому что в ряде случаев почва была бы еще не подготовлена, а идти путем опытным—явочным порядком.

Вот два различных способа. Была соответствующая дискуссия о товарищеских судах. Печать слабо поддерживала это новое начинание, мало им интересова-

менение, упрощение, улучшение методов, а отчасти и содержания работы, устранение всех тех элементов личного состава, непригодность которых установлена. Но ее нельзя понимать так упрощенно, чтобы направо и налево рубить прокурорские и судебные головы безотносительно к вопросу о том, заслуживают ли они этого или не заслуживают.

Есть ли изменения в методах и содержании работы?

Дана ли встряска бюрократическим элементам личного состава?

Есть, дана.

Еще III прокурорское совещание наметило коренной сдвиг в методах, а отчасти и в содержании работы по общему надзору, следственной и т. д.

Ни в один предыдущий год столько бюрократов внутри и вне аппарата юстиции не было привлечено к ответственности, как в 1928 г.

Сдвиг наметился. Это — факт совершенно бесспорный, и не подчеркнуть его при всей остроте самокритики было бы не ложной, а вредной скромностью.

И этот факт подчеркнут съездом

Но вместе с тем на съезде с особой силой указан был и целый ряд отрицательных моментов в руководстве.

Сдвиг в работе мест наметился. Но, во-первых, еще не всюду. Еще кое-где работают по-старинке. А, во-вторых, даже там, где он наметился, он еще недостаточно закреплён.

Такова самокритика сверху, таково утверждение тезисов отчетного доклада т. Янсона.

Руководство НКЮ стало более живым, более действительным, более охватывающим узловые моменты работы. Но в этом руководстве еще масса перебоев.

Такова самокритика снизу, самокритика работников с мест.

И далее следует вереница «перебоев».

Нельзя ли более своевременно отвечать на запросы с мест. А то вот разъяснение о выселении получили тогда, когда вопрос потерял всякое жизненное значение?

— Нельзя ли устранить подчас несогласованные противоречия друг другу разъяснения, идущие от различных частей Наркомата. Приказ наркома, касающийся разъяснений его по одному делу в Дагестане, доказывает, что факты такой неслаженности место имеют.

— Нельзя ли циркуляры писать, во-первых, пореже, во-вторых, более четко, в-третьих, тогда, когда в них есть действительная нужда, а не тогда, когда нужда эта мимолетная.

А самое главное, нельзя ли из практики устранить издание таких циркуляров, которые не считаются с требованиями жизни. Один из таких циркуляров (точнее инструкции) остроумно продемонстрировал в качестве «вещественного доказательства» перед съездом т. Червяков. Инструкция эта (пыне отмененная) касалась порядка взимания судебных пошлин и вынуждала крестьянина отмахивать немало десятков верст для того, чтобы уплатить какой-нибудь рубль пошлины. В качестве другого образца фигурировал циркуляр, устанавливающий нормы работы, по мнению ряда работников с мест, совершенно не считающийся с реальными возможностями. Пусть в этих критических примерах не все от точки до конца правильно, пусть здесь некоторый перегиб. На мой взгляд, НКЮ менее других наркоматов страдает циркулярным зудом. Но кто станет спорить против того, что основная установка в отношении циркуляров взята в этих критических замечаниях совершенно правильно?

А вот другой резкий, но заслуживающий всяческого внимания штрих.

— Нельзя ли расквашивать поскорее. Вы нас упрекаете, что мы направо и налево применяем краткосрочное лишение свободы, вопреки директивам правительства от 26/III 1928 г. Но практические указания насчет того, как проводить эти директивы в рамках действующего УК, НКЮ даны только в августе. Кто же виноват?

— Необходимо от циркуляров перейти к проверке исполнения директив.

— Необходимо чаще вызывать для докладов Коллегии работников с мест и т. д.

лась и мало интересуется в настоящее время, не описывает эти новые ростки и не следит за тем, как они работают на фабриках и заводах, где они организованы. А со стороны профсоюзных органов, со стороны руководящей их верхушки, от которых ожидали вселеское содействие, мы встретили даже противодействие при введении товарищеских судов на фабрично-заводских предприятиях. Почему? Они объясняют это тем, что на предприятиях и на фабриках у профессиональных органов и так очень много функций. Поэтому они не хотят брать на себя склочных дополнительных функций. Конечно, товарищи, никто не будет спорить против того, что у профсоюзных органов на предприятиях и в учреждениях имеется много функций, но никто не будет отрицать также и того, что не все те, кто желает активно работать на наших предприятиях и учреждениях на арене общественной деятельности, имеют соответствующую нагрузку. Очень многие такой нагрузки не имеют, а желание работать у них есть. Мы считаем, что можно распределить эту работу таким образом, что некоторое количество общественников, имеющих на предприятиях и в учреждениях, смело сможет этим делом заняться. Происходили стычки в печати, происходили стычки на разных наших официальных заседаниях, и был даже такой инцидент, что когда проект положения о товарищеских судах был принят Малым Совнаркомом и пошел на утверждение в Большой Совнарком РСФСР, профессионалисты сумели сгубить его на пути, т. е. провалили этот проект в Б. Совнарком (правда, это происходило во время отсутствия А. П. Смирнова). Но так как они были связаны постановлением правительства от 26 III, где эта идея одобрялась, Совнаркому пришлось войти во ВЦИК с предложением об отмене соответствующего пункта постановления от 26 марта. К сожалению, в это время меня не было в Москве, и поэтому я не мог непосредственно приять участие во всех этих событиях. Мы отстаивали товарищеские суды и вернули проект на утверждение Совнаркома. С некоторыми поправками положение было утверждено.

Таким образом, мы видим большие законодательные

мытарства вокруг этого дела и по сей день очень плохое осуществление этой идеи. Я вменяю это в довольно большую вину всем здесь присутствующим судебным следственным органам, понятно, начиная с меня самого, моих ближайших заместителей и помощников, членов коллегии и кончая последним народным судьей и народным следователем. Нужно сказать, что эта идея, прежде всего, не привлекла к себе полного сочувствия. Ее не поняли и до сих пор не осознали в достаточной степени. Надлежащей энергии в проведении ее в жизнь не проявлено. (Голос: вы сами задержали). За чем сваливать друг на друга, товарищи. Я бы хотел, чтобы мне показали кого-либо, кого бы постигла кара Наркомюста за то, что он сам, не дожидаясь распоряжения, организовал товарищеский суд. Где такие лица? Почему нельзя было проявить в этом отношении инициативы и в явочном порядке организовать товарищеские суды. А разговоры о том, что мы сами задержали—это миф. На Северном Кавказе мне тоже пытались это сказать, но я доказал рядом наших отношений и циркуляров, что в Ростове за 3—4 месяца до моего приезда имелись соответствующие распоряжения Верховного Суда, который тоже не являлся особенно большим другом этого распоряжения.

Однако, товарищеские суды к моменту моего приезда в Ростов там еще отсутствовали. Может быть товарищи смогут здесь выступить и сказать, что они уже организованы, это было бы очень похвально. Я только две недели тому назад был в Ростове-на-Дону на краевом совещании судебных следственных и прокурорских работников, и у них тогда еще не имелось ни одного товарищеского суда. В конце прошлого года я был в Ленинграде, и там тоже тогда еще ни одного товарищеского суда не было. По Москве в этом отношении еще очень мало сделано, в этом отношении и здесь обстоит не много лучше, чем в других местах. По Москве на сегодняшний день имеется список 18 заводов и фабрик, на которых предполагается организовать эти товарищеские суды, имеется список шести фабрик и заводов по уездам, где также предполагается организовать эти суды, но фактически эти суды действуют только на

* * *

Органы юстиции и общественность. В частности, органы юстиции и печать. Взаимоотношения с руководящими органами на местах.

— У вас еще кое-где прокурор и судья не имеет своего прокурорского и судейского лица. Кое-где продолжают иметь место т. н. «семейные» отношения, чреватые расцветом гонимых, укрывательством злоупотреблений. С этим будет решительно бороться НКЮ.

Такова критика сверху, таково утверждение тезисов НКЮ. Факт несомненный, неоспариваемый.

Но делегаты отвечали встречной волной столь же ненормальных фактов.

— Немало прокуроров, судей, следователей пострадали за то, что честно выполняли возложенные на них обязанности. Именно в борьбе с местными влияниями не всегда защита таких работников со стороны НКЮ была на высоте.

Единодушно сходились на том, что защита эта в таких случаях, когда прокурор, следователь, судья становятся мишенью нападок на почве своей правильной обличительной работы, должна оказываться беззаветная, решительная, своевременная.

Вопрос о взаимоотношениях с печатью трактовался до некоторой степени, как вопрос весьма тонкий, щепетильный. Это положительно чувствовалось во всех выступлениях и объясняется «инцидентами», предшествовавшими съезду. Чувствовалась какая-то неловкость... неловкость «заинтересованной стороны».

Тем не менее две основных и по существу бесспорных, на мой взгляд, мысли сквозили в речах всех выступавших товарищей.

Во-первых, мысль о том, что работники юстиции ни в коем случае не должны формально относиться к самокритике и критике печати, не должны отделиваться от публики, не должны думать, что работа органов юстиции пользуется какой-то неприкосновенностью. Под самый свирепый обстрел масс, печати должна быть взята эта работа.

Во-вторых, мысль о том, что печать—это острое оружие, которым в целях самокритики и критики, нужно пользоваться со всей осмотрительностью для того, чтобы оно приносило пользу, а не вред для пролетарского правосудия, для социалистического строительства. Указывался ряд ярких фактов, когда оружием этим пользовались неосмотрительно, когда в результате этого шельмовались ни в чем неповинные работники юстиции, когда печать использовалась кулацкими и тому подобными элементами.

Вывод метко сформулировала т. Цейтлин (прокурор Тульской губ.):

— Мы хотим найти общий язык с печатью, и мы его найдем. И не только с печатью, но и со всей советской общественностью.

Красной нитью во всех речах выступавших товарищей проходила здоровая, менее всего бюрократическая мысль:

— Одними нашими силами, силами органов юстиции мы не в состоянии, даже при максимальном напряжении всех сил, выполнить тех огромных задач, которые партия и советское государство выдвигают по линии борьбы за революционную законность.

Тов. Кожевников (Крым) в соответствии с этим выдвинул интересную мысль:

— Нельзя ли нам, работникам юстиции, использовать богатый опыт РКИ, методы РКИ по привлечению общественности. В Крыму приступили к организации групп содействующих прокурорскому надзору. Опыт дал положительные результаты.

Мысль чрезвычайно богатая и содержательная.

Тов. Янсон высказался положительно по этому вопросу.

— Надо и «легкую кавалерию» нам попытаться использовать. Но надо, конечно, это делать обдуманно и смотреть за тем, чтобы она скакала туда, куда следует.

Тем большего внимания заслуживают правильные, на мой взгляд, замечания некоторых товарищей насчет того, что мы еще плохо используем тот актив, который собираем вокруг себя, как—общественных обвинителей, народных заседателей.

трех фабриках—Трехгорной Мануфактуры, Петра Алексеева и Богатырь. Если даже эти сведения не точны, если сюда еще прибавить три фабрики или завода, мы получим организованные товарищеские суды на семи фабриках и заводах, то и этого совершенно недостаточно. Тут нужно было сделать гораздо больше, тем более, что мы говорим о Москве.

Правда, теперь это дело получит свой толчок. Я надеюсь, что особенно хороший толчок будет ему дан предстоящим съездом. Я не знаю, чем объяснить такое, если не сказать сильнее, тупое равнодушие к этому вопросу. В чем дело? Чем мы можем объяснить этот факт, что такое важное дело до сих пор почти не сдвинуто с мертвой точки. Неужели здесь играют роль соображения ведомственного характера, боязнь потерять кусок хлеба, что ли? Такие соображения, конечно, должны быть отброшены, но я не думаю, чтобы кто-нибудь из этих соображений исходил. Между тем весь этот вопрос находится в тупике. Должен сказать, что у нас и писать по этому вопросу не умеют. Из всего, что я читал по поводу товарищеских судов и примирительных камер, наилучшей статьей является статья, помещенная в таком журнале—«Суд идет», который, к сожалению, не пользуется высоким кредитом у нас, среди судебно-следственных работников. И такое же отношение к нему имеется даже со стороны некоторых членов Коллегии. Должен прямо сказать, что в этом отношении ЕСЮ не дал лучшего материала, в нем не было такой статьи, как эта статья под заголовком «Трибуналы общественного мнения». Такой статьи я в «Еженедельнике Советской Юстиции» не нашел и до сих пор ее нет. А я полагаю, что когда эту статью прочитает любой средний работник, даже не судебно-следственный работник, он прекрасно поймет, какая идея сюда вложена.

Попутно могу сказать, что, по моему мнению, как раз этот орган—«Суд идет» является той популярной формой увязки работы судебно-следственных органов с населением, которой нам так сильно недостает, потому что нашу специальную юридическую литературу могут читать только те, которые читают ее по прину-

ждению, т. е. по должности, должность их обязывает к этому, а остальное население эту литературу не читает и будет читать разве только в том случае, если вы сверх подписной платы дадите им премию за то, что они будут утруждать себя этим делом.

Так вот мы очень тихо двигаемся по пути организации товарищеских судов. На это дело нужно припалеть. И я полагаю, что в дальнейшем организационную работу, организаторские способности судей и прокуроров мы будем оценивать по количеству правильно работающих и функционирующих у них товарищеских судов и примирительных камер.

Эти органы являются как раз той формой, которая требуется нам для того, чтобы возросла в настоящее время и расширяющаяся советская общественность могла бы найти применение себе и в нашей судебной системе.

Здесь я должен сказать несколько слов о нашем материальном положении. Правда, как видите, в моих тезисах об этом ничего нет. Но я очень хорошо подготовлен к тому (на основе бывших раньше съездов и совещаний), что вероятно с этой трибуны будет пролито немало слез относительно плохого материального положения на местах и будут просьбы о материальной поддержке. Я иду вперед и ставлю сам этот вопрос так, как его надлежит поставить.

Должен довести до вашего сведения, что РСФСР тратит на судебно-следственные органы в общем по НКЮ и по НКВД—местному бюджету, по подсчету Наркофина РСФСР, около 50 миллионов рублей. Эта сумма значительная и большая. На эти миллионы можно было бы делать гораздо более полезное дело, если бы их обратить на индустриализацию страны и сельское хозяйство.

Отсюда установка, что улучшение нашей работы должно заключаться не в том, что мы будем увеличивать эту смету, увеличивать накладные расходы нашей страны и нашего правительства, а, наоборот, мы будем уменьшать эту смету, уменьшать наши расходы. Вот какая установка должна быть. Каждый сбережен-

— Мало пока сделано,—замечает т. Червяков,—для того, чтобы хотя бы кампанию ежегодных перевыборов народных заседателей и общественных обвинителей превратить в широкие политические кампании.

И наряду с этим:

— Надо добиться во что бы то ни стало организации при всех исполкомах административно-правовых комиссий.

— Надо двинуть вперед дело правовой пропаганды.—Центральное бюро при НКЮ само себя проявило слабо и... аплодисменты встречают заявление т. Янсона о том, что бюро это ликвидировано, что этим должен весть Оргинстр.

Словом, целая программа действий по линии общественно-политической работы.

* * *

Сетуют, и подчас справедливо сетуют, на работу органов юстиции, т. е. на ряд недочетов в этой работе. На волокиту, бюрократизм, формализм.

— Они не изжиты. Это констатируют тезисы. Это признают делегаты с мест.

Тов. Солыц приводил яркие эпизоды:

— Сколько бывает случаев, когда по пустячному делу мы гоняем людей по этапу для допросов. Вот в Новороссийске я узнал, что одного мужа с женой два месяца таскали по этапу, и в конце концов их освободили. В чем тут дело? В волоките, в бюрократизме, в формализме. Только тогда, когда человека окончательно доканали, его окружают величайшим вниманием, начинают разбираться в сущности его дела и привлекают к ответственности тех, кто был к покойному невнимателен.

— Со всеми проявлениями бюрократизма, и особенно в органах суда, надо беспощадно бороться. Надо каленым железом выжигать бездушный формализм. Надо оценивать дела по существу, а не только по документам и бумажкам. Только тогда мы и будем иметь подлинную революционную законность.

Но есть кое-какие, я тоже небезосновательные, претензии к работникам юстиции.

Суть не только в материальных условиях, подчас, весьма и весьма тяжелых и неблагоприятных.

— Каждый сбереженный рубль на индустриализацию страны, на коллективизацию сельского хозяйства. И срезаемый из бюджета НКЮ миллион, хотя, естественно, не может не ощущаться совершенно болезненно на работе органов юстиции, все же встречен съездом с полным сознанием цели, во имя которой бюджет срезан.

Но когда в двух смежных районах следователи, судьи, технические работники получают резко различные ставки, когда местами в пределах имеющихся объективных возможностей не уделяется органам юстиции то, что необходимо, когда кое-где работники юстиции «рождаются и пребывают вне бюджета», когда местами проблему оздоровления личного состава органов юстиции разрешают выделением совершенно и заведомо негодных работников (например, в Воронеже, в судьи выделили лицо с 8 судимостями)—вот на что сетовали и справедливо сетовали некоторые делегаты съезда. И тут, несомненно, предстоит также добиться кое-где самого решительного перелома.

Или, например, такие штрихи:

— Товарищеские суды. Великий почин. Путь вовлечения широкой общественности к управлению правосудия. Начало пути, ведущего к отмиранию государственного суда. А как профсоюзы? Не только нет содействия, а местами широкое противодействие.

И еще более резко:

— Никакого стыка с нами профсоюзы не делают.

В частности, это отражается на работе по докладам на рабочих собраниях.

— Трудно прорваться, подчас, на эти собрания с нашими докладами. Трудно не потому, что наши доклады не интересуют рабочих, но потому, что нет содействия профсоюзных органов.

А разве не прав делегат, выразивший такую мысль:

— Хорошо что усилилось внимание к нам печати в порядке самокритики. Но плохо, когда нет внимания к нам по линии помощи.

ный миллион есть результат нашей хорошей работы. Вот куда мы должны направить свое внимание и энергию, вот чего требует от нас наше правительство. Если мы этого не сделаем добровольно, нам придется это сделать в принудительном порядке.

Я должен рассказать здесь один эпизод. Мои товарищи, которые занимаются административно-финансовым делом, в прошлом году сделали большое дело и достигли хороших успехов: они увеличили смету непосредственно по НКЮ почти на 2 миллиона рублей. Около миллиона рублей—путем перечисления, потому что раньше госнотариат был на хозрасчете, а теперь переведен на госбюджет, естественно переводятся и деньги, которые тратились раньше по одной рубрике. Прибыль отходит к государственному бюджету, но также отходят и расходы по госнотариату, при чем сами расходы по госнотариату сократили, срезали. Если эти суммы сбросить с нашей сметы, все же оказывается, что наша смета выросла на миллион рублей по сравнению со сметой на 27—28 г., и это считалось достижением, при чем указывали, что основным источником, который вызвал и потребовал увеличения средств, якобы, явилось районирование областей.

Жалоб на то, что нас притесняли, я не имел. Гладко и дружно прошла работа по бюджету. Тов. Алнмов доложил мне об успешном прохождении этого дела. Повторяю, жалоб никаких не было и лишь по небольшим суммам, относящимся к капитальному ремонту нашего здания и почтово-телеграфным расходам, у нас были расхождения с Наркомфином.

Воодушевившись этой благодарью, я довольно основательно и категорически добивался этой суммы в Совнарком. В Совнарком РСФСР это было удовлетворено, но когда дело дошло до Союзного Совпаркома, там было обнаружено, что вопреки директивам правительства о сокращении административно-управленческих расходов на 20%, эти расходы на 1928—1929 г.г. превысили уровень 1927—1928 г.г., да еще возросли на 8 миллионов рублей другие расходы. Поэтому последовало распоряжение, эти 8 миллионов рублей изъять из административно-управленческого сектора и нап्रा-

вить на индустриализацию. И вот этот миллион рублей, который считался нашим достижением, приказал нам долго жить. 600 тысяч рублей мы изыскивали сами при помощи всяких сокращений, но думаю, и остальную часть тоже из нас будут выжимать. Принципиально я не буду возражать ни на йоту и считаю правильным постановление правительства, что каждый миллион, сэкономленный на этих расходах, должен явиться последствием нашей весьма хорошей работы, ибо хотя мы все-таки орган нужный, необходимый, без нас обойтись нельзя, но мы для государства все же накладной расход. Чем меньше будет этого накладного расхода, тем для государства будет лучше. И вот для того, чтобы помочь государству разгрузиться, нужно привлечь к этому делу общественность. Наиболее правильной и уже проверенной формой для городов являются товарищеские суды. Целый ряд мелких дел, которыми были по горло загружены наши народные суды, останется там, дальше не пойдет. Судяжность будет уменьшаться, решения будут не хуже, а в целом ряде случаев лучше. Народные суды смогут заняться такими делами, которые им действительно следует разбирать. И наконец, этим путем, мы идем робким шагом по линии нашей партийной программы, где сказано, что все трудящееся население должно привлекаться к отправлению судебных обязанностей. Ильич сказал, что «каждая кухарка должна уметь управлять государством». Это выражение известно всякому гражданину в нашей стране, и это не только крылатая фраза, этого мы должны действительно добиться. Где это может скорее всего применяться? Безусловно одним из таких мест являются судебные органы. В качестве народных заседателей эти «кухарки» уже работают и очень недурно. Дальше можно дать им самим выполнять судебную работу. Активности имеется достаточно, в этом мы вполне уверены. Поэтому наше категорическое требование к нашим органам—нажать по линии создания товарищеских судов.

На организацию примирительных камер при сельсоветах мы пошли другим путем, как я уже говорил—

Ряд делегатов характеризуют безразличное отношение некоторых местных органов к вопросам революционной законности. Местами существует такое предвзятое, что заниматься этими вопросами надлежит только и исключительно прокуратуре.

Представление в корне неправильное. Одной прокуратуре, одному ведомству юстиции с этими задачами справиться невозможно физически.

Например, борьба с кабальными сделками. Часть этих сделок не замечают некоторые судьи из-за отсутствия классового подхода. А еще большую часть их фиксируют в сельсоветах, несмотря на то, что сельсоветы также обязаны вести борьбу с кабальными сделками.

И также обстоит с лежекооперациями, лежеколхозами, действующими открыто, на глазах риков, с продажей земли, с засильем кулачества.

Вывод отсюда ясен: надо добиться большего содействия, большего участия и других советских органов в пределах отведенной каждому из них компетенции задаче проведения революционной законности, задаче борьбы с кулацкой и иной преступностью.

Уже не говорим о фактах прямого противодействия, недопустимого вмешательства и давления в сторону покрытия злоупотребления. С этими явлениями должно вести борьбу еще более решительную, чем это имело место в 1928 г., когда борьба с ними, несомненно, усилилась.

* * *

В прениях отразились и нужды по правовому обслуживанию национальных меньшинств.

Делегатка Ли красочно рассказала о ряде безобразий в отношениях к национальным меньшинствам, кое-где на ДВК. Некоторые из них могут быть устранены в процессе развертывания культурной революции. Есть еще такие отсталые русские, которые ни за что не уступают дороги корейцу, считая, что это во всех случаях обязан делать кореец. А затем в один голос: не хватает юридической литературы на родном языке.

— Товарищ Янсон, запишите себе в блок-нот о литературе для национальностей.

Тов. Янсон записал в блок-нот. Но вместе с тем в заключительном слове напомнил о том, что в требованиях коренизации надо различать две струи: мелкобуржуазную, ищущую себе под флагом коренизации портфелей, и здоровую пролетарскую. Поддерживать следует только вторую.

* *

Т. Соснин рапортовал съезду:

... Во Владимирской губ. мы провели опыт объединения того, что можно объединить в работе прокуратуры и губсуда. При этом сохранили свое прокурорское лицо и кое-что сэкономили. Инициатива Владимира заслуживает изучения и внимания.

... Нельзя ли вновь поставить вопрос о ликвидации земельных судов, которые уже сами приходят к выводу о том, что они не удовлетворяют своему назначению.

Старый, но «вечно юный» вопрос! Жизнь упорно вновь и вновь ставит его в той плоскости, в какой его неоднократно, но пока безуспешно ставил НКЮ.

... Надо провести коренные упрощения в порядке исполнения решений.

... Больше внимания защите интересов красноармейцев. Учитывается ли необходимость выработки законов на случай военного времени.—спрашивает т. Орловский.

И так далее, и так далее.

Целая гамма критических замечаний, инициативных мыслей и предложений, правда, распыленных, отрывочных, скованных в своем обосновании жестким 10-минутным временем для выступления по регламенту.

VI Всероссийский съезд работников юстиции работал не вхолостую. Он делал творческое дело. Ни одно из деловых, инициативных замечаний не должно и не будет оставлено без дальнейшей проработки. Каждое из них, хотя бы и не нашедшее отражения в по необходимости ограниченной по объему резолюции, будет учтено в дальнейшей практической работе НКЮ по проведению директив партии и правительства.

Н. Лаговисер.

явочным порядком. Мы решили провести в некоторых местах опыты, потом по мере получения результатов, и если результаты эти будут положительными, опыты этот расширить. Первым местом выбрали наиболее близкое место—Московскую губернию, чтобы был бы лучший надзор, чтобы легче было провести учет результатов. И вот, в двух уездах Московской губернии развернули примирительные камеры. По Московской губернии организовано: 49 примирительных камер по Богородскому уезду и 12 по Воскресенскому, всего 61. Теперь по Ленинградской области организованы 42 примирительных камеры, в Лужском и Ленинградском округе. По ходатайству Брянского губсуда нами 14.11—1929 г. разрешено организовать примирительные камеры по всей губернии. Таким образом, это дело начинает двигаться. Я не могу тратить много времени на описание организационной работы, но трудов было положено немало и в этом можно и нужно отдать честь Московскому губсуду, немало он здесь поработал. Я никогда не устану хвалить и приводить в качестве лучшего примера члена Московского губсуда тов. Тимофеева, который прошел 450 километров пешком, насаждая примирительные камеры и проверяя их работу. Его работа дает хорошие результаты. Он доказал, что примирительные камеры нужны, и он доказал, как можно и нужно настоящему общественнику работать на общественном поприще.

Что делают эти примирительные камеры? За шесть месяцев по Московской губернии поступило в примирительные камеры 435 дел. Из них уголовного характера—309, гражданского—126. Разобрано из 435 дел—408 дел. 49 из них прекращены за примирением сторон, приговорено к штрафу—190 человек, принудительным работам—39 человек, выговоры и общественное порицание вынесены 95 человекам и другим взысканиям подверглось 14 человек, оправдано 17 человек. Быстрота рассмотрения дел от 7 до 30 дней. По словесному заявлению возникло 82 дела и по письменному 353. Мы ознакомились с этими корявыми мужицкими приговорами, написанными без всякой формы на отдельных клочках бумаги. В этих приговорах выявляется сама, так сказать, народная мудрость. Не мешало бы кое-кому из наших судей поучиться на этих приговорах, как нужно писать простые и всем понятные приговоры. Но тут у нас есть одно горе. В Москве это дело пошло хорошо. В положении о примирительных камерах и о товарищеских судах сказано, что в этих судебных органах не должно быть никакой формальности, самая простая домашняя обстановка, и что нужно каленым железом выжигать всякую формальность. В Москве так это дело и было организовано. А в Ленинграде какой-то из чиновников не утерпел и тотчас же разработал форму приговоров для этих самых судей. Он считал, что нужно дать шаблон, по какому должны писаться приговоры, он стал вводить затем торжественное обещание, вызов сторон и т. д. Пришлось обратить внимание Ленинградского суда на эти недостатки и категорически потребовать, чтобы они были устранены. Я не могу останавливаться на практике этих судов, на ряде очень жизненных и интересных случаев работы этих примирительных камер.

Можно привести некоторые примеры. Вот что наблюдалось, при самой организации: оказывается все наиболее положительное, в смысле трудоспособности, зрелости и т. д., поддерживало в деревне организацию примирительных камер. Некоторые, и отчасти молодежь, бузили против организации этих камер в деревне. Кое-где проявлялось хулиганство в отношении их создания. В одном месте, где под напором общественного мнения было решено, что нужно создать прим. камеру, в качестве судьи, как говорят выбрали козла. Это было хулиганство. Но потом положительная часть населения собралась, выбрала суд и он действует и работает в настоящее время. Журнал «Суд идет» пишет, что в Ленинградской области были такие факты, когда выбранный судья сейчас же предъявляет к ВИК'у требование, чтобы ему платили жалование и ответи соответствующее помещение. Он получил соответствующую должность, а потому—гои монету. Но это—отдельные случаи. В большинстве случаев эти деревенские организации правильно улавливают свою роль, охотно берутся за работу и прекрасно находят для нее средства. В деревне первый вопрос—

это помещение, в котором проводить эти суды. Такие суды являются там культурным начинанием. Если заседание прим. камеры устраивается летом, то вся деревня усаживается на стульях прямо на воздухе и слушает. Зимой для этого нужно закрытое помещение. Тогда панимают крупную хату или ригу и там проводят заседание. За это платят арендную плату в 2—3 рубля. Эти деньги выручают наложением штрафа на того или другого подсудимого. Получается еще остаток, который они сдают в культурный фонд.

Как они выносят приговоры? Я могу привести два—три наиболее ярких примера. Что бы сказали товарищи из любой деревни (а здесь не мало низовых работников), если бы воллснолком издал обязательное постановление о запрещении азартных игр в карты на деньги? Это вызвало бы большое возмущение со стороны населения против органа, который издал бы это постановление и попутно против всей власти центральной и иной. А вот, когда прим. камера штрафует за игру в карты на деньги и за азарт, то никто и не пикнет по этому поводу. Все считают, что это совершенно правильно, а соседи оштрафованных, не желая платить штрафа, перестают бросать деньги на карты. Не является ли это достижением на нашем культурном фронте, не помогает ли это производить культурную революцию? Ответ, конечно, должен быть положительным.

Другой пример: в деревне имеется, допустим, бодливая корова, которая нанесла кому-нибудь ущерб. Потерпевший жалуется в примирительную камеру. Прим. камера решает, что нужно снллить корове рога. Рога спиливаются, а за одно спиливаются рога и у других бодливых коров для того, чтобы не попасть в прим. камеру. А вот какие меры репрессии: штраф в один рубль или пять рублей, принудительные работы сроком на три дня, при чем эти взыскания отбываются добровольно. Другой пример: три девушки в красном уголке разбили два стекла и их за это подвергнули принудительным работам по уборке красного уголка. Гр. Лесников за нанесение побоев своей жене был подвергнут двум дням принудительных работ с отобранием подписки о том, что больше с ним этого не повторится.

На этом вопросе нужно немного остановиться. Что касается побоев, то я думаю, что у нас немало их приходится на долю женщины и в городе. Обычай этот доходит иной раз и до довольно ответственных партийных работников. Тут нечего греха таить, нужно прямо сказать. Что касается деревни, то там побоев неисчислимо количество и никакой народный суд в этом отношении всех удовлетворить не может, прежде всего потому, что туда не пойдут. Народный суд обыкновенно расположен за 20—25 км. и пока женщина туда дойдет, у нее уже и сердце отойдет. А пойти в прим. камеру—это другое дело. Туда она скорее пойдет, и туда они придут. Но даже если дело попадет в народный суд и если мужик даже отправится за 20—25 км., все же дело разбирается там в суде, где находится может быть один—два человека из этой деревни и те тоже попали туда по каким-нибудь аналогичным делам. Обычно наша аудитория народного суда состоит из тех, кто очереди ждет, а не из простых слушателей. Совсем другое дело в примирительных камерах. Народный суд определит соответствующий штраф, штраф этот уплатят и этим дело кончается. А когда дело разбирается в примирительной камере, это делается на глазах у всего мира, все присутствуют, все слушают, все знают, что за это будет дано Петрову или Иванову. Это имеет сильнейшее воздействие. Наши исследователи спрашивали у таких мужиков, после того как их осудили в примирительной камере, как они реагируют на это дело, не предпочли ли бы они судиться в народном суде, и ответ всегда был один: безусловно, мы предпочли бы судиться в народном суде, а не в примирительной камере. Там это делается казенно, а здесь перед всем сходом, и после этого ну ее к чорту, жену, больше пальцем до нее не дотронусь.

Одним словом, товарищи, ростки это дело дало прекрасные, практика уже имеется и на это дело нужно обратить внимание. Мы поставили это дело сейчас таким образом, что организуем эти примирительные камеры довольно широко, между тем как еще законодательного акта, положения о примирительных камерах

у нас не имеется. Мы предложили целому ряду крупнейших областных центров и губерний, промышленных в первую очередь и крестьянских, развивать эти примирительные камеры под своим надзором, постепенно увеличивая их количество. Когда этот опыт будет собран, когда мы уловим все практические стороны этого дела, тогда мы сможем претворить это в соответствующий законодательный акт и провести через соответствующие законодательные инстанции.

В целях разгрузки судов от выдачи судебных приказов и передачи такого рода дел в ведение нотариальных контор правительством РСФСР по предложению НКЮ исключена глава XIV ГПК и изменены статьи 22, 187, 191, 225. Благодаря этому, судьи в значительной степени разгрузились от этих дел.

И не буду здесь подробно останавливаться за недостатком времени, а главным образом, потому, что есть соответствующий доклад, на основных принципах пересмотра Угол. Код., а также не буду говорить о Гражданском Кодексе. Упомяну только, что эти задачи поставлены сейчас перед нами активно и их нужно разрешать. Вы будете по отдельным докладам обсуждать эти вопросы.

В области руководства Наркомата у нас имеется довольно значительное изменение. Когда я пришел работать в Наркомат юстиции, я нашел здесь довольно ярко выраженные, две почти самостоятельные части: с одной стороны, суд и, с другой—прокуратуру. Сам Наркомат юстиции, который должен был бы объединять эти части, был несколько на отлете от одной, по крайней мере, части—от суда. И в самой Коллегии Народного Комиссариата Юстиции было, прямо нужно сказать, прокурорское засилье. Это мы исправили тем, что ввели в Коллегию известное количество судей. Теперь у нас паритет: парочка есть по природе ни к той ни к другой стороне не относящихся, нейтральных людей,—я и тов. Юрина. Остальные имеют паритет—три и три. Если считать тов. тов. Крыленко, Бранденбургского и Алимова прокурорами, то мы имеем: т.т. Стучка, Стельмаховича и Челышева—судьями. Но это деление в нашей внутренней работе, в Коллегии, не проявляется и изживается. Можно сказать, что мы теперь имеем единое руководство.

С другой стороны, мы вехали в один дом с Верховным Судом, это дало нам возможность значительно сократить расходы по центру, излишнее количество работников освободить (и в дальнейшем мы будем их еще освобождать), сделать центральный аппарат более гибким. Но эта работа еще не закончена и теперь.

Конкретно можно сказать, что смету НКЮ по сравнению с прошлым годом сократили на 108 тысяч руб.

Характер работы Верховного Суда значительно изменяется в силу того, что мы передали кассационные функции на места. Это тесно связано со всей общей организационной политикой правительства.

Территориальное районирование в течение этого года и может быть половины будущего очевидно завершится. По намечке, которая имеется, мы будем иметь по РСФСР 13 областей и затем национальные республики. Районированных областей уже имеется 8, а 5 намечено образовать, как я уже сказал, в ближайшее время. Кассационные функции будут переданы во все эти областные и краевые суды, следовательно Верховному Суду придется быть оперативным органом лишь для тех дел, когда в качестве первой инстанции будут судить краевые и областные суды, в случае подачи кассации.

След., придется сосредоточить работу Верховного Суда на даче директивных указаний, усилении живой связи с местами, что мы поставили себе задачей, большем количестве выездов на места, участии в работе местных пленумов судов, проверке работы аппарата, целевых обследованиях на местах и целом ряде других способов, которые усилят прямую связь. Если я не протестовал при урезке целого ряда других расходов в том числе зарплат, то нам ни одной копейки из фонда путевого довольствия не сократили, принимая во внимание необходимость живой, гибкой связи и руководства. Несмотря на то, что аппарат наш сократился на 77 штат. единиц, и еще предстоит его реорганизация в центре. Очень отрадны и похвально то, что те изменения, которые до сих пор были произведены, были нами самостоятельно разработаны.

Коллегия явилась их инициатором. Сейчас отдельные члены бюро ячейки Наркомата вместе с месткомом и рядом работников работают над идеей еще дальнейшего сокращения нашего аппарата при помощи полного пересмотра структуры нашего Наркомата. Есть возможность предполагать, что удастся сократить аппарат в центре на 35% и иметь более гибкую и лучшую структуру, чем она имеется в настоящее время. Но и теперь по количеству отдельных частей управления мы ежались довольно значительно. Наша внутренняя структура в настоящее время следующая: Прокуратура Республики делится на отдел судебного надзора, наблюдения за органами следствия и дознания, местами заключения и следственного аппарата НКЮ. 2-й отдел надзора по трудовым делам. 3-й отдел надзора за органами ГПУ и 4-й отдел общего надзора,—вот те части, на которые делится прокуратура внутри.

Верховный Суд имеет Пленум, Президиум, Уголовно-Судебную и Уголовно-Кассационную Коллегию, Гражданско-Судебную и Гражданско-Кассационную Коллегию. Если в тот момент, когда мы передали кассационные функции на места, в Верховном Суде имелся завал: по Уголовному Отделу было 7 тыс. с лишним дел, по Гражданскому тоже тысячи полторы, то в настоящее время это количество значительно уже уменьшилось, имеется всего 2.000 дел.

Для обслуживания этих двух главных частей Наркомата создано Организационно-Инструкторское Управление. В его составе имеется Организационно-Инструкторский Отдел, Учетно-Распределительный Отдел и Статистический Отдел. Оно является вспомогательным органом прокуратуры и Верховного Суда.

Наконец, пятый отдел—это Отдел Законодательных Предположений, который до сих пор мы оставляли еще в качестве самостоятельной единицы. От М. Совнаркома и от Большого Совпаркома к нам поступает масса законоположений, которые готовятся, разрабатываются в этом Отделе Законодательных Предположений.

Я знаю, что здесь будут вполне справедливые нападки на наш аппарат, главным образом, за недостаток четкого согласования в смысле дачи директив. Здесь имеется еще значительный разброд. В особенности это было в первое время. Несмотря на то, что мы даже уехали в одном доме, старые навики еще существовали. Поэтому я не буду удивлен, если выйдет какой-либо товарищ и покажет две разноречивые директивы: одну, полученную из прокуратуры, а другую—из Верховного Суда. Я совершенно это допускаю, я признаю, что этот грех существует. Могу сказать только то, что предохранительные меры с нашей стороны приняты, и в дальнейшем, вероятно, эти случаи будут доведены до минимума, а может быть и совершенно будут уничтожены, понятно, добиваться мы будем их совершенного уничтожения. Структура у нас простая. По проекту, который разработан, она может быть еще более упрощена, но я считаю преждевременным говорить о проекте, поскольку он в точном виде еще не представлен. Придется еще обсудить его в деловом порядке.

Два слова о передаче кассационных функций на места—это дело уже осуществлено, но насколько оно хорошо идет, это еще находится под вопросом. Все же нет никаких сомнений, что само мероприятие—передача кассационных функций на места—совершенно правильно. Проверку же в смысле качества работы мы произведем в ближайшем будущем. Надеюсь, что после Съезда будет у нас организована специальная академия из авторитетных членов Верховного Суда, которая обещает эти областные суды и сама разберет некоторые прецедентные дела, чтобы своим примером научить, как нужно работать. Она проверит практику, имеющуюся на местах, укажет недочеты, а также предложит мероприятия, устраняющие эти недочеты. Но иной организационной структуры никоим образом нельзя себе теперь представить при том территориальном районировании, которое происходит в областях. Благодаря этому районированию будет везде и всюду квалифицированное общее руководство, как партийное, так и советское. Точно также квалифицированное руководство должны будем и мы везде и всюду создать в помощь этим органам.

Известная самостоятельность, необходимая в судебном деле, должна быть предоставлена каждому

краю, и без кассационных функций суды там существовать в дальнейшем, понятно, не смогут.

В отношении работы прокурорских органов мы уже имеем здесь очень недурно налаженную коллегиальную работу, которую думаем продолжить и дальше. Директива XV Парг'езда и директива правительства потребовали коренного пересмотра не только методов, но отчасти и самого содержания прокурорской работы. Под этим знаком проходит метод приспособления прокурорской работы к выполнению указаний директив. В марте 1928 г. было созвано 3-е совещание прокурорских работников. Там мы тщательно разработали эти новые методы, что по сие время остается в силе и должно проводиться. Из практических предложений, которые были там выдвинуты, мы упомянем здесь главные: изменение метода общего надзора, замена бумажного надзора и чисто поверхностных обследований и участия в различных комиссиях перепесением центра тяжести на максимальное развертывание живой связи с рабочей, бедняцкой и середняцкой массой и советской общественностью. Работа прокуратуры в деревне ориентируется на активное вмешательство на стороне бедноты и батрачества на происходящую в деревне классовую борьбу. В качестве основного момента организационной работы предложено через советскую общественность производить наблюдение не только за нарушением, но и за исполнением законов, в первую очередь тех законов, которые регулируют борьбу между социалистическим сектором хозяйства и частным капиталом, в целях большей коллективизации сельской бедноты и защиты интересов сельского пролетариата. На этом заострено внимание прокуратуры. Кроме того, мы ставим перед прокуратурой и судебными органами большую новую задачу. Они должны взять на себя пируюкую инициативу в области исправления действующих законов. По существу своей работы мы повседневно этим занимаемся, наблюдая за законностью, и если не будет формального чиновничьего подхода к делу, то и прокуратура и суд неизбежно должны сталкиваться с разными несовершенствами действующего законодательства. Об этих несовершенствах нужно сигнализировать нам, а мы должны принимать соответствующие меры, чтобы их устранять. Понятно, эти указания целиком и полностью сохраняют свою силу и по сей день. Инициатива мест в этом отношении мала. Нужно, чтобы она наталкивала нашу мысль на необходимые исправления недочетов действующего законодательства. Мы призываем всех наших товарищей, чтобы они обратили на эту задачу серьезное внимание, поставили ее перед собой и старались бы ее выполнить.

В отношении самого законодательства мы ставим перед собой определенные, конкретные задачи и предъявляем большие требования. Не так давно мы заслушивали доклад Отдела Законодательных Предложений нашего наркомата. Мы констатировали, что эта работа протекает у нас в условиях чрезвычайной текучести нашего законодательства. Даже наиболее устойчивые законы все время видоизменяются.

Параллельно с разъяснениями и толкованиями, идущими от нас, идут ведомственные разъяснения и толкования от других наркоматов, причем они часто издаются наркоматами самостоятельно, никто не успевает за ними следить, а иногда, когда они согласованы с нами, у нас тоже нет полной гарантии их правильности. В то же время законодательные акты писались и до сих пор пишутся не популярным языком, мало доступным для понимания широких масс трудового населения. Вот это очень большой недостаток.

Я позволю себе здесь небольшое отклонение. Когда я пришел работать в Народный Комиссариат Юстиции, мне пришлось в первую очередь войти в столкновение с нашим отделом законодательных предположений, и как раз в вопросе не о смысле и содержании бумаг, а, главным образом, в вопросе о языке, которым они пишутся. Первые бумаги, которые мне приносились на подпись, в огромном своем большинстве, на половину или даже на три четверти, мною браковались, они требовали переделки. Был такой характерный случай. Однажды мне один из ответственных работников отдела законодательных предположений сказал: зачем вы требуете такого упрощения языка, если это есть переписка между юристом, который сидит в на-

шем отделе законодательных предложений, и юристом, который сидит в Малом Совнаркоме. Я вынужден был ответить на это, что если имеются два юриста, которые между собой сносятся на юридическом жаргоне, то ведь нужно все-таки, чтобы и остальные люди, население, которое вероятно тоже заинтересовано в их сношениях, понимало о чем пишется в этих бумагах, чтобы не приходилось им через переводчика эту бумагу читать. И отсюда теперь поставлена задача, требование с нашей стороны, которое вписано в качестве основного задания Отделу законодательных предположений, чтобы при разработке новых законопроектов и переработки в случае необходимости существующих законов, при даче разъяснений и заключений по законопроектам других ведомств, добиваться такого их изложения, чтобы они были понятны рядовому рабочему и крестьянину. Наши советские законы совершенствовать нужно только таким образом, чтобы каждый рабочий и крестьянин, к которому этот закон относится, в котором он заинтересован, прочтя его, сразу понял бы, что этот закон от него требует. А если для этого требуется особая специализация, если для этого нужно изучать специальный юридический жаргон,—мы с этим не согласны.

Прокурорское совещание по линии борьбы с преступностью и по линии работы в области судебно-следственного надзора, в соответствии с директивами партии, наметило следующее. Было предложено прокурорам ликвидировать совершенно ненормальное положение, когда нередко задача борьбы с преступностью, вопросы надзора за следствием во всех его стадиях, отодвигается в повседневной работе на второй план, в то время как это должно являться центральным местом в работе прокуратуры; необходимо ликвидировать наблюдающийся местами отрыв работы по борьбе с преступностью от масс и от советской общественности, в результате чего прокурор не знает о систематических злоупотреблениях в его работе. Необходимо взять твердый определенный, резкий и безоговорочный курс в борьбе с злоупотреблением и ликвидацией того уклона, который у нас теперь принято называть «семейным» уклоном, «семейным» разрешением дел. Эти требования категорически зафиксированы в постановлениях этого совещания и в ряде циркуляров, нами изданных.

Понятно, товарищи, что совершенно никуда не годится такое положение, которое обрисовалось на первом докладе, на котором я присутствовал, в феврале м-це, на ревизионном совещании, прокурор Смоленской губернии и председатель губсуда выступали с докладом о своей работе. В этом докладе приводили сведения о том, сколько имеет Смоленская губерния кв. километров, сколько живет там чуть ли не лопарей и эскимосов,—все это перечислялось в докладе. А когда спросили работников в конце доклада, каковы у вас взаимоотношения, внутренний порядок, нет ли у вас чего-либо болезненного, не заметно ли каких-либо крупных злоупотреблений, гнойников, нам было сказано, все более или менее обстоит благополучно, а взаимоотношения с соответствующими партийными и советскими органами прекрасные.

Через месяц или полтора после этого был открыт гнойник в Смоленской губернии, все руководство полетело кубарем, но об этом ничего не было сказано.

Поэтому мы с таким семейным порядком работы примириться никоим образом не можем. Стремимся к ее полной ликвидации и требуем, чтобы прокурор в этом деле был самостоятельным и не боялся бороться. В то же самое время Народный Комиссариат Юстиции взял и будет продолжать линию на энергичную защиту судебных и прокурорских работников во всех тех случаях, когда они будут подвергаться нападкам за правильное выполнение возложенных на них партийных обязанностей.

Мы думаем, что на реальных примерах мы доказали способность отстаивать, когда в этом имеется потребность и когда прокурор прав.

Я должен здесь на с'езде повторить то, о чем я в ряде случаев, на местных совещаниях, в отдельных беседах и в Коллегии говорил. Понятно, форма имеет определенное значение, форма тоже нужна. Для судебно-прокурорской работы весьма важна форма, это так. Но нужно сказать, что у нас и форму как следует тоже не умеют соблюдать. В работе Коллегии часто прихо-

дятся приучать товарищей, чтобы они связно изложили предложения, которые затем могли бы быть превращены в постановление Коллегии НКЮ. И в этом деле приходится учить кое-кого. Но что считаю совершенно ненужным и напрасной затратой энергии, это если идет записка по формальным основаниям из-за какой-нибудь записки, без которой иной раз обойтись можно. Если на этих основаниях люди царапаются, пишут бумаги, то такие бумаги, я предупреждаю, складываются в сорный ящик. Наоборот, в тех случаях, когда делается где-либо неправильное дело и на этом изнашивают прокурора, тут он должен иметь храбрость вести борьбу, надеясь на то, что в этих случаях, в правильной борьбе он будет поддержан (голос с места: приведите факты поддержки. Сколько таких фактов?).

Можно о таких фактах поддержки рассказать.

Факт первый. Не так давно в Самарской теперь уже не губернии, а области, после того, когда была образована область и когда туда прибыл новый прокурор, уже областной прокурор, раньше в этой губернии не работавший, был подан целый ряд заявлений от самих судебных работников по отношению к бывшим губернским руководителям прокуратуры и суда. Было там несколько весьма правдоподобных фактов, относящихся к председателю суда, к его деятельности, однако эти факты относились к 1921 и 1922 г.г. Совершенно правильно поступил новый областной прокурор, что он принял эти заявления и подверг их проверке. Эти факты относились к председателю Самарского губ. суда. Понятно были разные косвенные указания относительно бывшего губернского прокурора, товарища, который работал затем в Ярославле в качестве председателя губернской контрольной комиссии. Прокурор поступил правильно, что взялся за проверку и этих заявлений. Нам это было сообщено, и мы считали нужным, чтобы не создавалась обстановка, что сводятся старые счеты, послать нашего представителя из центра участвовать в этой проверке. По докладу, согласованному с руководящим местным партийным органом и местной контрольной комиссией, было признано необходимым в отношении председателя суда вести судебное следствие, а по отношению других только проверку. Мы на это согласились. Проверку повел другой орган, который мне здесь незачем называть, так как все его прекрасно знают. За это дело схватились и местный руководящий партийный орган и президиум областного комитета и президиум областной контрольной комиссии. Но когда была произведена тщательная проверка в отношении председателя суда и в отношении других товарищей, выяснилось, что в отношении двух последних абсолютно ничего не имеется, кроме слухов, которые можно всегда создать. По отношению же председателя суда был установлен факт, который был известен уже в 1921 и 1922 г.г. За этот факт было наложено на него в свое время соответствующее взыскание, но взыскание это не было выполнено не потому, что он уклонился от выполнения, а потому, что самые органы его не выполнили. Было постановлено послать его в армию, а соответствующие органы сами не выполнили этого постановления. И он работал с тех пор прекрасно. В отношении дальнейшей его деятельности не имеется никакого обвинительного материала, но местное партийное руководство все же было склонно создать дело. Мы поставили вопрос в центральной контрольной комиссии, добились полной реабилитации быв. прокурора, полной реабилитации последнего прокурора, и понятно, несколько было старое дело за председателем губернского суда, мы не могли его реабилитировать. Контрольная комиссия должна была вынести строгий выговор, поскольку взыскание было наложено, но не выполнено. (Голос с места: а амнистия не распространяется?). Центральная Контрольная Комиссия так не рассуждает, там никакой амнистии не имеется. Если человеку дали наказание и он в течение определенного времени исправился, вот тогда его амнистируют. Но вокруг этого дела уже общественное мнение создалось. Поэтому задним числом, но в усовершенствованном общественном мнении, такое наказание в виде строгого выговора пришлось принять. Теперь этот товарищ работает и работает хорошо. Этого товарища мы спасли и оставили на работе. Затем других двух товарищей мы совершенно реабилитировали. Это—один факт.

Теперь другой факт, это дело тоже довольно сильно нашумело. В «Рабочей Москве» появился фельетон под заглавием «Принцип прокурора». В этом фельетоне дело излагалось таким образом. Один из районных прокуроров Москвы проходил будто бы по улице в нетрезвом виде, увидел, что в одном месте происходил скандал и милиционер принимал свои административные меры к улажению этого скандала. И вот будто бы он, благодаря своей нетрезвости, вмешался в это дело, заступился за хулиганствующего обывателя, а когда был милиционером доставлен в милицейский участок, то использовал свое служебное положение в том отношении, что даже посадил, якобы, этого милиционера, который его арестовал, посадил его вместе со великими жуликами, преступниками и т. д., и, следовательно, жизнь этого милиционера была в опасности. Кончался этот фельетон возгласом, что отныне московские хулиганы с большим удовлетворением пожмут руку своего сотоварища—районного прокурора. Если бы это все было так, как описано в фельетоне, то понятие пужно было бы тогда самой грязной метлой гнать этого прокурора. Но дело было совершенно иначе, совершенно не так. Дело было так. Милиционер распустил вожжи и толпа была близка к самосуду. Совершенно трезвый прокурор вмешался в это дело и вмешался очень тактично. Когда он увидел, что милиционер мог бы не узнать другого пачальства и власть наехала бы на власть, тогда он ему потихоньку шепнул, что я есть районный прокурор, а ты делаешь неправильные действия и прими мои указания во внимание. Но милиционер был в своем милицейском раже и сказал своим добровольным помощникам: заметите и этого гражданина. Его забрали. Пока шли в участок, он все время находился под угрозой нападения хулиганов. Дело обошлось благополучно, и дошли до милицейского участка. А там он потребовал, чтобы этот милиционер был бы отстранен в резерв до того, как разберут дело. Понятно, никакая опасность не угрожала милиционеру, пока он сидел в резервной комнате и ожидал распоряжений. Фельетон был составлен на основании показаний милиционера, поверили ему на слово и дело это обрисовали сенсационно и крикливо. Очень нехорошо поступили по отношению к этому районному прокурору, честному пролетарию, члену партии с 1905 года, хорошему прокурору, хорошо знакомому в этом районе, где он работает, всем рабочим. Фамилия этого прокурора Камков.

Московская прокуратура и наши прокурорские работники пришли по этому поводу в волнение по вполне понятным причинам. Ради беспристрастия мы взяли это дело из рук Московской прокуратуры и привлекли на помощь следователя по важнейшим делам. Когда следственные действия были закончены и дело было ясно, перед нами встал вопрос: подавать ли в суд на фельетониста, милиционера и т. д., или разобрать это дело другим способом. У нас не было оснований предполагать, что со стороны представителя печати это было сделано на основании корысти и злого умысла. Это было ошибкой, но они в своей ошибке упорствовали. Вот что было скверно. Мы не пошли на такую суровую меру, как судебный разбор. Мы пошли на партийный разбор, так как имели дело с членами партии. Нужно сказать, не к чести представителей данной печати, что когда дело было разобрано в Московской контрольной комиссии и они были признаны неправыми, когда т. Камков был реабилитирован и им вынесены достаточно мягкое наказание и предложили написать опровержение, представители печати остались недовольными и апеллировали в Центральную Контрольную Комиссию. Дело разбиралось в Центральной Контрольной Комиссии, вокруг него происходили ожесточенные бои, и в результате ЦКК два работника печати, которые сделали эту ошибку, сняты с работы в печати.

Вот другой пример защиты с нашей стороны, тогда дело было правое. (Голос: а милиционер остался работать в районе). Его там оставили по мягкосердечию и другим качествам, которые у некоторых из нас есть (Голос: а работники печати?). Их амнистировали. Но тов. Камков реабилитирован, никто не верит, чтобы он был хулиганом. Все в Москве это знают. А если у нас не в достаточной степени каждый раз печать отвечает за свои действия, то это другое дело. Нужно сказать, что в последнее время у нас имеется не мало приме-

ров и таких, когда печать отвечает за то, что она неправильно сделала, сделала ошибку. Вот почему пусть придут сюда товарищи из прокуратуры и скажут нам, что они боролись за правое дело, что это правое дело было доведено ими до нашего сведения и что после этого они все же пострадали. Если есть такие случаи, то пусть их приведут. Мы на них обратим внимание. До сих пор они нам неизвестны. Но если люди сами себя дискредитируют, то эти люди должны получить возмездие и защищать их мы не считаем своей обязанностью. Я должен задержаться на одном таком примере. Об этом уже писала комсомольская печать. В Туле пьянствовал председатель суда и прокурор и другие местные работники. Принимала в этом участие и защита, как это часто полагается, и это произошло, иной раз, на квартире, якобы, председатели коллегий защитников. Наконец, это было выяснено и факты были установлены, при чем, опять-таки, на месте был представитель Наркомюста, который участвовал во всем этом деле, проверил, что все происходило правильно и доложил нам. Мы, будучи уверены, что дело правильно разбирается в контрольной комиссии, не вмешивались в его рассмотрение. Товарищам дали на месте по строгому выговору. Но ясно, что они были дискредитированы для работы в судебном ведомстве, им нужно было дать какую-нибудь другую работу. Они прибыли к нам и обратились с просьбой поддержать их апелляцию в ЦКК. Мы им сказали: «товарищи, вы оба являетесь судебными работниками и вы знаете, что партия борется против сутяжничества, если вы получили по заслугам, вы не сутяжничайте, а отправляйтесь на ту работу, на которую вас посылают, и исправляйтесь. Если же вы считаете, что постановление местной контрольной комиссии неправильно и вы имеете право апеллировать в ЦКК, тогда обращайтесь, но содействия я вам никакого оказать не могу, кроме того, что, если я буду в порядке очереди участвовать в партийной тройке или дело будет разбираться в партколлегии, я должен буду вынести решение по своей совести». Они отправились в ЦКК и там добились через члена нашего президиума тов. Солца и двух других членов ЦКК исключения их из партии. И поступили с ними совершенно правильно. По таким делам мы, конечно, никого защищать не будем.

Мы, товарищи, можем сейчас даже констатировать, что в борьбе с этим недостатком—семейственностью, в смысле его изжития, имеются известные достижения, есть уже некоторый сдвиг в работе наших органов. Сдвиг этот намечается, и мы его чувствуем. Но только сдвиг, нужно еще крепко по этой линии поработать, чтобы прийти к удовлетворительным результатам. А печать и общественность в последнее время сильно распешилась и берет теперь под обстрел и нашего покорнейшего слугу в качестве мякотелого существа.

Здесь я попутно остановлюсь в двух-трех словах на лозунге, в неисполнении которого нас в последнее время обвиняют в печати. В ряде критических выступлений, которые были на XV съезде, среди остальных участвовал и я. В своей речи на XV партийном съезде я сказал, что в отношении Наркомюста нельзя ограничиться только реформой, а нужно произвести небольшую революцию. Теперь и требуют, чтобы эта революция была совершена. Давайте разберемся — о какой революции здесь идет речь и как она совершается. Требуя «небольшой революции», мы подразумевали необходимость произвести ее в области идеологии, существовавшей тогда в НКЮ. Некоторые же, особенно из молодежи, которые сами пока что не участвовали в революции, а судят о ней на основании документов и исторических уроков, полагают, что каждая революция есть только тогда революция, если она сопровождается большим организационным побойсом, т. е. когда происходит крошение человеческого материала направо и налево, и чем больше таких человеческих голов засечено, тем крепче и основательнее революция. Мы на это дело смотрим не так. Мы поставили себе задачу произвести эту «небольшую революцию» в методах и системе работы НКЮ и при помощи того же человеческого материала, который имеется в распоряжении НКЮ. Вот чего мы хотим, и нам думается, что мы идем по верному пути. Может быть мы еще мало сделали — такой упрек мы принимаем, но мы твердо уверены,

что будем продолжать эту линию. С каждым, кто нам в этом деле будет помогать, нам по пути и с ними мы будем работать. Организационные отсеечения мы будем вынуждены применять только по отношению к тем, которые станут поперек дороги при проведении необходимых, диктуемых партией и правительством, мер.

Так мы понимаем эту «небольшую революцию» и никоим образом даже печати не дадим себя сбить на другой путь.

Что же касается наших требований, то не знаю, найдется ли кто-либо, даже из самых суровых обвинителей нас в формализме, который бы сам сказал по отношению к своим органам следующие слова, как это было сказано в нашем циркуляре НКЮ: «Остается в полной силе указание на то, что предпочтительнее на том или другом участке прокурорской работы вообще не иметь работников, чем иметь работников дискредитирующих прокуратуру и суд своим формальным и бездушным отношением к делу». Я думаю, что вряд ли найдется какой-либо орган, который бы так ставил свои требования по отношению к подведомственным ему органам.

Перейду к вопросам трудового законодательства. Мы в своих тезисах предлагаем усилить борьбу с нарушениями трудовых законов, указывая, в каких случаях нужно усилить борьбу: при неправильном увольнении рабочих, невнимательном отношении к охране труда, несчастном случае и т. д. Здесь нужно принять все меры к проведению в жизнь директивы партии и постановления ВЦИК и СНК от 29 августа, следить за нарушениями трудового законодательства, принять решительные меры к обеспечению действительной ответственности всех работников советского аппарата за нарушение трудового законодательства и правил найма работников, увеличить надзор за работой трудовых сессий.

В тезисах, однако, имеется существенный недостаток, который нужно исправить. Мы заостряем внимание только на той стороне, когда задеты интересы трудящихся, где необходима защита интересов трудящихся. Для прокурорских и судебных органов это является основной деятельностью. Но мы не можем и не должны забывать другой стороны, что мы не только прописные защитники интересов пролетариата, но что мы и прокуроры и судьи. В тех случаях, когда пролетарий виноват или рвачеством занимается, мы вовсе не должны ему помогать. У нас должна быть смелость отказаться поддерживать его интересы даже тогда, когда цех или группа поддерживает его интересы. Я особенно стараюсь зафиксировать ваше внимание на этом вопросе, потому что в ближайшие дни вы получите директиву ЦИК и СНК о необходимости применения энергичных мер по восстановлению трудовой дисциплины на фабрично-заводских предприятиях. Надо говорить прямо, что в ряде случаев трудовая дисциплина падает, что над нами висит угроза того, что директива о снижении себестоимости, о поднятии производительности труда, установленной нашим планом, не будет выполнена. Ослабление безусловно имеется по этой линии. Здесь нужно во всем подобрать.

При подборе вожди известная доля и ответственная доля падает на наши органы и они должны характер выдержать. В частности, я полагаю необходимым, в особенности в отношении трудовых сессий, ввести, как правило, порядок, чтобы в трудовых сессиях в качестве заседателей по определенному заранее подготовленному списку, присутствовал профессионалист — очередной и хозяйственник очередной: судья и два заседателя — один профессионалист, а другой хозяйственник. Тогда мы будем иметь гарантию того, что каждое дело будет обсуждено с двух сторон, а судья будет решать, на какой стороне справедливость.

Мы также не должны останавливаться перед случаями, когда имеется на заводе хулиганство, нападки на технический персонал и т. д. Во всех таких случаях мы тоже должны действовать, ибо имеются случаи, когда сложные дорожные машины портятся благодаря небрежности, халатности, непослушанию отдельных лиц, тем более, что в настоящее время на наших фабриках внедрялось много новых рабочих, не провавшихся в достаточной степени в фабричном котле и не усвоив-

ших как следует фабричной дисциплины. Это обстоятельство должно быть учтено каждым судебным работником.

То же бывает и в случаях защиты рабселькоров. И здесь случается, когда рабселькоры бывают далеко не теми, кем они должны были бы быть. Поэтому суд должен учесть, не ведет ли рабселькор травлю против какого-либо общественного деятеля или администраторов. Что такие факты имеются, это совершенно бесспорно.

Я мог бы привести много примеров относительно бюрократизма и волокиты наших органов, но у меня времени осталось мало, и я уверен, что такие случаи вам всем известны. Конечно, с этим нужно серьезно бороться. Дело, конечно, не в примерах, а в самой работе.

Перехожу к вопросам о состоянии следственного аппарата. По отношению следствия я должен сказать, что у нас имеется слабость в личном составе следователей, имеются и организационные неувязки, и все это сильно мешает в работе. Я думаю, однако, что нами уже сделан важнейший шаг в этой области, и имеются данные, что работа улучшается. Мы отменили двойное подчинение следственного аппарата и передали его в непосредственное ведение прокуратуры. Качество работы улучшается, но недостатки все же имеются. Здесь у меня имеется диаграмма сравнительная за 27 г. и первую половину 1928 г. В 1927 г. было направлено на предание суду 39,7% из всех дел по РСФСР, а в 1928 г.—52,8%, стало быть процент вырос. Направлено на прекращение прокуратурой было в 1927 г. 2,4% и в I половине 1928 г. 2,7%. Направлено на прекращение следователями в 1927 г. 39,5%, а в 1928 г. 31,4%. Возвращено для дополнительного расследования в 1927 г. 9,6%, а в 1928 г. 7,3%. По подследственности направлено в 1927 г. 8,8%, а в 1928 г. 5,8%. Улучшение сейчас безусловно имеется, но понятно не такое, какое нам хотелось бы иметь.

Продолжительность следствия. За второе полугодие 1927 года до 3 месяцев—81% дел, до 6 месяцев—13% и свыше 6 месяцев—6%. За I полугодие 1928 года до 3 месяцев—82%, до 6 месяцев—12½% и свыше 6 месяцев—5½%. Улучшилось, но очень незначительно. Работы, как видите, еще недостаточно. Теперь переходжу к суду. При описании структуры Наркомата я уже говорил о Верховном Суде, о том, как изменяется его работа, какие у нас имеются виды в будущем, чем придется, главным образом, заниматься в дальнейшем. Сейчас мы остановимся на работе местных органов суда. Здесь имеется таблица средних сроков движения дел в областных, краевых и губернских судах по РСФСР, составленная на основе изучения тысячи дел Граждан. Кассацион. Коллегии. Приводимая таблица охватывает 12 крупных судов по РСФСР. В среднем получилось следующее: в срок до одного месяца рассмотрено 60% дел, до 2 месяцев—18%, до 3 месяцев—10%, до 4 месяцев—5%, до 5 месяцев—3%, до 6 месяцев—2%, до 9 месяцев—1% и до 1 года—1% дел.

Назову цифры по отдельным судам. Из этих 12 судов на лучшем месте стоит Брянский суд, где в месячный срок рассматривается 84%. На втором месте стоит Самарский суд, где рассматривается 82%. Недурно дело в Нижегородском суде—75%. Слабее в Московском—65%, в Воронежском—62%, в Крымском—60%, в Ленинградском—55%, на Северном Кавказе—55%, а в Сталинградском—только 45%.

В срок до двух месяцев рассмотрено в Донском окр. суде 60%, в Крымском—30%, в Ленинградском—13%, в Московском—30%, Омском окр. суде—60%. Нужно сказать, что в Омском и Донском округах дел, рассмотренных в срок до одного месяца, даже нет. В Сталинградском суде рассмотрено в срок до двух месяцев 55%. До 9 месяцев в Брянском суде рассмотрено 8% и до одного года 8%. Дальше до одного года в Крымском суде рассмотрено 5%, в Ленинградском—6%, в Нижегородском—10% и в Самарском—4%. (Голос с места: В Верховном Суде тоже). В Верховном Суде тоже могут быть такие дела. Я вам говорил о хвосте, но говорил, что хвост этот срезан с 7 тысяч до 2 тысяч. В марте месяце положение с делами в Верховном Суде войдет в ажур и тогда уже не будет залежей и можно будет проводить дела в жесткие сроки.

Я не понимаю таких реплик, я полагаю, что не только я, но и члены Верховного Суда и Председатель несколько не будут отказываться от своих недостатков и недочетов, и если они будут иметь слово, то сами будут подчеркивать это, и поэтому не нужно их так шипить. Это называется переваливать с больной головы на здоровую. Будьте добры, выходите сюда и клеймите недостатки наши, Верховного Суда и друг. Но зачем же такие реплики?

Теперь дальше, товарищи,—как откладывались дела слушанием. В Брянске по пяти раз откладывалось 17% дел, в Воронежском суде по два раза 13%, по четыре раза 25%, в Донском округе по одному разу 10%, по шесть раз—40%. В Крымском суде по два раза—30%, по три раза—5%, по 4 раза—5%. В Ленинграде по два раза—13%, по три—15%, по четыре раза—7%, по пять раз—4% и по семь раз—6%. В Московском суде по одному разу 15%, по два раза—15%, по три—3%, по шесть—2%. В Нижегородском суде по четыре раза—15%, по семь раз—10%. В Волжском один раз откладывалось 35% дел, два раза 20%. По Сев.-Кав. краевому суду по одному разу откладывалось 23%, по 5 раз—22%. По Самарскому суду по одному разу—5%, по три раза—8%, по пять раз—4%. По Сталинградскому по одному разу 55%. По Татарскому по одному разу 15%, по три раза—30%. В среднем по РСФСР по этим 12 судам по одному разу было отложено 20% дел, по два раза—5%, по три раза—3%, по четыре раза—2%, по пять раз—1%. Одним словом, из этой таблицы видно, что у нас еще очень часто практикуется это самое откладывание, при чем для этого не всегда бывают достаточно осязательные причины. Сплошь и рядом это происходит из-за нерешительности судов или просто из-за невнимательности судов.

Теперь мы переходим к народным судам. У меня есть диаграмма относительно качества работы народных судов по уголовным делам. Диаграмма результатов рассмотрения дел первой инстанцией. Я буду брать параллельно 26 год, 27 и первую половину 1928 года. В 1926 году передано по подсудности 4½%, в 1927 году—2,8%, в первую половину 28 года—2,6%. Таким образом, процент постепенно уменьшается, положение исправляется. По все-таки в этом отношении не все благополучно. Когда я посетил народный суд в Ростове-на-Дону и сидел у одного очень хорошего народного судьи, который прекрасно разбирал дела, то тут же при самом разборе было заметно несколько недостатков. Разбирался ряд дел, но которым ясно было, что их нельзя разбирать в Ростове-на-Дону, а нужно направить или в Шахтинский округ или в какое-либо другое место. Тратится напрасно время, вызываются напрасно люди, которые, сплошь и рядом, тут же на суде высказывают свое недовольство по этому поводу. Это можно было бы устранить в момент самого приема заявления.

Дополнительное расследование в 1926 году по народным судам составляло 3,5%, в 1927 году—2,3%, в 1928 году—2%. Таким образом, здесь тоже положение улучшается. Прекращено в 1926 году было 32,5%, в 1927 году—45,1%, в первую половину 1928 года—39,4%.

Просмотрено по существу: в 1926 г.—59½%, в 27 г.—49,8%, в 28 г.—66%. Как видно из этой диаграммы, дело поправляется.

Другая диаграмма говорит о результатах кассационного судопроизводства в отношении продукции народного суда. Здесь мы тоже пойдем по годам. Приговоры оставлены в силе в 26 г. 56,1%, в 27 г.—54,9%, в 28 г.—53,4%. Изменено в 26 г. 12%, в 27 г.—16,9%, в I половине 28 г.—16,8%. Таким образом, изменено почти в равной степени как в 27 г., так и в I половине 28 г. Я считаю небольшим грехом, если бы кассационная инстанция изменяла или исправляла приговор тут же, вместо того, чтобы этот приговор гулял бы по инстанциям. Когда кассационная инстанция конкретно изменяет или исправляет приговор, это можно считать достоинством суда. Отменено с передачей на новое рассмотрение в 26 году—26,7%, в 27 году—15,3%, в 28 году—11,1%. Отменено приговоров с прекращением производства в 26 году—10,2%, в 27 году—8,4%, в 28 году—8,7%. Мы видим, что работа народного суда так же, как и кассационной инстанции, правда, медленно и постепенно, но исправляется и улучшается.

Каково качество работы самих народных судов по гражданским делам? Вот результаты рассмотрения первой инстанцией: в 26 году разрешено по существу 80%, в 27 году—79%, в первой половине 28 года—81%. Здесь мы видим почти стабилизацию. Прекращено в 26 году—18%, в 27 году—18%, в 28 г.—16%. Передано по подсудности в другие места в 26 г.—2%, в 27 г.—3%, в 28 г.—3%. Как видно, здесь почти по всем графам происходит стабилизация.

Как проходят гражданские дела в кассационных инстанциях? В 26 году оставлено в силе 61% решений, в 27 г.—64%, в 1 половине 28 года—71%. Здесь мы видим, безусловно, улучшение работы. Изменено в 26 г.—1%, в 27 г.—1%, в 28 г.—2%. Отменено с передачей на новое рассмотрение 36% в 26 году, 33%—в 27 году, 25%—в 1 половине 28 года. Решений отменено с прекращением в 26 году—2%, в 27 г. и 28 г. также 2%—стабилизация.

Продолжительность производства по уголовным делам в народном суде. Здесь мы проводим сравнение данных за второе полугодие 1927 года и первое полугодие 1928 года. Во втором полугодии 1927 года до одного месяца продолжалось производство по 44½% дел, до 2 месяцев—по 24,2%, свыше 2 мес.—по 31,3%. В первом полугодии 1928 года мы имеем в этом отношении определенный сдвиг: до 1 м-ца—71,2%, до 2 месяцев—17,7% и свыше 2 месяцев—11%. Мы имеем по всем линиям определенный сдвиг, почти три четверти дел просматриваются в срок до 1 м-ца.

По гражданским делам за второе полугодие 27 года до 1 м-ца рассматривалось 49,2% дел, до 2 месяцев—22,2%, свыше 2 месяцев—27,9%, а в первом полугодии 28 года: до 1 м-ца—68,6%, до 2 мес.—16% и свыше 2 месяцев—15,4%. И здесь мы имеем улучшение: почти три четверти дел просматриваются в один месяц.

Словом, мы можем констатировать по линии работы низовых органов определенное улучшение. Правда, это улучшение еще не соответствует тем требованиям, которые к нам предъявляют и партия и правительство и общественное мнение.

В наших тезисах в отношении работы судебных органов мы выдвигаем следующие пункты:

1) Расширение сети товарищеских судов, принятие конкретных мер для укрепления их общественного положения и создания ими надлежащего авторитета среди трудящихся масс. Об этом я уже говорил подробно и больше на этом останавливаться не буду.

2) Организация систематических выездных сессий камер народного суда.

3) Сокращение срока прохождения дел в судебных органах, т. е. продолжение той работы, которая уже имеет свои результаты.

4) Экономия времени гражд., обращающихся в судебные органы за разрешением своих вопросов и дел.

5) Расширение общественно-политической массой работы по пропаганде права как средство и способ укрепления революционной законности.

Когда мы говорим о суде и судебной работе, мы не можем здесь пройти мимо вопроса о работе института защитников.

Я должен на этом вопросе несколько остановиться, тем более, что здесь у нас только недавно окончательно установилась линия в отношении этого института, тогда как до сих пор в этом вопросе не было полной ясности.

Когда я пришел работать в Наркомюст, я застал очень серьезное движение в органах юстиции, исходящее особенно от низовых работников и ставящее себе целью ликвидацию этого института. По этому вопросу были дискуссии в печати, по этому поводу устраивались даже большие дискуссионные собрания в Москве, где выступали ответственные работники, как прокурорские, так и судебные, а также наиболее видные представители коллегии защитников. Вопрос о ликвидации института защитников в среде наших работников был весьма популярен. Но когда мы этот вопрос изучили, проанализировали почву в целом ряде других органов, не менее нас заинтересованных в разрешении этого вопроса, мы пришли к определенному выводу, что эта идея о ликвидации института коллегии защитников в настоящее время несвоевременна и провести ее невозможно. Главное,

по нашему мнению, основание для такого вывода чисто деловое—это то, что наши судебные органы работают не так хорошо, чтобы мы могли говорить о том, что на суде какой-либо гражданин может обойтись по любому делу без помощи защитника. Мы этого хотим, нам крайне желательно, чтобы любой гражданин мог обойтись без помощи защитника, но в настоящее время наш суд не достиг такой высоты, чтобы мы могли сказать, что судья сам сможет и сумеет защитить интересы гражданина, который попадет по какому-либо делу на разбирательство данного суда.

Помимо этого чисто делового соображения, у нас имеется, понятно, и политическое соображение такого свойства. Мы живем окруженными со всех сторон врагами, довольно враждебно к нам настроенными, соседями. Мы имеем с ними немало дел, и всякие передвижки, внутренние, правовые, которые происходят у нас, безусловно имеют отражение и в целом ряде договоров, которые мы заключаем с иностранными государствами, и в концессионных договорах, и в наших взаимоотношениях с иностранными государствами. И стоило только пойти слуху о том, что предполагается ликвидировать институт коллегии защитников, там поднялся ряд нежелательных политических толков.

Второе соображение и особенно первое соображение, вместе взятые, привели нас к такому выводу, что вопрос о ликвидации института защитников ставить теперь нецелесообразно и несвоевременно. Это должны понять и усвоить все работники суда и прокуратуры.

Но, с другой стороны, в этой работе есть немало моментов, которые заставляют нас принять ряд мер к упорядочению этой работы. И вот по линии этого упорядочения идут наши решения.

Прежде всего, на наш взгляд, нужно подчеркнуть следующий общественно-политический момент. Нужно, чтобы институт коллегии защитников вышел бы себе соответствующее место в системе органов юстиции, чтобы он тоже постепенно стал считаться частью этих органов, а не тем, чем его продолжают считать по старой традиции очень многие работники этого института. Не все из членов коллегии защитников усвоили те общественные передвижки, которые произошли с момента Октябрьской революции и развивались потом после Октябрьской революции. Когда был царский, гнилой, бюрократический суд, этот институт, являясь значительной и передовой силой (мы знаем, что крупные политические деятели, даже с революционным направлением, выходили из этого института), являясь крупной общественной силой, которая вносила элемент общественности в царский суд, представлял эту общественность там и боролся за интересы общественности. И сейчас члены коллегии защитников предполагают, что нечто вроде этой позиции они могут занимать и в теперешнее время. Это абсолютно неправильно.

Наш суд есть народный суд. Наш народный суд через заседателей теснейшим образом связан с населением. Наш суд отчитывается на массовых собраниях как рабочих, так и крестьян. Мы находимся целиком и полностью под общественным контролем. У нас имеются сотни нитей, связывающих нас с рабоче-крестьянским населением. Наши суды никоим образом нельзя сравнивать с прежними судами, и об этой позиции не может быть никаких разговоров. Нужно, чтобы защитники, поскольку они будут существовать некоторое время, были у нас помощниками суду при разборе судом дел. Поскольку это так, нужно, во-первых, принять меры к некоторому регулированию количества защитников. Мы ставим себе задачей принятие необходимых мер в том направлении, чтоб по мере того, как улучшится наша работа, мы приближались бы к такому моменту, когда институт защитников умрет естественной смертью, без всякой ликвидации с нашей стороны, чтобы институт умер бы сам за необходимость.

Что же нужно делать в настоящее время? Нужно установить для каждого района, города и т. д. определенное количество защитников, ежегодно это количество пересматривать и постепенно сокращать. Установлением этого предельного числа соответствующих органов уже заняты. Нужно сказать, что до сих пор не совсем правильно производилось сокращение, не

под тем лозунгом, который был нужен. Нужно было сокращение проводить под лозунгом и сокращения, и чистки, разделяя эти два понятия. Это было не везде выдвинуто. Некоторые места пошли на уменьшение количества, хотя не было сказано, что это количество являлось предельным для данного города или края. С нашей стороны делались соответствующие поправки.

Кроме этого нужно регулировать заработную плату, т. е. устанавливать определенный максимум заработной платы, который работниками коллегии защитников не должен быть превышен. Нужно переходить на способы работы коллективами, на организацию коллективов. Некоторый опыт по судам мы уже проделали, по результатам пока нет.

Кроме того, мы предъявляем к защитникам некоторые моральные требования. Мы считаем, что защитник должен находиться на суде до тех пор, пока он приносит суду пользу. Крючковство, цепляния за форму—чисто адвокатская установка, когда доказывают, что черное есть белое,—это от института защитников нам не надо. Поэтому мы ставим следующее правило: в то время как прежде из корпорации присяжных поверенных человек исключался за то, что он отказывался от защиты подзащитного на суде, мы говорим, что должно быть правилом, чтобы защитник, когда он пришел к заключению, что не может оказывать содействия суду при разборе данного дела, мог отказываться от защиты подсудимого.

Второй момент заключается в том, что вовсе не нужно чтобы нам доказывали, что черное есть белое, и мы предъявляем такое требование к работе института защитников, чтобы каждый защитник отвечал за свои утверждения, заверения перед судом, и, если эти утверждения, заверения будут ложны, он должен за это нести соответствующую ответственность, вплоть до судебной. Вот основное наше требование к этому институту. Повторяю, институт этот будет у нас существовать в течение ряда лет, регулировать его работу нужно, и мы должны со своей стороны вместе с ними принять необходимые меры, чтобы этот институт явился бы дополнительным звеном в системе органов юстиции, чтобы защитники были бы нашими работниками, а не кем-то находящимся в стороне или попутчиками. При этом, понятно, нужно идти путем просмотра, чистки, вычищения всех негодных элементов, которые попадают в этот институт, и это нужно проделывать с помощью самих защитников. Эта работа должна проходить своим чередом. Два-три слова нужно сказать попутно и об юрисконсультатах. Одни товарищи считают более вредной категорию защитников, другие наоборот—юрисконсульты. Происходит своеобразный спор. У тех и других имеются свои недостатки и свои достоинства. По отношению к юрисконсультатам нужно, чтобы наша работа была бы увязана с ними более тесно. Тут есть своего рода подразделение: защитники остаются под наблюдением судебных органов, а юрисконсульты находятся под наблюдением прокуратуры. Нужно, чтобы прокуратура подтянула этих юрисконсультов к себе, увязала бы свою работу с ними, заставила бы их выполнять свои задачи и попутно принимала бы меры, чтобы в случае, когда юрисконсульты совершенно не нужны, или тогда, когда они не такие, какими должны быть, хозорган или ликвидировал бы этот институт или его сократил. Можно было бы привести много конкретных примеров, когда юрисконсульт не приносит своей работой никакой пользы ни тому органу, в котором он сидит, ни государству, а суду является помехой, так как среди юрисконсультов зачастую есть такие люди, которые подходят к выполнению своей работы совершенно формально. Предположим, есть какое-нибудь столкновение или конфликт с кем-нибудь, хозяйственник по своему разумению предсказывает, что интересы доверенного ему учреждения должны быть защищены во что бы то ни стало, хотя бы он и видел, что по существу он неправ. Он думает, что здесь может быть есть какая-нибудь формальная зацепка, зацепка при посредстве закона, при помощи которой можно не уплачивать предъявленный иск, можно не брать на себя покрытия известных расходов. В этом случае, как правило, хозяйственник рассуждает таким образом: так как я хозяйственник, то мое дело записывается в этом учреждении администрированием и эконо-

мическими вопросами. К законам, обычно, хозяйственник не проявляет никакого интереса, не читает их, зато имеет соответствующее лицо для этого, которое по горло должно быть начинено этими законами. И вот приблизительно происходит такой диалог. Вызывается юрисконсульт, и ему говорится: ты, парень, посмотри в свои толстые тома и найди такой способ, чтобы нам эту сумму не уплачивать. А тот, вместо того, чтобы сказать, что мы должны все-таки уплатить, потому что по существу дела мы неправы, принимает сплошь и рядом этот самый заказ так: раз он сидит в этом учреждении, ест благодаря этой должности хлеб, то он должен этот хлеб как-нибудь оправдать. Юрисконсульт берет заказ и идет в суд плодить волокиту. Я считаю, что тов. Солыц поступил в этом случае с одним из таких юрисконсульты, выполняющих сам функции народного судьи, совершенно правильно. Тут у нас есть некоторые расхождения. Я предпочитаю идти послушать в аудиторию, как разбирает дело судья. Я считаю более полезным подмечать таким путем недостатки, которые имеются. Тов. Солыц избрал другой метод. Он решил притти и сесть для того, чтобы поучить, как нужно судить. Он отстранил народного судью и сел на его место. Мы дали это право любому члену Верховного Суда и это правильно. Это нужно узаконить и мы это узаконим. Разбиралось дело какого-то инвалида, который произвел небольшую растрату. Солыц направил свое внимание на человека, стоящего направо, и спрашивает: «Вы кто такой?»—«А я,—говорит,—юрисконсульт того учреждения, у которого произведена эта растрата. Я защищаю интересы этого учреждения». Тогда Солыц у него спрашивает: «Что же у вас нет другого дела, как только приходите сюда из-за каких-то 50 р., которые взыскиваются с этого инвалида? Разве мы не сумеем сами разобраться, сделал ли он это или нет? Идите, молодой человек, выполняйте ваши прямые функции, а мы обойдемся и без Вас». Потом он обратился в другую сторону, и спрашивает: «А Вы по какому поводу сюда пришли?»—«Я защитник этого инвалида». Солыц говорит: «Что же, по-вашему, этот инвалид немой? Он не немой и сам умеет сказать суду, что ему надо. Вам здесь делать нечего, Вы тоже отсюда, пожалуйста, уходите» (смех). Затем он вместе с наездниками разобрал это дело, наказал этого инвалида за то, что он произвел растрату, но гражданского иска ему не признал и прочитал ему мораль (голос: «правильно»). Кое-что здесь правильно, но я уже сказал, чего мы хотим требовать от защитников. Я считаю, что юрисконсульты прокуратуре нужно прибрать к рукам для того, чтобы увязать свою работу с ними, и в тех случаях, когда они плодят волокиту, мешают работе, в некоторых хозорганах можно ставить вопрос об их сокращении. А что этот подбор людей бывает часто далеко неправильным, это можно доказать, например, таким фактом, что при объезде одной палатой коммиссии Северного Кавказа, в одном крупном курортном управлении (вообще вопрос: нужны ли в таких местах юрисконсульты), в качестве юрисконсульта сидел заведующий реакционер—бывший царский прокурор. Такие юрисконсульты нам совершенно не нужны.

Теперь я перехожу к довольно боевому вопросу, на котором нужно остановиться,—к вопросу о принудительных работах. Я не буду здесь останавливаться на вопросах исправительно-трудовой политики вообще. Об этом у нас стоит специальный доклад, и там мы будем об этом подробно говорить. Здесь же я остановлюсь только на вопросе о принудительных работах.

Мои товарищи проделали для меня к докладу следующую работу. Они составили предположительную диаграмму примерного применения различных мер социальной защиты соответственно директивам правительства за первое полугодие 1927 года и действительного применения нами мер социальной защиты. Первая графа обозначает то, что должно было бы быть, если бы мы выполняли предложения правительства, применяя те меры, которые в его постановлениях указаны, а вторая графа—это то, что у нас фактически происходило.

Что же у нас получилось? В отношении условного лишения свободы у нас цифры сходятся—в обоих

случаях 75. Реальное лишение свободы сроком до одного года должно было бы иметь место при выполнении директив правительства в 5% от общего количества приговоров, на самом же деле у нас эта мера применялась в 30½%, т.е. мы допустили увеличение на 25,5%. Лишение свободы на срок свыше года должно было бы составлять при выполнении директив правительства 8%, а у нас получилось 6,7%. Тут мы имеем снижение. Принудительные работы, если бы мы выполняли директивы правительства, должны были бы быть применены по 35% приговоров, мы же их применяли в 15,5%, т.е. на 20% меньше. По штрафу цифры почти сходятся—30% нужно было бы, а мы имеем 29,1%. Наконец, прочие меры должны были бы применяться в 15%, а мы их применяли в 11,2%.

Главное, что обращает на себя внимание в этой диаграмме, это то, что мы слишком много, несмотря на директиву правительства, применяли в качестве меры взыскания лишение свободы сроком до одного года и слишком мало, вместо 35% только 15,5%, применяли принудительные работы, это и есть основной недостаток, за который нас критикует правительство и который оно категорически требует исправить. У нас теперь в этом отношении имеется кое-какой сдвиг в сторону улучшения дела с принудительными работами, но я не надеюсь, чтобы в этом отношении дело было уж очень хорошо. Во всяком случае 8 января, когда правительство заслушало наш доклад, в проекте резолюции Совнаркома РСФСР, которая, правда, еще не утверждена, но которая уже принята комиссией СНК, о постановке принудительных работ сказано следующее: «признать на основе произведенного Народным Комиссариатом Юстиции выборочного обследования организации принудительных работ, что новый закон о принудительных работах от 21 мая 1928 г. проводится в жизнь весьма слабо, что главной причиной неудовлетворительного состояния организации принудительных работ является недостаточное внимание к постановке этого дела и отсутствие надлежащих организационных мер со стороны местных органов власти. Предложить областным, краевым и губерньским исполкомам принять самые решительные меры к реальному осуществлению закона от 21 мая 1928 года о принудительных работах, имея в виду, что принудительные работы должны явиться одной из основных мер социальной защиты и полностью заменить нынешнее краткосрочное лишение свободы».

Вот что скажет нам правительство на основании нашего доклада. И, понятно, соответствующее нападение было произведено на нас во время нашего доклада. Правда, мы вышли со своим докладом из СНК сравнительно благополучно, и вышли так потому, что мы не стали жалеть, когда нас начали критиковать, а мы сами поставили под критику свою деятельность и этим, понятно, обезоружили тех, которые могли на нас напасть. Мы сами добросовестно признались в своих недостатках и рассказали о них. Правительство потребовало коренного изменения этого дела. Здесь есть два момента. До сих пор все приводят главное основание тому, почему плохо идет организация принудительных работ, то, что судья задумывается, когда выносит решение о краткосрочном лишении свободы, что если он не примет данной меры, то никакой меры не будет наложено, т.е. ему известно, что принудительные работы не организованы, и это решение к принудительным работам останется только на бумаге, в то время как какая-то конкретная мера к этому преступному лицу должна быть применена. Это приводят как основной мотив. Но когда было произведено обследование, особенно помог нам Сибирский суд, который произвел выборочное обследование, который нашел, что здесь на нас судью действует влияние окружающей среды, особенно крестьянской среды, среды мелких собственников в огромном большинстве, у которой собственнические инстинкты крепко сидят, и которые требуют, что если у него взяли метлу или полено, то чтобы его метла или полено были защищены государством путем изоляции лиц, взявших эту метлу или полено, на известный срок. Это давит на нашего судью, он не может противопоставить этому определенную правительственную линию. Сюда же присоединяются недостатки и в смысле организации принудительных работ.

Но мы ставим вопрос так: непреодолимое это пре-

пятствие или преодолимое? Мы полагаем, что это преодолимое. (Голос с мест: очень трудно). Если бы было легко, тогда о чем был бы разговор; все само по себе бы делалось, а вы могли бы сидеть и смотреть, что делается. Не только нам приходится трудно, но приходится трудно всем. Наши главные государственные экономические планы с огромным напряжением составляются. Над каждым из нас висит Домоклов меч, который того и гляди срежет кого-либо по плечам и голове. То же самое надо применить и к нашим органам. Конечно, у нас имеются большие трудности, но нужно с ними справиться, их нужно перебороть, а непоборимого в этом деле ничего нет, справиться с этими трудностями мы можем и должны. Нужно только, чтобы мы сдвинулись с известной мертвой точки.

Но здесь имеются и другие, имеющие большое значение, препятствия—это то, что мы судим, а выполняют наши приговоры другие органы—НКВД. Мы можем вынести приговор к принудительным работам, а принудительные работы организуют опи, совместно с местными органами, и внимания этому уделяют мало.

Я ставлю вопрос таким образом: от вас правительство требует—не сажайте на короткие сроки в места заключения. Это нужно нам выполнить. Если сказано: замените это принудительными работами—нам нужно выполнить. А если они не будут выполнять, мы обратим свое жало через прокуратуру, через соответствующие органы, вплоть до определенных взысканий на те органы, на которые возлагается обязанность по организации принудительных работ, для того, чтобы это дело подтолкнуть. Нам не нужно заботиться о других в этом деле. Они сами должны о себе позаботиться. Нам нужно заботиться о том, что присуще нам, и потом поднимать шум и крик в исполнительных комитетах и в других местах, чтобы на это было обращено большее внимание. Иначе у нас не будет никакого выхода.

Я знаю, что на этом съезде могут послышаться некоторые упреки о том, что, якобы, слишком резко написан последний циркуляр о принудительных работах (голоса—хорошо написан). Да, я знаю, что есть товарищи, которые думают иначе. Когда я выступал на Северном Кавказе, один из товарищей сказал, что вот, наконец, мы получили циркуляр на нашем языке, на понятном языке, что если бы нам раньше сказали так, мы бы это правильно поняли. Но есть и другие, в частности, в Москве, которые думают иначе. Какой-то товарищ высказался, что этот циркуляр написан хулиганским языком. Я полагаю, что товарищи прокуроры и товарищи судьи должны быть людьми с крепкими нервами. Люди со слабыми нервами на этой работе вообще не годятся. В нашем циркуляре сказано, что те из судей, которые по пустякам будут людей законопачивать в тюрьмы, будут сами привлечены к ответственности и будут посланы на принудительные работы. Это сказано правильно, и я хотел бы видеть, найдутся ли товарищи, которые могли бы сказать, что это неправильно, я хотел бы видеть, найдется ли такой чудак, который скажет, что этот циркуляр хулиганский. Мы представили этот циркуляр на заседании Совнаркома РСФСР и получили одобрение. Комиссия Совнаркома, составленная для разработки резолюции по докладу НКЮ, также одобрила это указание НКЮ, отметив об этом специальным пунктом в проекте резолюции, который, я вполне уверен, будет утвержден и Совнаркомом РСФСР. Таким образом, этот циркуляр одобрен правительством РСФСР и приложен к постановлению Совнаркома по нашему докладу. Это разъяснение тем товарищам, которые считают этот пункт хулиганством.

Товарищи, мы в наших тезисах написали: «Учитывая отрицательные стороны организационного отрыва руководства уголовно-судебной от руководства пенитенциарной практики (как-то: аннулирование судебных приговоров, излишних проволочек и междуведомственных согласований и т. д.), сжигающие успешность борьбы с преступностью и особенно обостряющиеся в связи с предстоящим введением закона об относительно-неопределенных приговорах, проект которых НКЮ разработан и представлен правительству, Народным Комиссариатом Юстиции возбужден перед СНК РСФСР вопрос о передаче мест заключения в ведение НКЮ, осуществления которого

необходимо настойчиво и со всей решительностью добиваться». Я считал бы неправильным, если бы я вам не сообщил о тех затруднениях, которые стоят перед нами уже по дороге проведения этого нашего требования в жизнь. Я надеюсь на то, что мы добьемся осуществления этого предложения. У нас должно быть достаточно терпения, вместе с мужеством и энергией, для того, чтобы этого добиться. Но пройдет некоторое время прежде, чем мы этого добьемся. В ближайшее время нам осуществить этого не удастся. Несмотря на это, я считаю необходимым оставить это в тезисах, чтобы съезд принял это, как целевую установку, к которой Наркомат будет стремиться. Пока же мы имеем, и я надеюсь, что это получит одобрение правительства, специальный пункт в проекте резолюции СНК РСФСР следующего содержания: «Признать целесообразным устраивать регулярные совещания в составе Народного Комиссара Внутренних Дел, Народного Комиссара Юстиции и Уполномоченного представителя Об'единенного Государственного Политического Управления при Совете Народных Комиссаров РСФСР, в целях координации всех вопросов по проведению карательной политики между органами Народного Комиссариата Юстиции, Народного Комиссариата Внутренних Дел и Об'единенного Государственного Политического Управления. Созыв этих совещаний возложить на Народного Комиссара Юстиции».

Так как нет надежды, что мы в ближайшее время можем получить места заключения в ведение Наркомата Юстиции, мы будем на этом совещании разрешать все вопросы, касающиеся карательной политики, работы в местах заключения и т. д. Наши решения, если они будут единогласны, будут даваться в качестве указаний местам по тому или другому учреждению или по двум сразу и должны проводиться в жизнь. Одним словом, мы здесь добиваемся большей увязки, более тесной координации, тесных действий трех соответствующих органов, заинтересованных в данном вопросе. Эта мера половинчатая, но она уже поможет нам несколько упорядочить эту работу. Я думаю, что пока что мы можем остановиться на этом, добиваясь того, что записано у нас в тезисах.

Мой доклад очень затянулся и я не могу более широко остановиться на вопросе о подготовке кадров, хотя это весьма важный вопрос. Я надеюсь, что здесь выступят товарищи, которые занимаются этими делами в Институте Красной Профессуры и в ВЮК'е, и разовьют этот вопрос в достаточной мере. Я могу только в краткой форме сказать, что ряд необходимых мер в этом отношении принимается. В этом году мы довольно значительно увеличили количество слушателей на правовом отделении Института Красной Профессуры. Мы обратили на этот вопрос достаточно серьезное внимание. Мы заслушали подробный доклад ВЮК'а, на котором присутствовало очень большое количество слушателей. Мы уделяем все большее и большее внимание как постановке вопроса о переподготовке в ВЮК'е работников юстиции, так и о более основательном теоретическом образовании для наших практиков, лучших выходящих из нашей среды, через Институт Красной Профессуры, для того, чтобы создать необходимое нам ядро марксистов-юристов. Вот какие меры мы принимаем. Мы принимаем также меры к тому, чтобы соответствующие отделения в наших университетах увязали эту работу с нами, чтобы получаемый оттуда контингент работников был более приспособлен к выполнению задач, которые непосредственно лягут на них в нашей работе. К сожалению, я не могу широко останавливаться на этом вопросе за недостатком времени. Я здесь только подчеркну один момент. Мы отнюдь не являемся спецедами. Никто не может сделать нам упрек, что мы отличаемся этими качествами. Наоборот, всякого такого специалиста, который делает то дело, которое ему поручено, честно и правильно, мы в своей практике будем защищать и заступаться за него. Но мы заявляем, что считаем допустимым применение труда специалистов, может быть аполитичных или даже оппозиционно настроенных по отношению к Советской власти, только в области экономической, и в особенности в области производственной, там, где люди имеют дело с определенным материалом. Но мы не можем признать в той же мере желательным работу

специалистов в идеологической области, хотя бы в работе органов юстиции. Юристы старой школы и старой подготовки могут дать нам очень мало. Самое лучшее, что они нам могут дать, это быть для нас энциклопедией или справочником. Если мы будем приходить к какому-нибудь выводу и считать это новаторством, старые юристы (т. к. мы являемся большими профанами в этом деле) должны сказать нам, применялись ли подобные вещи в прошлом, и если применялись, то какие дали результаты. Что же касается разработки положительного, разработки будущего, то здесь они нас ничему не могут научить, потому что мы свой быт, свои условия, требования своего класса знаем гораздо лучше, чем они, чувствуем гораздо лучше, чем они, и сами сумеем сформулировать. Поэтому нам нужно твердое и крепкое ядро юристов-теоретиков-марксистов, которых мы до сих пор можем пересчитать по пальцам, для того, чтобы они могли теорию превращать в живые и понятные жизненные формы. Если же они будут писать языком прежних специалистов, то на следующих съездах мы будем их протирать самым крепким песком.

Я перехожу к вопросу о печати. Может быть нам удастся во время этого съезда устроить совещание местных работников с представителями наиболее крупных центральных органов печати. Нужно сказать, что в последнее время нам начинают уделять в печати значительное внимание. Перед съездом довольно оживленно печать взяла нас в работу. Это весьма хорошо.

В нашем тезисе сказано: «Печать проводит большую работу по борьбе с недостатками и бюрократическими извращениями директив партии и правительства в административном, хозяйственном и кооперативном аппарате, являясь острым и ценным инструментом самокритики. Связь органов прокуратуры и суда с печатью должна занять важнейшее место в их повседневной работе путем: а) освещения в печати недостатков советского аппарата, выявленных на основе судебной практики; б) привлечения через печать внимания общественности по отдельным судебным делам, затрагивавшим интересы трудящихся масс, и в) привлечения к ответственности лиц, виновных в обнаруженных печатью недочетах, злоупотреблениях и бюрократических извращениях в административном, хозяйственном и кооперативном аппаратах».

Будучи профессиональными обличителями и критиками, прокуратура и суд должны твердо помнить, что они досягаемы критике наравне со всеми работниками советского аппарата, поэтому НКЮ требует от своих работников необходимой объективности в случаях справедливой критики печатью их действий. Мы должны, не затушевывая, освещать свои недостатки перед общественностью и в печати, в то же время энергично реагировать на всякие незаслуженные выпады печати, добиваясь, чтобы она исправляла допущенные ею ошибки. В последнем случае всячески избегать вступать на путь казенных отписок, не оправдываемых никакими деловыми соображениями, являющимися совершенно недопустимой помехой творческо-критической деятельности печати».

Вот наш тезис, который мы предлагаем здесь утвердить. Таких взаимоотношений с печатью мы будем требовать. Но в то же время мы, понятно, предъявляем и обратные требования к печати. Мы хотим добиться таких форм сотрудничества, когда бы мы друг другу помогали при выполнении общей работы, которая на нас возложена. Мы не против того, чтобы наши недостатки критиковались и освещались, чтобы происходила известная общественная обработка нас, но нужно, чтобы печать делала это в достаточной степени осторожно и обдуманно. Нужно иметь в виду, что суд и прокуратура являются такими органами, которые олицетворяют в глазах населения нашу советскую справедливость. Они судят людей, которые имеют дела или между собой или по отношению к государству. И если мы подорвем к ним доверие со стороны населения, этим мы можем сделать большое вредное дело. Поэтому здесь нужно отметить определенные моменты. Если, предположим, есть вина у какого-либо лица, пусть критика бьет по этому субъекту, но пусть выделит его из системы. Пусть критикует не систему, а данного субъекта в его

определенных поступках. Если существуют недостатки в системе, тогда пусть будут по этому определенному конкретному пункту системы, все таки не дезорганизуя и не портя общей работы. Поэтому наши требования, которые мы предъявляем печати, должны быть ею выполнены. Эти конкретные требования придется деловым образом с ними обсудить. Мы в этом отношении уже приняли некоторые меры. В прошлом воскресенье мы имели специальное совещание Народного Комиссариата Юстиции с представителями 12 органов печати г. Москвы. Правда, т. к. у нас очень много на душе накипело, то мы—я и в особенности тов. Крыленко—черезур строго поговорили с печатью. Но мы получили не меньший отпор и с их стороны и они довольно-таки грели нас. Но, в конце-концов, мы договорились о том, что нужно принять соответствующие меры. Надо еще отметить, что наше совещание продолжалось на диспуте, который был устроен в Доме Печати, по инициативе работников печати, совместно с нашими работниками. Правда, диспут не был закончен, он затянулся до поздней ночи, люди разошлись и определенных решений не принимали. Но как будто бы у нас уже некоторые результаты имеются. Мы приняли на совещании: во-первых, просить печать возможно шире обслужить наш съезд. Как будто это сейчас имеется, а мы свои двери широко открыли для любого представителя печати, они имеют право присутствовать и участвовать в нашей работе. Во-вторых, нужно поставить как следует на ноги в Наркомате, а по примеру Наркомата и в местных органах, работу более широкого информационного бюро, а в местных органах соответствующие информационные бюро, или выделить на это дело одного товарища, наиболее энергичного, который должен являться связью между нами и печатью для того, чтобы дать печати весь тот богатый политический и бытовой материал, который имеется в нашем распоряжении. Это дело у нас в центре еще слабо поставлено. И здесь Организационно-Инструкторскому Управлению надо принять энергичные и решительные меры. Нужно найти сильного и энергичного работника, которого поставить во главе этого бюро. Темн силами, которые сидят сейчас в Оргинстре, этого дела не сделать.

Нужно, чтобы наши прокурорские органы установили самую тесную деловую связь и деловой контакт с бюро расследований печати, использовать этот общественный инструмент в нашей работе в качестве помощника и увязывать с их работой.

Думаю, будет совершенно не бесполезно, чтобы в течение настоящего съезда выделить какую-либо секцию или комиссию или устроить совещание с работниками печати, где мы могли бы поговорить о ряде конкретных вопросов и установить контакт в работе.

Теперь я перехожу к нашей связи с партийными органами. Ясно, что связь с партийными органами является одним из важнейших моментов в руководстве работой как НКЮ, так и всех его местных органов. Я думаю, что Вы сами заметили, что в последнее время мы быстрее поворачиваемся и реагируем по всем вопросам, которые ставятся нашими партийными руководящими органами, это имеет свое отображение в директивных указаниях нашего Наркомата. Это большое плечо в нашей работе. Чем теснее наша связь с партийными органами, тем больше имеется возможности реагировать на все такие вопросы и дела, которые проходят там, а они часто тесно увязаны с нашей работой.

Поэтому такую связь нужно всячески укреплять, развивать и расширять. Мы в своих тезисах требуем следующего положения: «Прокурорские и судебные органы должны, как непреложное правило, наладить тесную связь с партийным комитетом, своевременно сигнализировав ему о всех непорядках, направленных против интересов советского государства».

Нужно сказать, что здесь имеется довольно хорошее достижение; во всех наших мало-мальски крупных центрах прокурор и судья входят в партийный комитет. Эта связь довольно хорошо налажена, но надо еще больше ее укреплять, нужно своим правом пользоваться. Сверх этого у нас имеются значительные недостатки, которые нужно будет путем кропотливой и может быть терпеливой, долгой борьбы

устранять. Эта связь никоим образом не должна превращаться в такие взаимоотношения, когда требуется лишь прокурорского, судебного или следственного органа, когда они превращаются в безмолвных исполнителей директив чуть ли не по каждому малозначительному вопросу. Известно, что такая тенденция у нас имеется. Если бы не было такого положения в Смоленске, наши органы не были бы так обвинены. В работе товарища Соловьева, который там был, никаких корыстных элементов не найдено. Но он был так сжат, что даже пикнуть не мог, там лицо прокуратуры было потеряно, вот где был корень зла, но слышно и рядом бывает так, что наши органы сами лезут под крылышко парторганам, чтобы отгородиться от ответственности. Мы идем туда тогда, когда нас не зовут, идем с делами, когда совершенно не требуют доклада, идем по пустякам. Ведь был такой факт, который нашли во Владимире т.т. Солдц и Нехамкин: какой-то деятель из совторгслужащих, любитель-охотник поехал куда-то на медведей. Он стрелял в кошку, а вместо кошки попал в ребенка. Создалось уголовное дело. Дело разобрали. Судья слышал о том, что, дескать, были толки в губпрофсовете, что этот парень выдвигал, способный парень, что его дальше нужно продвигать, а посему, как же его судить, надо пойти узнать, что там скажут. И он пришел в районный комитет, как быть? А ему сказали: суди как полагается, т.е. по закону, не перегибай и не недогибай. Чисто Соломоновский ответ—суди, как полагается, умный человек оказался в районном комитете, хорошо ответил. Могло бы быть иначе. Но даже одно то, что что-то говорили в губпрофсовете, а в районном комитете ему ответили распылчато, имело то влияние на судью, что он разбирал это дело со снисхождением, а этого не надо было делать. И по ряду других дел мы видим, что имеется желание сбегать к тому или другому, чтобы часть ответственности сложить на кого-то другого. А потом получается, что когда разыскивают виновных, то никого нет. Иван кивает на Петра, Петр на Ивана, орган на орган. И вместо одного органа, который должен по существу отвечать за это дело, перед нами шесть—семь органов. С этим нужно бороться. Знаю, что эта борьба трудна. Доходит до того, что нам здесь самим приходится отбиваться, что нам самим нужен достаточно крепкий хребет, чтобы выдерживать это вторжение. Мы выдерживаем и требуем такой же выдержки со стороны всех наших местных органов. По моему мнению, здесь лучше всего было бы установить следующий порядок: наилучшей формой взаимоотношений является полная последующая ответственность работников суда и прокуратуры за свои решения и действия перед соответствующими руководящими парторганами и установление систематических докладов прокуратуры и суда на заседаниях этих парторганов, чтобы судебные органы и прокуратура со своей стороны в известные периоды приходили в парторганы отчитываться в своей работе. Пусть критикуют, пусть дают направление, пусть будут разрешены принципиальные вопросы. Тут от последующей ответственности никуда не уклонись, партийный орган может всегда, когда нужно, проконтролировать, но ежедневная беготня по разным делам и распыление ответственности—это не годится. Я знаю, что этот тезис кое-где на местах может встретить кое-какое противодействие со стороны парторганов, но я думаю, что в этом случае нужно привести конкретные факты и на основе их добиться от Центрального Комитета урегулирования взаимоотношений. Определенные указания на этот счет имеются. Нужно взять эти последние циркуляры о взаимоотношениях, проверить их, и, если нужно что-нибудь подновить, то это сделать. Тезис этот мы целиком и полностью защищаем.

Ну вот, товарищи, я развернул перед вами отчетный доклад Наркомата. Здесь, как вы видите, есть и о пройденном пути немало, имеется и определенная установка на дальнейшее по целому ряду вопросов.

Критикуйте, пожалуйста, во всем разрезах, укажите нам все больные места, укажите нам наши недостатки, но затем, что будет здесь у нас принято, что будет здесь постановлено, это, товарищи, идите на места и выполняйте, выполняйте по-большевистски, без всяких уступок, отвечая за свою работу целиком

и полностью и выполнял то, что требуют от нас партия и правительство. Я надеюсь, что такое большевистское выполнение принятых нами решений будет обеспечено со стороны всех участников Съезда (продолжительные аплодисменты).

Утреннее заседание 21-го февраля.

Речь т. Лежавы.—Прения по докладу т. Янсона.

По окончании отчетного доклада тов. Янсона с приветствием Съезду по поручению ЦК ВКП (б) и Правительства РСФСР выступает заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров РСФСР тов. Лежава.

Указывая на то, что имеющимся в нашем строительстве достижениям и завоеваниям мы обязаны не только правильным социальным установкам и правильному чутью, которое подсказывало партии те или другие шаги, но и исключительному свойству партии—ее монолитности, нераздельности и исключительной дисциплине и твердости, тов. Лежава говорит о необходимости максимального углубления и укрепления этих свойств партии для преодоления трудностей при разрешении стоящих на очереди задач. Не останавливаясь на основных установках сегодняшнего дня, он выдвигает несколько моментов под углом зрения тех вопросов, которые представляются наиболее интересными для Съезда. «Что революционная законность это один из китов, на которых держится все наше успешное строительство, это вы все хорошо знаете, но очень важно в море текущих событий и обстоятельств не утратить правильной перспективы, правильного понимания того, что мы делаем, что строим». Каждый день, при гигантском темпе роста нашего хозяйства, имеет свои особенности. Эти особенности должны учитываться нами при разрешении практических задач и оттого, как воспринимаются и понимаются эти особенности, зависит во многом успех дела. Это положение тов. Лежава иллюстрирует несколькими примерами. Большое внимание в данный момент уделяется кредитованию сельского хозяйства. На кредитование уделяются большие средства, и, тем не менее, кредитная система, существующая не первый год, жалуется на недостаток средств. Происходит же это в силу того, что в нашей постановке кредитование превращается в социальное обеспечение: деньги раздаются, но их обратно не собирают. Здесь-то и сказывается непонимание партийных директив и советских постановлений. Конечно, в нашей кредитной системе строго проводилась классовая линия. Беднота обслуживается в первую очередь на наиболее льготных условиях. Но взятые в кредит деньги в срок должен возвратить и бедняк, и середняк, и колхоз, и совхоз. И тот, кто этого не выполняет, должен идти под суд, а судам дается жесткое задание беспощадно приучать кредитующихся к тому, чтобы возврат ссуд происходил с точностью часового механизма. И в этом отношении не-

чего бояться демагогических разговоров о том, что из бедняка выжимают деньги. Наша задача—постройка социалистического административного здания. Тот бедняк, который своей неисправностью препятствует выполнению этой задачи—не наш друг.

Непонимание имеется и в вопросе о колхозах. К их организации надо подходить правильно, а не так архипрощенно, как делается: собирается группа, подписывает устав, утверждает его в соответствующей инстанции и потом является за деньгами. Совхозы и колхозы, действительно, являются краеугольным камнем нашего строительства. Поэтому их и строить надо так, чтобы они были камнем, а не рыхлым песчаником. Надо смотреть, кто входит в колхоз, с чем и для чего входит, надо обеспечить правильное руководство, надлежащий учет и отчетность с первых шагов их деятельности. Судебные и прокурорские работники, а в лице их законность, должны подойти к колхозам, посмотреть, как соблюдается там эта основная установка. Если об этом наблюдении в законе ничего не сказано, то это вовсе не значит, что вы свободны от этих обязательств.

Издан новый закон о едином сельхозналоге. Он построен так, что дает толчок к поднятию хозяйства, развитию его культурности, товарности. Закон кладет предел дробности хозяйств. При применении же его встречаются такие случаи, когда трудовые, недробленные, товарные, культурные хозяйства облагаются индивидуальным налогом, как кулацкие хозяйства, тогда как основным признаком кулацкого хозяйства является эксплуатация наемного труда. Индивидуальное культурное хозяйство с расширенной площадью, с повышенной товарностью, при неперемennom условии трудовой организации—это тот же коллектив, нужный нам тем более, что всякое такое индивидуальное хозяйство строительством нашим обречено на то, что оно должно будет войти в колхоз. Понятно, что выгоднее для организации колхозов включение в них культурных хозяйств, чем хозяйств отсталых. Массу жалоб на искривления в данном вопросе «я направил—говорит тов. Лежава,—не кому-нибудь, а Прокуратуре; получите и разбирайтесь, стойте на страже и имейте в виду, что нам надо в деревне... ни один уголок ни хозяйственной ни культурной жизни не защищен и не огражден от вашего глаза и не должен быть огражден.

С такой установкой надо подходить к вопросам развертывания промышленности. Нам не удастся добиться должного снижения себестоимости, увеличения производительности труда и повышения дисциплины. Здесь лужно подхлестывание, а вы стоите у этого самого дела. К тем, кто нарушает дисциплину, вредит повышенной производительности труда, должно быть строгое отношение, и потачек здесь никому давать не следует.

Товарищ Лежава указывает далее на необходимость участия работников юстиции в культурно-просветительной работе. Он делится впечатлениями от поездок на места, которые в данном отношении оставили тяжелый осадок. Деревенская смена растет без надлежащего культурного

Подарок Красной Армии.

VI Съезд прокурорских, судебных и следственных работников РСФСР единогласно постановил построить самолет «Красный Юрист».

В день II годовщины Красной Армии, по докладу о международном положении и обороне СССР, общее собрание ячейки Осоавиахима при Высших Юридических Курсах вынесло решение следующего содержания:

«Имея ввиду, что опасность прямого нападения на СССР принимает все более актуальное значение, что международная обстановка требует от нас больших сил и большего внимания делу обороноспособности нашей страны, и что VI Съезд работников советской юстиции, как раз, совпадает с одиннадцатилетием Красной Армии—поставить перед Съездом вопрос о постройке самолета «Красный Юрист» на средства работников юстиции для передачи в качестве подарка Красной Армии».

Это решение Съездом единогласно одобрено. Теперь остается провести его в жизнь. Работа эта дол-

жна быть возложена: на делегатов Съезда по приезде их на места, ячейки Осоавиахима и месткомы судучреждений и областных курсов РСФСР, они должны вовлечь всю массу работников юстиции к разрешению данной задачи, надлежит составить комиссию для организации и руководства всем этим делом. Мы убеждены, что вся масса работников юстиции с полной отзывчивостью отнесется к выполнению задачи, возложенной на нас VI Съездом работников советской юстиции в деле помощи обороноспособности нашей страны.

Председатель профкома при ВЮК Юров.

Председатель бюро ячейки Осоавиахима

при ВЮК Смирнов

руководства. «Как же вы можете осуществить революционную законность, как можете в массе трудящихся создать для себя опору, чтобы проводить твердо эту революционную законность, если вы имеете дело с такого рода материалом, если вы не приняли мер к организации культурно-просветительной работы... Революционная законность, которую мы так высоко ставим, о которой мы так настойчиво говорим и требуем проводить ее в жизнь, требует напряженного внимания в эту сторону».

В заключение тов. Лежава указывает на то, что необходимо устранить текучесть личного состава, которая свойственна и органам юстиции, и которая препятствует поднятию уровня низового советского аппарата. Остаивается он и на вопросе о материальной необеспеченности работников юстиции, объясняя ее тем, что перед государством стоят самые ударные хозяйственные потребности, и заявляя, что как только бюджет почувствует себя чуть-чуть полегче, будет поставлен вопрос об улучшении положения судебных работников, в особенности низового аппарата.

По предложению тов. Калмыкова (Смоленск) С'езд постановляет послать приветствие ЦК Партии.

С'езд переходит к прениям по докладу т. Янсона.

Тов. Беликов (нарсудья Кузнецкого округа Сибирского края). Руководство как в Наркомюсте, так и в руководящих местных его органах поставлено недостаточно удовлетворительно. Издаваемые центром циркуляры слишком громоздки, трудно понимаемы рядовым работником, приходят на места с большими опозданиями. Местные руководящие органы юстиции не разбираются в том, что именно касается только их, и что нужно передать низовому работнику. Поэтому циркуляры центра препровождаются на места целиком, низовой работник бесполезно загружается.

Руководство со стороны других руководящих местных органов зачастую превращается в дергание работника, а даваемые ими директивы иногда коверкают революционную законность.

Материальная необеспеченность судебных работников препятствует пополнению кадров рабочими от станка, а отсутствие средств в органах юстиции не дает возможности заниматься подготовкой тех товарищей, которые приходят к нам в качестве выдвиженцев. Отсутствие средств не позволяет нам всегда вызывать в суд в качестве народных заседателей батраков, а это, несомненно, отрицательно отзывается на нашей работе.

Тов. Блохин (Ульяновский округ, Средн.-Волж. области). Органы юстиции идут вперед в выполнении директив XV С'езда партии и это обстоятельство должно быть определенно подтверждено с'ездом в опровержение обратных утверждений отдельных критиков нашей работы. Конечно, недостатки в нашей работе есть. Так, Наркомюст не всегда достаточно защищает нас своим авторитетом, когда мы обращаемся за поддержкой по вопросам о нарушении революционной законности. А в результате этого у нас портятся отношения на местах, подрывается авторитет наших органов. Наркомюст взял не совсем правильную установку в том отношении, что за все спрашивает только со своих периферийных органов, но не добивается того, чтобы на низовой аппарат оказывалось давление и со стороны других ведомств.

Тов. Будникова (Нижегородской губернии), указывая на громадное значение, какое могли бы иметь примирительные камеры в деле борьбы с бытовыми отрицательными явлениями, считает, что в этом отношении сделано мало. Местные органы не должны ждать указаний центра, надо раскачаться самим. Больше внимания должно быть уделено борьбе с бюрократизмом.

Тов. Уханов (Череповецкий округ, Ленинградской области). Материальное положение низовых судебных работников тяжелое и здесь должны быть приняты меры к тому, чтобы обеспечить этим работникам существование. Наркомюстом проделана большая работа, но есть и недочеты. Издаваемые циркуляры запаздывают, с отчетностью мы запутаны, нормы выработки даны без учета всех условий работы на местах. Низовые работники не имеют возможности повышать квалификацию: литература дорога, заочные курсы при первом МГУ, при стоимости курса в 80 рублей, нам недоступны. Должно быть обращено внимание на вопрос об оплате труда отбывающих принудительные работы, так как этот вопрос не разрешен удовлетворительно и последним изменением закона.

Тов. Соколов (Псковский округ, Ленинградской области). Выполнение постановлений XV С'езда партии проведено нами очень слабо. Причина этого не только в работе органов юстиции, а и в том, что местные советские органы проведение революционной законности считают делом одних органов юстиции. Но без содействия других советских органов, советской общественности органы юстиции с поставленными XV С'ездом задачами справиться не смогут.

Вечернее заседание 21 февраля.

Продолжение прений по докладу тов. Янсона.

Тов. Капур (губ. прокурор Костромской губ.). У нас плохо обстоит дело с отчетностью, как раз наоборот директивам о сокращении отчетности. Отчетность, как она есть, дергает работников юстиции, отвлекает их внимание от их непосредственной работы с массами. Отчетность эта к тому же несовершенна. Она не дает, например, ясного представления о том, кого мы судим. Статистическую и литературную отчетность надо сократить.

Надо добиться такого положения, чтобы работники юстиции могли выезжать на места в выездные сессии.

По закону в земельных комиссиях должен участвовать землеустроитель. А как быть, когда у нас землеустроителей нет.

Директивы Наркомюста не всегда бывают известны местным советским органам. Поэтому они зачастую отписываются, а знать тем более необходимо, что зачастую эти органы не интересуются нашим делом. Это надо изжить.

Тов. Мельников. На местах плохо обстоит дело с кредитованием крестьянства. Трудовой крестьянин не всегда может вовремя возратить полученную ссуду, а взыскивать с него нечего. Необходимо поставить вопрос о рассрочке в таких случаях.

На местах недостаточно участие прокуратуры в народном суде. Нередко наблюдается на местах так называемое местное влияние непосредственно на народных судей— явление, с которым надо решительно бороться.

Тов. Менделеева (член краевого суда Сев. Кавказа). Циркуляры Наркомюста пишутся неясно, а это создает перебои в работе местных органов юстиции. Иногда циркуляры пишутся без фактического учета возможностей претворения их в жизнь. Пример неясного циркуляра— циркуляр о хлебозаготовках: неизвестно, каково содержание понятия скупщика хлеба. Пример нежизненного циркуляра— циркуляр о нормах месячной нагрузки суд. работника. Как можно говорить о нормах выработки у судьи, когда судья имеет дело с живым человеком. Впредь надо писать циркуляры просто и с учетом жизненных требований.

Товарищеские суды. Надо обсудить вопрос, не передать ли им мелкие гражданские дела. В отношении товарищеских судов мы идем опущью. Плохо обстоит дело с бюрократизмом и не только внизу, но и наверху в отношении низовых товарищей.

Большая волокита у нас с исполнением судебных решений. Надо пересмотреть сроки по ГПК.

Снабжение нас литературой отстает. Надо к тому же удешевить книгу и перевести законы на национальные языки.

Тов. Страхов. Мы плохо боремся с волокитой. Надо бороться с ней показательными процессами. Волокита не только у нас, но и в Наркомюсте. Ответы мы из Наркомюста иногда получаем через 3—4 месяца. Обычно ссылаются на то, что наши запросы требуют согласования, но нам-то это мешает как в нашей работе, так и во взаимоотношениях с другими органами. Наркомюстевская отчетность вносит нам путаницу. Вместо упрощения отчетности она разбухла. Всем хорошо известен разрыв, который получается между изданием закона и инструкцией в развитие его, которую Наркомюст издает на несколько месяцев позже. Так, Наркомюст опоздал с инструкцией о принудительных работах. Надо сказать, что руководство Наркомюста сейчас чувствуете тверже. Вместе с тем критика и самокритика еще недостаточно проникли в органы юстиции. Надо, чтобы критика более четко нашла свое отражение на страницах «Еженедельника». Мы упразднили дисциплинарные суды, но у нас после их упразднения не предан никто народному суду. Нужно встряхнуться на

этом фронте. Мы не для того упразднили дисциплинарные суды, чтобы не судить то или другое лицо. До сих пор нет никаких директив об организации товарищеских судов, между тем ВЦСПС запрещает организацию их. Кто в этом виноват—НКЮ или местные работники? Конечно, НКЮ. У НКЮ нет стабильности и закрепления аппарата, он не умеет удерживать старых работников. Сильнее надо выдвигать рабочих от станка и женщины. НКЮ не защищает нас в печати, когда это совершенно необходимо.

Тов. Турсуномухмедов (Казахстан). Наркомфиновские органы Казахстана не обращают внимания на наш аппарат. Так, на камеру нар. суда 26 участка отпущено на отопление и освещение всего 6 руб. на год. Наши протесты не помогли. Аппарат суда мал, секретарь едва успевает переписывать копии приговора из-за отсутствия машинок на казакском языке. Это не дает возможности заниматься секретарю другими делами. Следовательно тоже больше занимается выдачей справок, чем исследованием преступлений. Отсюда порождается волокита. Низовой аппарат при этих условиях не может выполнять предъявляемых к нему требований. Между тем мы связаны определенными сроками по проведению дел в порядке ударной кампании. Зачастую нас командироват по различным кампаниям по районам, и тогда канцелярия у нас закрыта. Со стороны НКЮ мы никакой помощи не получаем. Нужно позаботиться о переводе законов на казахский язык.

Тов. Евтушенко (Н.-Волжский край). Районирование нас не приблизило к населению, а удалило. Раньше мы ходили в выходные сессии на 30 километров, а теперь на 150 километров не пойдешь, а средства нам дают так плохо, что за перевозку канцелярии при районировании расплачивались своими деньгами. Надо заняться повышением образования судебных работников. При организации примирительных камер надо подумать о том, кому они попадут в руки. Литература к нам запаздывает. Нарсуды перегружены различными обязанностями. Это отражается и на качестве его работы и на пропускной способности камеры. Различные командировки по кампаниям мешают его работе. В деревне нет защитников, а между тем нужна помощь батракам.

Тов. Евтух (председатель Брянского губ. суда). НКЮ опоздал с директивами о принуд. работах. Постановление же ВЦИК от 26 марта было неясно в том смысле, как его выполнять, когда лишение свободы предусмотрено Угол. Кодексом. НКЮ дал директивы лишь в августе. Ответственность за несвоевременное проведение принуд. работ должен разделить и Наркомюст. Организация прим. камер прошла стадию опыта, а Наркомюст и здесь до сих пор не проявляет смелости и решительности. Ясно, что надо смелее привлекать общественность к разрешению мелких дел. НКЮ на перевыборы нар. заседателей смотрит безразлично, вместо того, чтобы привлечь внимание общественности к тем болячкам, которые получают отражение в судебной работе. Это надо исправить. Действующий порядок исполнения судебных решений порождает волокиту. 60% исполнительных листов идет к судебному исполнителю, а тот не в состоянии справиться с ними. Почему происходит принудительное исполнение на 60%? Должники не несут ответственности за невыполнение в добровольном порядке. Надо повысить стоимость принудительного исполнения решений. Самый порядок взыскания также нуждается в пересмотре. Неблагополучно у нас с кабальными сделками. Так, у нас половина судов ответила, что у них не проходили кабальные дела, а когда мы посмотрели дела, то обнаружили там немало кабальных отношений. Это показывает, что суды не всегда замечают кабалу. Надо обратить внимание общественности на кабальные сделки. Например, на кабальную оплату жилищ в частных домах, о чем наниматели сами зачастую молчат.

Тов. Червяков (Сев. Кавказ). У нас есть циркуляр НКЮ № 94 и НКФина. В нем говорится о том, как нужно взыскивать судебные пошлины. Гражданину посылается повестка в 3-х экземплярах, гр. идет в Госбанк, оттуда идет в Наркомфин, потом пересылают нам. Машинки у нас нет и секретарь все это пишет от руки. Посылаются заказным крестьянину, а крестьянин не понимает и приезжает за 30 километров выяснять, в чем дело. Объясняешь, что надо ехать в Госбанк, а Госбанк за 70 километров, и все это из-за какого-нибудь рубля. Если крестьянин не внес 7 дней, посылается к судебному исполнителю бумага тоже в 3 экз. Это ли не объявленный бюрократизм? С новым бюджетом окружной суд отпечатал эти квитанционные книги, израсходовал 500 руб., а тем временем ведомства

отменили этот алополучный циркуляр. Кому же теперь предъявлять иск об убытках? Вот и доходит бюрократизм к нам сверху. А дело-то просто было бы, стоило бы только наклеивать марку. Плохо обстоит дело у нас с литературой. Краткий курс советского права вышел только в 7 книгах из 9. Литература дорога, надо ее удешевить. С принуд. работами затынул НКЮ. Места лишения свободы начали разгружать, а нас об этом не предупредили, а мы продолжали приговаривать к краткосрочному лишению свободы. Только в январе появился циркуляр № 5, где сказано, что если судья посадит на короткий срок, то его самого посадят. Надо было такой циркуляр дать сразу же, а не через ½ года. Вот и выходит, что неувязка в Москве, а пишки летят на низового работника. Мы сильно отстаем от жизни с законами. Эта судьба постигла и проект УПК.

Тов. Лещева. Нас надо разгрузить от различных обязанностей и кампаний. В основной работе мы используем только на 30%. В таких условиях трудно работать. Приедешь из командировки и начинаешь проворачивать дела, а это толкает к бюрократизму. Деревне трудно использовать принуд. работников. Нет средств для организации принуд. работ.

Тов. Пашуканис (Комм. Академия). У нас значительные достижения с составом учащихся в вузах. Партийный и комсомольский состав дает 2/3, в худшем случае 50% учащихся. Это обеспечивает нам смену. Много хуже с преподавательским составом. В 1 МГУ из 34 преподавателей—24 коммуниста, но в Ленинграде на 20 преподавателей только 2 коммуниста, а в Иркутске на 11—1. Плохо обстоит дело с учебниками. Много немарксистских есть и антимарксистских, вот почему необходимо обратить внимание на работу секции права и государства Комм. академии. Большое значение имеет и работа Института Красной Профессуры. Мы сейчас укомплектовали правовое отделение Института. На дальнейшее его укомплектование необходимо обратить внимание. Нам надо добиться, чтобы наши судьи были проникнуты марксистским мировоззрением. Для этого нужно усилить теоретическую работу.

Тов. Сычев. Органы юстиции больше других восприняли от бюрократизма старого строя. Они больше других работают по старым шпаргалкам. Наши выдвиженцы сталкиваются с томами законов, с ведомственными инструкциями и циркулярами и приходят к выводу, что надо прежде учиться, чем работать. Поэтому очень мало желающих идти на нашу работу. Надо как-то свести к минимуму ведомственное творчество. Зачастую мы воспитываем выдвиженца формой, так же как передко судья расценивается по знанию формы. Надо больше требовать существа и меньше тратить времени на отчетность, форму и т. п. НКЮ запаздывает с директивами. С судебными исполнителями неблагополучно. Они завалены исполнительными производствами. Их надо как-то разгрузить.

Тов. Раппопорт (Д.-Восточный край). В деревенской работе надо усилить участие партийной советской общественности. У нас нет достаточной увязки с другими органами в области применения революционной законности. Нужно усилить их участие в нашей борьбе с кабальными сделками и с лжеколхозами. Надо втянуть сюда силы инструкторского аппарата окр. и кооперации. Этот аппарат должен выявлять случаи кабальности, лжеколхозов. Нельзя рассчитывать, что мы можем справиться одними нашими силами. Надо активизировать в этой работе аппарат других органов. НКЮ должен сделаться застрельщиком в этом. Активизировать надо и следовательский аппарат. Конечно, не перегибая здесь палки. Надо переустроить планы нашей работы. Мы слишком разбрасываемся по мелочам. Мелочи мешают сосредоточить наше внимание на узловых моментах. Приведем, например, данный нам НКЮ план, где требуется сказать заранее сколько будет у нас заседаний в течение 6 мес. партийных и советских органов. Как это можно заранее сказать. С пропагандой права стало лучше, но пропаганда проникнута духом ведомственности, оторвана от общей советской работы. Будучи передана в общую работу политпросвета, у нас в Чите она дает больше. Пропагандой права у нас больше занимается прокуратура, чем суд. Суду надо приналежать на эту работу.

Тов. Виноградов. НКЮ заключил кабальный договор с НКПит по рассылке повесток. Вручение повесток скверное. Надо расширить работу адм.-правовых секций в смысле передачи ей пропаганды права. В руководстве НКЮ мало уделяется внимания карательной политике. Самый арсенал мер социальной защиты у нас слишком мал. По-

чему мы мало давали принуд. работы. НКЮ запоздал с директивой. Да и краткосрочным лишением свободы мы считали сначала 2 недели, потом 3 мес. Нам все говорят коротко, 6 мес.—коротко, 8 мес.—коротко, пока не дошли до года. Директивы НКЮ носят формальный характер, а на местах приходится их практически преломлять. Мы боремся с лежекооперативами, но под наиболее хитрые из них никак не подкупаешься, потому что закон коряв. Мы боремся с кулачеством. Кулак говорит бедняку—не ходи на выборы. А угрозы не караются. Как же нам быть. Выходит, что закон плох. Нам нужна товарищеская помощь, а не общие фразы со стороны НКЮ.

Тов. Меньшиков (Орехово-Зуево). Нет твердых заданий о примирительных камерах, свою же инициативу проявлять трудно, так как местная общественность не содействует. Примирительные камеры надо организовывать в процессе упорной работы, а не скоропалительно. Здесь следует меньше делать ошибок, и идти вперед, опираясь на адм.-правовые секции, беря на работу в примирительных камерах проверенных товарищей из адм.-правовых секций. Нам надо повысить и авторитет прокурора, так что если он бьет тревогу с превышением заданий по сельхозналогу, так к нему бы прислушались, а не спохватывались после проведения сельхозналога. Было бы неправильно ликвидировать пропаганду права, как самостоятельное дело, смешивая ее с пропагандой вообще. Наш опыт говорит, что пропаганда права поспевает рост преступности. Пропаганда права должна идти через приобщение рабочего и крестьянского актива, а не ограничиваясь ведомственными рамками.

Тов. Хвостов. Следователь должен перейти на общественную работу, на организацию масс вокруг вопросов борьбы с преступностью. Органы милиции в скверном состоянии. Они плохие помощники и вследствие текущей плохо знают законы. Бюро принуд. работ за 100 километров не может руководить принуд. работами. Надо организовать принуд. работы через сельсоветы, направляя принудработников на помощь бедняцким хозяйствам. Надо расширить права следователя по части проверки работы сельсоветов в смысле проведения ими законов, например, по сельхозналогу, по самообложению с тем, что результаты он передает участковому прокурору.

Утреннее заседание 22 февраля.

Продолжение прений по докладу тов. Янсона.

Тов. Жалмапов (Киргизская Республика). Необходимо немедленное проведение глубокой чистки аппарата от классово-чуждых элементов. Такая чистка аппарата по Киргизской Республике привела к увольнению до 40% ответственных работников. Вопрос о выдвижении разрешается у нас неудовлетворительно, так как выдвижение превращается в вылавливание работников из определенных учреждений, но не представляет собой действительного выдвижения работника массами, которые он должен обслуживать. Вопрос выдвижения наталкивается на отсутствие подготовленных к нашей работе кандидатов. Существующие юридические курсы ведут переподготовку, а их надо поставить так, чтобы они готовили к работе в органах юстиции рабочих. Для создания кадра для выдвижения следует направлять рабочих на практику в судебные органы. Национальные республики опускают острый недостаток в квалифицированных рабочих. Высшие Юридические Курсы этой нужды удовлетворить не могут, так как республикам дается не более 20—25% мест.

Тов. Орловский (Военная Прокуратура). Задачи обороны государства и задачи советской юстиции не параллельны, как их считают, а во многих узлах пересекаются. В качестве одного из таких узлов пересечения может быть приведен вопрос о наблюдении за законами, которые обеспечивают важнейшие права красноармейца и которые крайне слабо у нас выполняются. В резолюции, которую съезд примет, должны быть указаны те, касающиеся армии законы, на выполнение которых органы советской юстиции должны сосредоточить свое внимание. Следует обратить внимание на то, что издаваемые у нас законы часто проходят мимо армии. Таков, например, закон об отмене краткосрочного лишения свободы, который к армии не совсем подходит. Наконец, при разработке законов необходимо бу-

дет учитывать их применение в условиях военного времени.

Тов. Кожевников (зам. наркомюста Крымской Республики). Дело осуществления революционной законности требует подкрепления прокурорского аппарата собственной силой, так как собственными силами всего того, что поставлено перед нами партией, мы выполнить не сможем. Подсобная сила должна быть изыскана так, как это делает РКИ, перестроившая свою работу в широкую массовую работу. В группу содействующих прокурорскому надзору должны быть включены общественные обвинители, делегаты от женских организаций и т. д. Такой опыт в Крыму уже проводится и дает положительные результаты. Иначе, чем теперь, должен разрешаться вопрос о прокурорских кадрах. Наши руководящие органы решают на 90% вопросы хозяйственные и прокурор должен в них разбираться, чтобы иметь надлежащий удельный вес. Из таких знающих хозяйственную работу товарищей и должны назначаться прокуроры. Следует изменить метод переподготовки работников юстиции. Практики, посылаемые на учебу, должны в первую очередь повышать уровень своего политического развития.

Тов. Васильев (Мордовский округ Центр.-Чернозем. обл.). Внимание, которое уделяется работе в национальных кругах, недостаточно. Коренизация аппарата проводится слабо, наталкиваясь на отсутствие средств. Действующее законодательство у нас не всегда отвечает проводимой политике. Так, политика партии направлена к созданию недробности крестьянского хозяйства, земельные же и иные законы построены так, что они способствуют дроблению, и суды, главным образом, решают земельные дела. Вопрос о выдвижении на научную работу решается у нас неправильно, так как выдвигают только тех, кто на данной работе представляется ненужным.

Тов. Сетисон (Тамбовский округ ЦЧО). Для установления правильного руководства местами необходимо, по возможности, устранить промежуточные инстанции и связь как со стороны НКЮ, так и в со стороны краевых органов, сделать более непосредственной. В неправомерностях карательной политики отчасти виноват и НКЮ. Так, директивой НКЮ высылка была осуждена как нереальная мера, но ее ничем не заменили и мы лишены возможности бороться успешно с теми элементами, оставление которых в данной местности нетерпимо, но которых согласно ст. 36 УК нельзя подвергнуть ссылке. Упорядочение работы общего надзора требует, чтобы Центральная Прокуратура оставила за собой только вопросы, которые коренным образом затрагивают политику и экономику, все же более мелкое должно быть передано на окончательное разрешение крайним прокурорам. Работа прокуратуры в деревне требует связи с другими органами.

Тов. Ли (нарсудья Владивостокского округа Дальне-Восточного края). Чрезвычайно сложные взаимоотношения, которые существуют между русским и корейским и китайским населением, заслуживают особого внимания и уделения особенного внимания национальному вопросу. Наши же русские товарищи в этом отношении могут быть обвинены в халатности. В условиях Дальнего Востока отказ от применения краткого лишения свободы не всегда приемлем: невозможно без этой меры обойтись, например, при привлечении по ст.ст. 84 и 104, а преступления эти являются наиболее распространенными.

Надо, чтобы НКЮ позаботился о снабжении работников-националов литературой, о их переподготовке.

Тов. Соснин (прокурор Владимирской губернии). Мероприятия, проводимые НКЮ в последнее время, значительно урегулировали отношения между судом и прокуратурой на местах. Но остатки старых отношений проявляются и сейчас. Они сказываются в наличии неувязок в работе органов суда и прокуратуры, в результате которых в одних случаях имеется вредный параллелизм, в других—неоказание судом прокуратуре помощи в той части общей работы, с которой одной прокуратуре не справиться. Для устранения этого на местах при губсудах должны быть созданы бюро, вроде Оргинстра НКЮ, для проработки общих вопросов. Объединены должны быть общие обоим аппаратам части, что даст громадную экономию. Чтобы места имели возможность выполнять составляемые ими планы работы, НКЮ должен сократить различные внеплановые задания, которые срывают плановую работу. НКЮ дает слишком много циркуляров, дает их с запозданием. Лучше будет, если

взамен циркуляров в общей печати будут даваться руководящие статьи по вопросам нашей работы.

Тов. Фадеев (нарсудья Орехово-Зуевского у., Московский губ.). Рост наших местных органов дает все основания к тому, чтобы им даны были большие права и чтобы уменьшена была опека над ними. Тогда они смогут проявить больше инициативы, от чего дело только выиграет. Организация товарищеских судов встречает пренеприятие со стороны других учреждений, в частности, со стороны профсоюзов. Нам нужно установить связь с профсоюзами, без их поддержки наша работа не пойдет. Сделав первый шаг в организации товарищеских судов, надо пойти дальше и передать на их разрешение мелкие гражданские дела.

Тов. Заславский (зам. обл. прокурора ЦЧО) обращает внимание на неблагополучие в работе земельных судов, во главе которых по ряду районов области стоят лица из верхушки крестьянского населения, действующей в направлении разрыва союза с середняцко-бедняцкой массой. В земельных судах образовались большие залежи дел, и крестьянство не получает быстрого разрешения споров. Надо пойти на расширение прав сельсоветов в этой области, а наряду с этим и поставить вопрос о дальнейшем существовании земельных судов. Особого внимания заслуживает вопрос о наших кадрах, так как работники, посылаемые в наши органы, далеко не всегда обладают нужной квалификацией, а иногда и просто совершенно непригодны. Необходимо остановиться на вопросе о связи печати с судебными органами. Самокритика принесла нам громадную пользу, но против таких явлений, когда самокритика превращается в травлю и ошельмование отдельных работников, мы должны самым решительным образом протестовать.

Тов. Фрейдсон (член Верхсуда РСФСР). Обеспечение правильного руководства работой со стороны НКЮ требует пересмотра его структуры, в целях устранения имеющихся в ней противоречий, изжития параллелизма. Наркомат должен быть построен так, чтобы руководство всеми органами юстиции отдельных районов и по всем вопросам их деятельности было возложено на определенные небольшие группы работников Наркомата.

Тов. Чудновский (председатель Уральского обл. суда). Последние полтора года на органы советской юстиции со стороны общественности обращено большое внимание. Это внимание, однако, не должно быть односторонним, представлять собой не только жесткую критику, но и помощь в нашей работе. Объективные условия, в которых судебные органы работают, — чрезвычайно тяжелы, и Наркомат должен добиваться их исправления. Судебный работник не должен заниматься только судебной работой, он должен вести и работу общественную. Но нельзя забывать, что судебная работа есть его основная работа, и нельзя перегружать его общественной работой так, чтобы он не в состоянии был должным образом выполнять основную работу. В действительности это так и бывает, и в результате судебный работник получает упреки в невыполнении тех требований, которые ставятся нам. Мы можем выполнить задания НКЮ по организации примирительных камер. Но при этом нельзя совершенно отказываться от разрешения технических вопросов, связанных с организацией: мы должны дать камерам хотя бы простейшие указания, как вести работу, должны подумать о том, как привлечь к работе бедняка и малоимущего середняка, учитывая то, что при бесплатной работе они вряд ли смогут на нее отрываться от хозяйства.

Тов. Цейтлин (Тульская губпрокуратура). НКЮ после XV партсъезда определенно взял курс на приближение работы органов юстиции к работе партии в смысле оказания помощи в разрешении поставленных задач. НКЮ дал ряд примеров того, что он поддерживает своих работников в преодолении тех трудностей, которые встречаются в нашей работе. Эта поддержка должна проводиться и в будущем, так как без нее иногда трудно выполнять то требование о сохранении прокурорского лица, которое к нам предъявляется. С печатью должен быть найден общий язык. нас часто ругают за дело, но часто и ни за что. И если для ругани места бывает достаточно, то для опровержения его не находят. А ведь печатное слово имеет громадное значение для населения и особенно тогда, когда работников ругают. Вопрос о пропаганде права должно быть уделено особое внимание. Вопрос не может быть разрешен удовлетворительно

только нашими силами, но к общему участию в его решении должны быть привлечены и партийные и профессиональные организации.

Тов. Врук (председатель Архангельского губсуда). Президиум губсуда, как излишняя надстройка, должен быть упразднен, а вопросы упразднения должны быть целиком переданы пленуму. Соблюдение экономии средств требует объединения из суда и прокуратуры всех частей и работ, которые являются общими. В руководстве НКЮ имеется тот недостаток, что директивы иногда даются без учета особенностей отдельных местностей, как это было, например, с циркуляром о нормах обязательной выработки. Иногда НКЮ убивает инициативу мест. Мы ходатайствовали о разрешении организации третейских судов, но из НКЮ не получили никакого ответа.

Тов. Шейнин (представитель от юрисконсультов и коллегий защитников). Вопрос о коллегиях должен быть разрешен путем тщательной проверки личного состава коллегий, а затем изменения формы работы защиты. Лозунг коллективизации очень популярен в коллегиях. Но недостаточно сказать: идите в коллектив. Надо установить, будет ли вошедший в коллектив членом профсоюза, будет ли он рассматриваться как трудящийся и т. д. Защита и юрисконсультура должны стать звеньями советской системы юстиции и должны быть максимально приближены к работе.

Тов. Грызлов (следователь Тульской губернии). Работе следственного аппарата в выступлениях уделено слишком мало внимания, а эта работа является одним из самых больных мест. Плохая постановка следствия — результат недостаточного руководства. Положение городского следователя в этом отношении лучше, чем участкового, который, сам не получая руководства, должен руководить органами дознания. Следователям должна быть предоставлена возможность по своему усмотрению регулировать вопрос о подсудности дел, с тем, чтобы он мог незначительные дела, хотя бы и из категорий, перечисленных в ст. 108 УПК, передавать органам дознания. Должен быть урегулирован вопрос о материальном положении так, чтобы не было той громадной разницы в оплате труда следовательского аппарата и работников других органов, выполняющих небольшую работу.

Тов. Нюрина (член Коллегии НКЮ). Не случайно то чрезвычайное внимание, которым в данный момент пользуются органы юстиции. Это внимание проявляется хотя бы в той, подчас преувеличенной критике, которой наша работа подвергается. В нынешних условиях обостряющейся классовой борьбы на нас возлагаются большие задачи, чем возлагались до сих пор, а с того, кому больше дано, больше и взыскивается. Специальный пункт в резолюции ноябрьского пленума ЦК по вопросу о революционной законности налагает на нас ряд серьезных обязательств. Чтобы их выполнить, надо четко знать основные политические задачи, надо суметь директивы партии перевести на язык нашей работы. Этой четкости еще нет на местах. Несколько примеров. В Брянской губернии существовала почти открыто купля-продажа земли и до 1928 г. прокуратура проходила мимо этого. В процессе обостряющейся классовой борьбы враг ищет различные пути, прибегает к различным хитростям. Наши местные органы не всегда сразу умеют с достаточной быстротой разбираться в этом и соответствующим образом реагировать. Происходит усыновление в неких замаскированных купли земли. Рабочие записываются членами семьи. Дети кулаков и попов усыновляются в целях дать им возможность получить преимущества при поступлении в школы — таких примеров можно привести бесконечно много. Особенно проявилась хитрость классового врага при перевыборах советов. На ряду с прямыми террористическими выступлениями имеют место многочисленные случаи поджогов домов и хозяйственных угодий советских работников и вообще активистов деревни. Все это делалось с целью дезорганизации наших рядов.

Везде ли проявилась со стороны органов юстиции достаточно быстрая и четкая реакция. Безусловно, нет. Проводится ли на местах достаточное наблюдение за проведением революционной законности, как одного из стимулов поднятия производительных сил деревни. Неправильное применение индивидуального обложения в середняцких хозяйствах, проводимое с явным нарушением законов, случаи проведения самообложения в городе, неосновательное лишение избирательных прав,

санкционирование сельсоветом продажи земли с использованием полученных денег на культурные нужды—во всех таких случаях мы имеем явное противоречие директивам ЦК, ибо не способствуем, а, наоборот, мешаем созданию стимула хозяйственного плана. Мы должны сейчас ставить работу так, чтобы партийные директивы правильно переводились на наш язык. Здесь были указания на то, что мы перегружаем местные органы внеплановыми заданиями. Такие случаи, может быть, имеют место, но случай, приведенный т. Сосниным, не относится к числу таких заданий. По одной очень основательной жалобе мы предложили прокуратуре произвести обследование в одном районе Владимирской губернии, так как эта жалоба давала основание предполагать неблагоприятные в этом районе в смысле соблюдения революционной законности. Прокурор вместо выполнения предложения попросил разрешения не производить обследования или отложить его, ссылаясь на то, что следователь занят перевыборной кампанией. Не знаю, против кого говорит этот факт.

Тов. Садвакасов (Наркомюст Казахской Республики). Мы не отрицаем того, что в работе наших органов есть элементы и волокиты и бюрократизма и признаем, что эти язвы должны вскрываться при помощи общественности, печати. Но недопустимо, чтобы в печати о нас сообщалось то, что не соответствует действительности. Часто со стороны печати не проявляется желания проверять того, что написано, а пишут зачастую, выставляя себя рабкором те, кто заслуженно подвергся тем или иным взысканиям и ищет защиты своих интересов у прессы. На эту сторону надо обратить особое внимание. Текучесть аппарата, о которой говорилось в Казахстане, доходит до 100%. При этом условия работы крайне затрудняются, а требования к органам юстиции предъявляются большие. Несмотря на то, что партия неоднократно говорила в своих решениях о том, что дело революционной законности—дело не одного НКЮ, мы в этом отношении поддержки со стороны других органов не имеем.

Тов. Нейман (председатель облсуда Ц.-Ч. обл.). Прежняя структура НКЮ не давала возможности вести правильное руководство местами. Теперь это устранено созданием Оргинстра, но неувязки в руководстве есть еще и теперь и они должны быть изжиты как можно скорее. Ни НКЮ, ни Верхсуд, не занимаются проверкой выполнения даваемых директив, а это в настоящее время, когда проводятся в жизнь решения XV партсъезда, имеет особенное значение. Неувязка в работе НКЮ иногда объясняется даже переменами в личном составе. Она сказывается, например, в вопросе об объединении участков народных судов, по которому даны были две противоположные директивы. Надо устранить возможности таких разноречий, так как мы не можем ломать аппарата, как кому вздумается. Наша деревенская работа протекает не так, как следует. Плановая работа по выездам в деревню не дает результатов и только упоминается в отчетности. Со следствием и дознанием дело обстоит плохо. Исследование работы в первой инстанции показало, что 78% дел идет на самокритику. Если так будет продолжаться дальше, то мы никогда не сможем дать видной экономии на содержании нашего аппарата.

Тов. Лупин (председатель Нижегородского губсуда). В докладе тов. Янсона были опущены два момента: о работе судебных исполнителей и нотариальных контор. Дело исполнения решений и приговоров поставлено плохо, с ним мы совсем не справляемся, так как судебные исполнители чрезмерно перегружены. Попытки увеличить штат, повысить оклады не дают положительных результатов. Если сочли возможным поставить вопрос о переводе на госбюджет народных следователей, то надо подумать об этом и в отношении судебных исполнителей, а также довести их число до определенной нормы, при которой обеспечивалась бы возможность правильной их работы.

Тов. Босс (Республика Немцев Поволжья). По таким вопросам как вопрос о кредитовании, о котором говорил тов. Лежава, НКЮ должен давать местам точные указания, разъяснять законы, отстающие от жизни. Иначе в кампаниях по проведению этих вопросов органы юстиции будут плестись в хвосте. Надо ограничить надзорную практику в отношении истребования старых уже давно разрешенных дел. Эта практика ничего не дает. Исправление недочетов надо оставить за ревизиями.

Разрешение вопроса о будущей структуре НКЮ автономных республик, в смысле объединения судебной и прокурорской работы в НКЮ, является правильным его разрешением. Предложение, которое мы имеем сейчас, с передачей в Главсуд инструкторско-ревизионных функций по опыту Крымской Республики, не годится. С принятием этого предложения от НКЮ почти ничего не остается. Такая реорганизация не способна дать никакой экономии, и для работы она будет вредна, так как между НКЮ и Главсудами исчезнет всякая связь.

Вечернее заседание 22 февраля

Продолжение прений по докладу т. Янсона.

Тов. Веселовский. В работе НКЮ в 28 г. наблюдается оживление руководства, внесение новой струйки в работу, ибо раньше мы были несколько обособлены от партийной жизни. Большой недостаток директив НКЮ в том, что они не увязаны с финансовыми возможностями их выполнения. Они разноречивы и поэтому необходимо, чтобы директивы проходили через единый орган—Оргинстр. Надо, чтобы директивы НКЮ исходили из учета материальных возможностей мест. Эту роль должен взять на себя Оргинстр.

Тов. Емалетдинов (НКЮ Башкирии). Нам НКЮ предлагал организовать товарищеские суды и прим. камеры лишь в виде опыта, между тем на местах мы, не имея директив НКЮ, не могли добиться от органов ВСНХ ничего иного, как предложения подождать. Циркуляры НКЮ пишутся неясно и запаздывают, поступая на места иногда тогда, когда надобность в них уже миновала.

Тов. Григорьев (Ленинград). Нужно приветствовать НКЮ в постановке им вопроса о необходимости подчинения трудовой дисциплины на фабриках и заводах, привлекая нарушителей ее к ответственности. Циркуляр № 5 о принуд. работах на местах уже возымел свое действие. Но мы не в состоянии сейчас использовать принуд. работников, а их у нас до 18.000. Отдел труда нам тоже не может помочь в виду общей безработицы. Вряд ли в больших городах можно использовать принуд. работников. По циркуляру стали применять высылку, но... из Казахской Республики принуд. работников высылают в Ленинград. Наша печать иногда дела маленького масштаба сильно взвинчивает. Если же мы не соглашаемся с квалификацией, которую предлагает печать, то нас обвиняют в отсутствии классового чутья. Пойди потом и опровергай это обвинение. На этот вопрос НКЮ надо обратить внимание.

Тов. Стельмахович. В работе наших судов еще недостаточно элементов воспитательного значения, в работе прокуратуры недостаточно элементов предупредительного значения. Мы фиксируем отдельные нарушения закона, искажения и боремся с этим, но мы должны перестроить свою работу так, чтобы эти извращения и нарушения предупреждать. Метод предупреждения—один из непреложных методов работы ближайшего времени. Другой важнейшей задачей является собиранье вокруг суда и прокуратуры общественности, развитие общественной работы. Мы должны втянуть в работу по предупреждению отдельных извращений и искажений адм.-правовые секции не только города, но и сельсовета. При помощи товарищеских судов и прим. камер мы должны связать себя с широкими массами, воспитывая массы в идейном отношении в деле переустройства нашего быта. Вот почему мы ставим вопрос о структуре областных и окружных объединений. Бесспорно, что по прокурорской линии надо сделать передвигу в сторону усиления районных прокурорских камер за счет обл. и окр. объединений, а областные суды и краевые суды должны обратить внимание на живое руководство низовыми органами, которого сейчас нет. У нас большая текучесть состава особенно в низовых органах. В следственном аппарате она доходит до 23%, в составе нарсудей до 19%. Квалификация низовых работников заставляет нас разрешить вопрос о подготовке их безотлагательно. По нашей пятилетке мы должны пропустить основной кадр работников (не ниже окружных) через ВЮК. Трудней с переподготовкой нарсудей и следователей. Для них нужно организовать обл. курсы по переподготовке. Одновременно надо поставить вопрос о подготовке резервов. Этим мы изжи-

вем случайность подбора, получим возможность органического подбора.

Тов. Шустов (Пензенск. губ.). Откуда у нас бюрократизм в работе? Он упирается в два момента: в ответственность и количественность работы. Так, хорошая директива НКЮ при проведении в жизнь упирается в скверную работу милиции, дающую лишь 17% хорошей продукции. Вот и выходит, что мы работаем впустую. Наш следственный аппарат тоже дает годной продукции 14—15%. Надо повысить грамотность милиции, это поможет проведению директив. Надо дальше разгрузить работников от иных обязанностей, которые можно поручить инструкторскому аппарату на местах. В нашей деревенской работе надо сильнее опираться на общественность.

Тов. Авахова (Сев. Осетия, прокурор). У нас под флагом классовой борьбы зачастую проводится сословно-родовая борьба. У нас сильно развиты бытовые преступления, выражающиеся в похищении женщин, многоженстве, калыме и др. Большинство наших работников не-националы. В результате следователь ведет расследование через переводчика, суд работает через переводчика. Отсюда открывается поле для злоупотреблений, ибо переводчик играет слишком большую роль. Он, в известной мере, вершит дело. Неблагополучно у нас и с революционной законностью. НКЮ должен взять курс на укрепление рев. законности, на борьбу с бытовыми преступлениями, вовлекая горянок в общественно-политическую жизнь, в работу суда, прокуратуры и следствия. Всего этого можно достигнуть, проводя решительную коренизацию аппарата суда, прокуратуры и следствия. До сих пор НКЮ здесь ничего не сделал. Надо организовать специальные курсы для них. Сверх того, в национальные области надо посылать таких работников, которые умели бы помогать работать националам.

Тов. Озолин (предс. Ленинградск. обл. суда). В плане работы НКЮ отсутствуют доклады с мест. Между тем было бы целесообразно Коллегии НКЮ в новом порядке вызывать с мест отдельные окр. суды, отдельные нар. суды и заслушивать их доклады. При этом порядке можно было не только подмечать слабые места, но и давать живые директивные указания. Они живее бы проводились в жизнь. Примирительные камеры в числе 70 работают у нас удовлетворительно. Строя примирительные камеры, мы опирались на актив народных заседателей. Этот актив внес с собой в прим. камеры методы работы суда. В результате примирительных камер появились протоколы, которые нам ставят как упущение. Сейчас мы приняли меры к устранению этого явления. Мы организовали у себя и товарищеские суды, которые пока работают удовлетворительно. Плохо работают у нас земельные комиссии.

Тов. Шумятский (прокурор Моск. губ.). Органы юстиции требуют большей централизации, сочетаемой с местной общественностью. Между тем сейчас мы получаем от НКЮ циркуляры, которые не всегда бывают понятны. Циркуляры будут проще, когда в них будет претворен живой опыт мест, передаваемый в центр. Теперь мы получаем циркуляры не только от Прокуратуры и Верхсуда, но и от Оргинстра. Есть сомнение, не будет ли благодаря этому ослаблена централизация работы. Совершенно бесспорна роль товарищеских судов в условиях поднятия труд. дисциплины, поднятия рабочей общественности на производстве, борьбы с пьянством.

Тов. Герасимов (Уральск. обл. прокурор). Мы стоим ниже требований, которые к нам предъявляются. Наша задача—подняться на уровень этих требований. Другая наша задача увязать нашу работу с пирочайшей общественностью, связаться с массами, поставить работу под контроль масс. Пока у нас не создан единый фронт борьбы за рев. законность. Мы нередко работаем изолированно. Мы работаем в одиночку и в таких вопросах, как борьба с нарушениями национализации земли, с кабальными сделками, с лжекооперациями. В одиночку идет работа с батрачеством и беднотой. Общественные и гос. органы в деревне проходят подчас мимо нарушений и извращений законов. Так, кооператоры ничего не делают в борьбе с лжекооперацией. Сельсоветы регистрируют договоры, но ничего не делают в смысле активной борьбы с неправомерными договорами. Между тем одним своими силами в вопросах классовой борьбы мы не справимся. Это надо изжить. Народные суды требуют наибольшего внимания, а их материальное положение плохо;

плохо и самый состав нар. судей. Низовая наша ячейка будет работать скверно, пока мы этого не исправим. Сейчас крайсуды могут работать с полной силой, но до сих пор они наделали ряд ошибок, не получая директив от НКЮ и Верхсуда. И это понятно, ибо нельзя крайсуд сравнивать с Верхсудом в смысле грамотности в области кассационной работы. У нас досудебный процесс ведется рядом органов, комбинатом их. Мы не избежим недочетов в этой области без увязки такого комбината сверху.

Тов. Кайков (Сибирь). Сибирской делегации было странно слушать заявления об обидах на печать. Работники прокуратуры хорошо знают ошибки печати, так как у них неподтверждающихся заметок 40%. Обиженных печатью лиц много и прокуратура подчас не подходит к реабилитации этих лиц. Местное влияние у нас сильно. Необходимо провести в этом отношении меры по изжитию такого явления. НКЮ проводит режим экономии, но, проводя его одной рукой, он другой рукой предлагает нам брать из местного бюджета. Одно с другим не вяжется.

Тов. Великова (Ленинград). Суды у нас работают не меньше прокуратуры по общественной работе. Мы устраиваем вечера вопросов и ответов, которые себя оправдали. В этой работе нам надо усилить женский актив. НКЮ ничего до сих пор не сделал по организации принуд. работ. Поэтому принуд. работы не реальны. Нам приходится заменять их другими мерами социальной защиты (порицание, штраф). Примирительные камеры имеют ту хорошую сторону, что они, благодаря разбору дела в присутствии населения, по бытовым делам дают обвиняемым «посрамление мирское». Кассационным коллегиям следует установить живую связь с местами путей выездов.

Тов. Стопани. При осложнившейся классовой борьбе суд и прокуратура нуждаются еще в большей мере в руководстве и поддержке НКЮ. Примирительным камерам необходимо придать классовую установку во избежание использования их зажиточными слоями деревни. Плохо у нас обстоит дело с работой по охране трудового законодательства, по охране труда. Плохо и с работой трудовой прокуратуры. Можно сказать, что на Урале не чувствуется борьбы за трудовое законодательство. То же в Сиббири. В Ив.-Вознесенске попустительство в несчастных случаях. А приспособили ли труд. сессии свою работу к новому закону о примирительно-конфликтном разбирательстве дела к семидневному сроку разбора дела? Что делается в области соблюдения договоров, заключаемых с органами Наркомтруда, с хозяйственными ками? На запрос об этом нам ответили лишь Ленинградская и Тамбовская прокуратуры. Остальные молчат. Та же картина и в области охраны труда. Нужно привить работникам прокуратуры больше ответственности в области охраны труд. законодательства.

Тов. Башкиров (Татарская ССР). Связь органов НКЮ с партийными организациями еще недостаточна. Партийные директивы преломляются в директивы НКЮ с опозданием. Мы не ощущаем поддержки местных органов. Нужно НКЮ в этом отношении взять твердую установку.

Тов. Манцев. Нужны новые организационные формы увязки НКЮ РСФСР и НКЮ союзных республик. Органы юстиции союзных республик восточной части СССР работают в обстановке политического террора, острого сопротивления байства нашей политике. В этих условиях появляется опасение за успешное проведение рев. законности в национальных республиках востока. Поэтому важен вопрос об увязке. Организационные формы увязки могут начинаться советами и кончиться созданием объединенного наркомата юстиции. Нужно, чтобы съезд напомнил о той водителной роли, которая лежит на НКЮ РСФСР.

Тов. Калмытов (Смоленск. губ. прокурор). В отношении к прокуратуре наблюдается местное влияние. Даже в 28 г. в центральной промышленной губернии предъявляется требование подчинить прокуратуру губисполкому. Можно ли при этих условиях уделять внимание культурному фронту? Мы должны сказать о выполнении заветов Ленина в отношении прокуратуры, а НКЮ должен обратить на это внимание. Иначе непорочно не изживешь. Мы за критику и самокритику. Но печать плохо усваивает, что если она освещает злоупотребления и ошибки не так, как это следовало, то она компрометирует наши органы в целом. Печать помещает

непроверенные сведения, а затем не помещает опровержения. Надо с этим бороться.

Тов. Одинцов. Мы не замечаем живого руководства со стороны НКЮ. Нет в достаточной степени выездов работников НКЮ на места. Чтобы низовой аппарат успешно работал, необходимо, чтобы вопросы общест-венности, пропаганды права и другие важные вопросы были включены в план сверху донизу в наших советских и партийных организациях.

Тов. Ващенко (ВЮК). На ВЮК'е общественно-политические дисциплины проходятся в достаточной мере углубленно. На ВЮК'е мы даем слушателям марксистскую подковку. В области отдельных дисциплин права мы больше уделяем внимания общей части кодексов, преподавая дисциплины в марксистском разрезе.

Тов. Сольц. У нас наблюдается бюрократическая беззаконность. Законности стало больше, но беззаконие приняло характер бюрократический, основанный на равнодушии к тому делу, которое приходится выполнять. Нам приходится снимать судимость специально для того, чтобы побороть бюрократизм, который существует у нас в быту в отношениях к судившемуся. Чтобы изжить бюрократизм в наших органах, надо к каждому делу подходить сознательно, разбирать его по существу. У нас нет единства карательной политики. По любому преступлению наблюдаются самые разнообразные приговоры. Поэтому их бесконечно приходится исправлять, изменять и пересматривать.

Взять чистку советского аппарата. Здесь бывают невероятные вещи. В Новороссийске вычистили 1.300 человек и, нет сомнений, после тлжб и волокиты громадное число из них будет восстановлено. А те, кого надо было вычистить, быть может не вычищены. Все судят по материалам, бюрократически. Лишают избирательных прав человека за то, что он 20 лет назад был городовым 4½ месяца, но у нас он служит милиционером в течение 5 лет. Мы поощряем строительство, и здесь бюрократизм выражается в том, что лишают избирательных прав рабочего, потому что его мать имеет домик, с которого получает доход в 180 руб. в год. Снимают и вычищают работника только потому, что у него имеются облигации. Лишают избирательных прав члена партии с 1912 г. потому, что он когда-то был кустарем или имел мелкую лавченку из соображений заработка. Зачем же такой бюрократизм? Каждый раз при разборе дела надо внимательней его изучать, чтобы меньше потом вносить изменений. Надо интересоваться делом по существу, иначе работа примет характер бюрократический, не увязанный с общественными требованиями.

Утреннее заседание 23 февраля.

Заключительное слово т. Янсона. — Доклад т. Крыленко об основных принципах пересмотра УК.

В первой половине дня с'езд заслушивает заключительное слово т. Янсона. (Заключительное слово т. Янсона будет напечатано в одном из ближайших номеров).

С'езд посылает Реввоенсовету приветствие в связи с 11 годовщиной Красной армии.

Вторая половина дня занимается докладом т. Крыленко об основных принципах пересмотра Уголовного Кодекса. Так как доклад по содержанию, в основном, совпадает с печатавшимися по этому вопросу материалами (№№ 46—47 1928 г., № 7—1929 г.), изложение его не дается.

Вечернее заседание 23 февраля.

Прения по докладу тов. Крыленко.

В начале заседания С'езд посылает приветствие 17 Моск. губ. партконференции.

Тов. Рубинштейн. Неправильно, что проекты Угол. Кодекса и Угол.-Проц. Кодекса не только разрознены, но в основах их имеются и принципиальные различия. Угол. Кодекс играет предупредительную роль по отношению к Угол.-Проц. Кодексу и, если принять тезисы тов. Крыленко, то применительно к ним надо перерабо-

тать и проект УПК. В тезисах тов. Крыленко есть ошибки. Первая из них, это—недооценка устраниения, вторая—недооценка роли правовой формы в эпоху пролетарской диктатуры. Между тем от этих основных моментов зависит не только построение Угол. Кодекса, но и практическое применение его. Устрашение играет главную роль в отношении применения уголовной репрессии к буржуазии. Основная ошибка тезисов в том, что когда они говорят, что не одним устрашением нужно действовать, то это говорится в отношении всех классов, населяющих СССР. Уголовно-правовой метод обороны от преступности должен отличаться в зависимости от того, к кому он применяется. К буржуазии—устрашения, для других классов—метод воспитательного воздействия. Угол., право в эпоху диктатуры пролетариата должно разительно обезвреживать классового врага и воспитывать дисциплину в сознании пролетария. Устрашение как метод поражения буржуазии должен остаться главным принципом Угол. Кодекса, может быть в виде специального закона. Другим принципом Угол. Кодекса должно быть то, что называется нейтрализацией, принцип воспитательного исправления различными способами. Есть ли какая-либо разница между мерами судебной обороны и мерами адм. характера? Есть, суд должен иметь воспитательное значение, а тезисы предлагают прямо с места правонарушения передавать в тюрьму, а там сколько положат—это дело тюрьмы. Получится, что мы, скажем, дела о волоките будем выносить не на суд, а разбирать в бюрократических адм. учреждениях.

Нигде не вытекает, что если меры социальной защиты не должны соответствовать товарному эквиваленту, то они вообще не должны ничему соответствовать. Должна быть оставлена какая-либо мера соответствия между определенным социально-опасным правонарушением и социально-неопасным правонарушением. Подтверждение этому мы находим у Маркса в «Критике готской программы», где говорится, что право должно соответствовать культурному уровню общества, которое мы пересматриваем. Это должно быть определено судом, а не тюрьмой, ибо он должен оценивать каждого правонарушителя, а не определять только факт правонарушения. Проект же отнимает у суда важнейшую роль в отношении субъекта правонарушения. Тезисы подобны приговору, написанному в своей описательной части верно, а в резолютивной части несогласованному с положениями описательной части. В таком приговоре в таких тезисах получается разрыв. Угол. Кодекс надо построить для трудового населения, а для буржуазии специальный исключительный закон.

Тов. Поляков (Крым). Тезисы по Угол. Кодексу основаны на директивах партии и правительства, соответствующая новым задачам угол. политики. Задачи тезисов—предупреждение новых преступлений, а не возмездие. В тезисах есть недоговоренность относительно дозировки. Содержащееся в тезисах деление преступления на три вида позволяет суду уверенно выносить приговоры в классовом отношении.

Тов. Файнблит. В проекте основных принципов пересмотра Угол. Кодекса остается старая идея обезопасения общества. Идея неопределенных приговоров есть следствие теории исправления. С точки зрения теории исправления судья не может знать, в течение какого времени будет исправлен обвиняемый, а с точки зрения защиты общества получится, что печать, общественное мнение, чем должен руководствоваться судья, пройдут мимо, а решать будет заведующий учебной частью тюрьмы.

Тов. Винокуров (председатель Верх. Суда СССР). В чем наш спор? Основные начала угол. законодательства требуют, чтобы все меры социальной защиты были целесообразны. Целесообразность бывает разная. В нашу эпоху революционная законность должна проникать наше право. В тезисах же получается судейское усмотрение в применении мер социальной защиты. В тезисах говорится, что применение мер соц. защиты зависит от характера личности или преступления. Таким образом, вносится противоречие основному принципу тезиса, отказывающемуся от дозировки, от эквивалента. Квалификация преступления спорна, ибо разбивка преступления на группы упирается в постоянную передвижку. Это—неправильное подразделение. Что такое неопределенные приговоры, по какому признаку суд будет устанавливать, что данный человек не исправился? Такой возможности для суда нет. Это дело неопределенного учреждения. Поэтому нет никаких осно-

ваний к коренному изменению наших основ. Принципы общей и частной превенции, принципі соответствия меры социальной защиты совершенному преступлению—вполне правильные принципы, на которых должен быть построен наш Угол. Кодекс.

Тов. Беляков (Ленинград). В мае 28 г. т. Крыленко говорил, что система действующего Угол. Кодекса никуда не годится, так как в нем абсолютно господствует идея эквивалента, форма дозирования. Чтобы это устранить, он предлагал ввести систему неопределенных приговоров. Неопределенный приговор понимался в том смысле, что если суд приходил к необходимости изолировать того или иного человека, то он должен стричь всех под одну гребенку. Неправильная установка тезисов заключается в том, что единственный метод с классовым врагом, деклассированным элементом—репрессия, принуждения, насилия—они не считают за исключительный метод.

Тов. Першин (Ленинград). Реальность судебного приговора и процессуальные формы, обеспечивающие классовые интересы,—вот что надо теперь Уголовному Кодексу. В тезисах отход от идеи эквивалента, принципов возмездия и дозирования. Все они сдаются в архив. Общее предупреждение даже в такой области, как борьба с кулацким террором, не дает результатов, ибо это явление, которое питается не исключительно внутренними корнями, а корни его лежат значительно глубже. В отношении такого рода явлений мы не можем отводить главную роль для общего предупреждения. Правильно поступает Коллегия, отодвигая этот момент на второе место. Но если мы отступаем от эквивалента, то для чего в тезисах остается минимум в 2 года и 5 лет. Абсолютного отхода от принципа эквивалента в тезисах нет, но определенная линия отхода есть, та линия, которая соответствует переходному периоду. Этим объясняется оставление минимума. Вот почему тезисы соответствуют темпу нашего наступления на капиталистические элементы в стране. Вот почему тезисы должны быть нами приняты.

Тов. Бессонов. Наш Угол. Кодекс отжил. В нем были в момент издания заложены пороховые бочки, которые рано или поздно должны были его взорвать. Такова 51 ст. УК, которой мы не умели пользоваться. Как претворялась на месте теория устрашения? Оказывается, она ни на кого не действует. Так же, как и теория эквивалентности, теория «до» и «от». Вот пример. Человек украл крестьянскую лошадь, стоящую 40 пелковых. По 166 ст. ему дали 5—6 лет. Эту лошадь крестьянин превратил в деньги, продал на базаре и у него вытанили из кармана деньги. По 162 ст. вору дают 3 месяца. Вот вам и эквивалентность. Назрел момент, когда Угол. Кодекс должен быть изменен так, чтоб мы могли лучше защищать нашу пролетарскую диктатуру, в переживаемую эпоху поэтому принципиальная установка тезисов правильна.

Тов. Артименко (Брянская губ.). Противники тезисов ничего реального не предложили. Эти тезисы надо передать на обсуждение рабоче-крестьянских масс. У нас эти тезисы были обсуждены на заводе Профинтерн. Рабочие пришли к выводу, что эти тезисы в основном верны и что Угол. Кодекс требует переработки. Они указали, что для них непонятно, к чему то взвешивание сроков, которым занимается сейчас нар. суд, где они выступают народными заседателями. Они говорят, что они видят иногда перед собой социально-опасного человека, а статья УК его изолировать не позволяет.

Тов. Войнов. Наши места лишения свободы перегружены благодаря нынешнему Угол. Кодексу, а не только судебным работникам. Мы тезисы обсуждали на широких массах и слышали везде одно и то же, что Угол. Кодекс надо изменить, что нашу карательную политику нужно изменить. Поэтому тезисы должны быть приняты. Но в тезисах есть неувязка в том смысле, кто будет определять, увеличивать срок лишения свободы до максимума и кто будет его выполнять: если мы не передадим места заключения в ведение НКВД, то остается разрыв между судебным приговором и исправительно-трудовой политикой и необходимой нам увязки не получится.

Тов. Индюков (Орловская губ.). Неопределенные приговоры дадут нам гарантию реальности приговора, устойчивость его. Тезисы нужно принять и ускорить проведение проекта УК в жизнь, передав его на предварительную проработку широким массам. Самый проект должен быть написан простым языком.

В прениях выступили также т.т. Бранденбургский, Козловский, Степанов, Гольц, Докучаев.

В конце вечернего заседания 23 февраля, по предложению общего собрания слушателей Высших юридических курсов, посвященного 11-й годовщине Красной армии, VI съезд работников юстиции единогласно постановляет построить самолет «Красный Юрист».

Утреннее заседание 24 февраля.

Продолжение прений по докладу тов. Крыленко.

Тов. Абрамов (Иркутский округ). В конце доклада тов. Крыленко сказал, что вероятно пройдет года два, пока реформа Уголовного Кодекса будет осуществлена. В этом большая опасность, так как без проведения реформы УК не стоит заниматься и вопросами о реформе УПК и особенно ИТК. В основном вопросе—о неопределенных приговорах—противники реформы пытаются доказать, что неопределенные приговоры приведут к большей загрузке мест лишения свободы и к большим ямсам. Но ведь по существу мы сейчас имеем неопределенные приговоры, так как применение досрочного освобождения распредкомиссиями, благодаря их решениям без вызова осужденного, сводит приговоры судов на-нет. Досрочное освобождение и местными распредкомиссиями, и центральной комиссией, и комиссией по частным амнистиям производится только по бумажным материалам.

Тов. Мерэн (председатель Сибкрайсуда). Из доклада чувствуется неверие в то, что Уголовный Кодекс будет изменен. Споры носят характер теоретический, а мы, практики, ждем практического разрешения актуальных вопросов уголовной политики. Никто не защищает действующий Кодекс, так как главное его внимание обращено на форму, в результате чего при применении Кодекса создается громадный процент пустых дел. Дозировка из Кодекса должна быть изгнана. Приговоры должны быть вполне определенными, так как при неопределенности их определение социальной опасности данного осужденного не может быть произведено правильно, поскольку осужденный находится вне своей социальной среды. Приговоры должны быть такими, как и теперь, но их надо строго проводить в жизнь.

Тов. Гайлис (председатель УРКК Верховсуда). Тезисы имеют три части: критикующую недостатки действующего УК, теоретическую и практическую. Самой ценной является первая часть, но основательная критика действующего Кодекса не разрешает еще всех недочетов карательной политики. Она плоха не потому, что плох УК, а потому, что имеется ряд других общих недочетов, которые одним исправлением Кодексов исправить нельзя. Теоретическая часть действующего УК является его лучшей частью, а несоответствия с изложенными в ней принципами солежуются в Особенной части. Отрицаемая тезисами дозировка в известной мере ими сохраняется, чего не было в первоначальных тезисах. Неопределенность приговора с тем, что срок лишения свободы будет определяться после вынесения приговора и не судебными органами, неприемлема. Но если срок будет определяться судом, то не для чего создавать дополнительное судебное производство. Суд, разбирающий дело, должен определять окончательно, что делать с осужденным, а также, конечно, и иметь право вносить коррективы в приговор при его исполнении.

Тов. Рогинский (прокуратура Республики). Действующий Кодекс, построенный на принципах формальной юриспруденции с сужением компетенции судей, с твердо фиксированными определениями и санкциями, не обеспечивает возможности реальной борьбы с преступностью. И практика показывает, что никакой определенной борьбы с преступностью у нас нет. Тезисы правильно отвергают указанные принципы. Тов. Рубинштейн в качестве положительной программы предлагает создание двух кодексов: одного по методам воспитательного воздействия на нарушителей из трудящихся, другого—для классовых врагов. Предлагаемое представляет собой классическую схему, в нем совершенно не отражаются необходимые для реальной борьбы с преступностью меры. Тов. Рубинштейн заявляет о том, что он согласен с отказом от дозирования, а тем не менее говорит о том, что должна быть какая-то доза обороны, т.е. подтверждает написанное в УК. В тезисах доклада мы имеем отражение новых идей, новых течений, и все спорящие против тезисов являются пред-

ставителями старой формальной юриспруденции, боящимися отказаться от старых юридических фетишей.

Тов. Сорокин (председатель Ср.-Волжского областного суда). Все, что в течение последних лет проводилось в данной области, совершенно не подготовило судебных работников к предлагаемой реформе. Реформа является бомбой, переворачивающей всю уголовно-судебную политику последних лет. Докладчик отказывается от начала эквивалентности воздаяния. Но в тезисах эта эквивалентность в известной мере осталась. Неопределенность приговора, при слабости наших распределительных комиссий, неприемлема. Если срок заключения будет устанавливаться только распределительными комиссиями по хорошему поведению заключенного, то в лучшем положении окажутся как раз чуждые нам элементы. Тезисы нуждаются в переработке.

Тов. Сольц. Докладчик заявляет, что тезисы разработаны на основании резолюции правительства от 26-го марта 1928 г. Но они отвечают этой резолюции только механически. Правительство предлагало изменение карательной политики не путем приказа, не путем издания закона. В тезисах, по существу, нет ничего нового. Неопределенные приговоры существуют и сейчас. Дозировка останется и после предлагаемой реформы. Изменение Кодекса в отношении определения наказания приведет к тому, что судья лишится тех ориентировочных указаний, которые он имеет в Кодексе, и ничего хорошего от этого не получится. Мы нуждаемся не в хорошем кодексе, а в хорошем суде, который работал бы не механически, а творчески.

Тов. Эстрин (Комакадемия). Действующий Кодекс является чрезвычайно схематичным. Достоинство предлагаемых тезисов заключается в том, что они дают марксистское лицо тем построениям, которые нужны, как руководство для судьи. Действующий Кодекс построен по форме преискуранта, и для правильного применения его на практике необходимы обстоятельные комментарии. Эти комментарии, в которых даются суду основные установки, и должны быть внесены в самый Кодекс, после чего он перестанет быть обезличенным. От дозировки УК полностью мы не отказываемся, мы считаем только недопустимым, чтобы дозировка проходила через весь Кодекс сверху до низу.

Должен быть поставлен вопрос о том, чтобы все дело борьбы с преступностью не разрывалось между двумя ведомствами. Если ответственность за основную работу в этом деле несет НКЮ, то ему должно быть передано все дело. Установка тезисов соответствует нашему принципиальному подходу и вытекает из тех задач, которые ставятся в области уголовной политики.

Тов. Красиков (прокурор Верховного Суда СССР). При вынесении резолюции правительства РСФСР по докладу о карательной политике стоял вопрос не о коренной переработке Кодекса, а о практической политике и практическом руководстве. Когда же предлагается реформа Кодекса, то получается, что Кодекс в значительной мере виновен в том, что практическая политика была неправильна. Тезисы говорят, что действующий Кодекс должен быть очищен от буржуазных влияний. В качестве отрицательных это влияние моментов указано: деление преступлений на две группы с санкцией «до» и «не ниже» и давность. Первый из указанных моментов—полное марксистский и классово-выдержанный. Второй—если и списан у буржуазии, то списывали мы многое с переработкой в нашу пользу. Неопределенные приговоры не нами изобретены, они применяются в Италии, но в тезисах они имеются. Переработать Кодекс всегда можно и полезно. Но в данный момент более важно разрешение практических вопросов, переподготовка работников, хороший подбор их.

Тов. Ширвиндт (нач. Главного упр. мест заключения). Мне приписывается, что я являюсь сторонником исправления всех и вся. Но последний принятый закон об относительно-неопределенных приговорах по наиболее тяжким преступлениям ставит вопрос об освобождении осужденного в зависимости от степени его исправления. Следовательно, и НКЮ и правительство не отмежевываются от теории исправления. В том виде, как теория исправления проводится нами, в ней нет ничего опасного. Цель лишения свободы не исправление, а защита общества. Но если человек лишен свободы, то лучше, чтобы он работал, чтобы он ликвидировал свою неграмотность и т. д. В этом и заключается его исправление. Теорети-

чески и политически я разделяю линию развития уголовного законодательства, проводимую в тезисах. И расхожусь с положительной частью тезисов. Если по статистике, приведенной тов. Крыленко, в местах лишения свободы всего 2% нетрудового элемента, то непонятно, для кого рассчитана та развернутая система ссылки и высылки, система повышенных сроков лишения свободы, которая тезисами предлагается.

Тов. Янсон. Мысль о том, что суд не стоит на должной высоте, правильна. Но для того, чтобы суд был хорошим, ему, как и всякому работнику, нужен хороший инструмент. СНК, действительно, указал на недостатки нашей работы, но когда мы, пересматривая методы работы, попутно пришли к выводу, что много недостатков имеется и в УК, мы выдвинули задачу о его пересмотре. Сейчас мы обсуждаем главный вопрос—приемлема ли предлагаемая тезисами система. Для подготовки же закона имеется достаточно времени, в течение которого проект должен быть обсужден среди широких слоев населения. С этими законами связан ряд дополнительных мер, которые надо будет провести. Надо рассмотреть вопрос о руководстве и управлении местами лишения свободы, о типах мест лишения свободы. Ненормально положение с вопросом о досрочном освобождении распределительными комиссиями, не знающими заключенных. Поэтому должна быть пересмотрена постановка дела наблюдения за заключенными. И вообще, вынесение и исполнение приговора должно быть тесно увязано в одном ведомстве, в одних руках. Распределительные комиссии должны быть упразднены, а вместо них должны быть созданы настоящие общественные наблюдательные комиссии, которые должны будут знать своих заключенных. Здесь говорилось о случаях применения расстрела. Мы признаем эту меру как вызываемую необходимостью и будем считать достижением тот момент, когда от этой меры можно будет отказаться. В настоящих условиях она должна применяться в первую очередь к классовым врагам, а также и к категории абсолютно неисправимых или совершивших зверские поступки, возмущившие население.

В прениях выступили также т.т. Сергеев, Бунов.

Тов. Крыленко (заключительное слово). Доказательством того, что предложенная система является целиком приемлемой, является то, что за единственным исключением практики ее одобрили. Выступавшие против—юристы по профессии, которым кажется невозможным, страшным и недопустимым подвергнуть критике некоторые исходные предпосылки их повседневной законодательной работы. Тов. Рубинштейн предлагает создать кодекс на началах политического воспитания исправимых преступников и специальный закон для буржуазии. Так как второй закон будет и по карательным и по процессуальным нормам исключительным законом и проведение его в жизнь будет обставлено особыми условиями, то он применятся не будет и на деле получится не усиление репрессии по отношению к буржуазии, а ее ослабление. Тов. Винокуров возражал против расширения судейского усмотрения. Но разве действующий Кодекс не дает свободы от 1 дня до 10 лет? А т. Винокуров считает, что действующий Кодекс не требует никаких изменений. Тов. Сольц упрекал нас в механическом разрешении вопроса. В этом упрекнуть нас нельзя, т. к. к вопросу мы подходили с критикой старых положений, с подробным и углубленным их рассмотрением. Тов. Красиков указал на отрицание тезисами деления преступлений и давности. Тезисы знают деление, хотя иное, чем действующее, а принцип давности если и отбрасывается, то потому, что при наличии ст. 8-УК он теряет смысл. Исправление в том виде, как о нем говорил т. Ширвиндт, не может называться исправлением. Но об исправлении всех и вся говорит такой документ, как Исправительно-Трудовой Кодекс, который требует поэтому переработки для того, чтобы из него было вытравлено все буржуазное наследие.

В отношении неопределенных приговоров вопрос ставится так: освобождение или продление срока будет зависеть не только от того, исправился или не исправился заключенный, но и от условий внешней обстановки.

Съезд всеми голосами против одного принимает резолюцию, в которой одобряет принципиальную установку тезисов, поручает НКЮ разработать на их основе проект и разослать его до внесения в законодательные органы на места на обсуждение широких масс.

Утреннее заседание 25 февраля.

Доклад тов. Бранденбургского о проекте УПК.— Доклад тов. Стучка о практике применения Гр. Код.

В первой половине утреннего заседания тов. Бранденбургский делает доклад о проекте Угол.-Проц. Кодекса. По окончании доклада т. Бранденбургского с'езд передал проект УПК в специально избранную комиссию.

После этого с'езд заслушал приветствие представителя ЦК Союза Советских служащих.

Во второй половине утреннего заседания с'езд заслушал информационный доклад тов. Стучка о практике применения Гражданского Кодекса, приводящийся здесь по стенограмме.

Из всех областей права гражданское право оказывается самым отсталым, особенно теоретически. У наших судей этот Кодекс вызывает целый ряд недоразумений и известную ненависть. В то же самое время самые сознательные рабочие, когда они решают заниматься гражданским правом, а таких слишком мало, попадают в плен этих статей Гражданского Кодекса. Можно было бы подумать, что это просто подражание буржуазии, которая имеет известный страх перед этими статьями, напечатанными в Гражданском Кодексе, и которая не хочет ни одной буквы в этом законе изменить. Для нее это нечто заколдованное. Она перед этими буквами статей Гражданского Кодекса останавливается, как перед иконой. Здесь какой-то фетишизм, в особенности в отношении буквы статей гражданского права. Почему это так? Это объясняется прежде всего тем, что буржуазия сама не знает, в чем сущность этого права, в чем его цель. Мы, надо сказать, не так давно в таком же недоумении стояли перед этим законом. Мы много говорили о целесообразности 4 статьи, 1 статьи Гражданского Кодекса, но толком ничего не нашли. Мы говорили много о том, что значит развитие производительных сил и т. д. Но ответ мы нашли только в самое последнее время. Ответ нам дала марксистская теория, с которой мы подошли и к этой области права. И теперь, когда мы этот результат уже имеем, мы можем понять страх перед этим законом буржуазии и, с другой стороны, мы можем определить наше революционно-диалектическое отношение к этим статьям.

А в чем же суть и цель этого права? Эту суть и цель показал еще Маркс, когда Маркс в своем «Капитале» показал, в чем заключаются те взаимоотношения людей, которые вытекают из производства и обмена продуктов этого производства, предлагая назвать их одним общим названием—общественным обменом веществ, т. е. снабжением населения тем, что ему нужно по самой природе своего существования. И если мы будем иметь в виду, что гражданское право в буржуазном обществе является единственным средством такого оформления этих отношений и что без этого нет самого снабжения, т. е. без договора нет и самого снабжения, то вы поймете тот страх буржуазии перед изменением или потрясением этого аппарата, который теперь ее снабжает. Вы помните слова Ленина, когда он говорил, что буржуазия снабжает крестьянство, что она это делает плохо, что она делает это для своей прибыли, она грабит, но она все же снабжает. И Ленин тогда же спрашивал товарищей: «вы умеете снабжать? Нет, вы этого еще не умеете».

Когда мы перешли прямо к так наз. военному коммунизму, мы думали, что отделаемся без этих кодексов и перейдем прямо к снабжению плановому, планомерному и единому, без обмена. К сожалению, мы не были в силах этого проделать. Нам пришлось отступить и мы перешли на прямой товарообмен. Он тоже оказался недостаточным и нам пришлось отступить к так называемому пепу, или, юридически говоря, к допущению Гражданского кодекса, гражданских прав. Для буржуазии этого не может быть. Она вынуждена строить свой план снабжения целиком по договорному праву, как на некотором автомате. Вы можете себе представить, что весь буржуазный рынок сведен в едином месте с одной единственной кассой. Человек опускает деньги в этот автомат и получает то, что ему нужно, конечно, если у него есть деньги. Но право подойти к этому аппарату, формальное право, имеет каждый гражданин. Если он этого не может сделать, ему приходится

подходить другим способом, с отрицательным эквивалентом, отрицательной ценностью; это является путем грабежа, или путем насилия. Буржуазия нашла для этих граждан другой эквивалент—она берет их в тюрьму, на соответствующее эквиваленту время, о чем мы вчера так много говорили. И вот тут одно странно. В то время, когда в уголовном праве буржуазия очень строго придерживалась этого эквивалента, этой равной стоимости—лишения свободы, исчисленной в виде разменной валюты от пожизненного заключения до одного дня, они этот эквивалент ознакомились и не забыли.

И никоим образом от этого эквивалента не хотят отказаться. Договор там не допускается.

В то же время в буржуазном праве говорят: только договор определяет эквивалент. Договор должен оставаться в силе. Этот формально равноправный договор заменил реальный эквивалент, который вытекает ясно и категорически из теории Маркса о меновой стоимости, из обмена результатами труда.

Пришлось долго работать, и только в последние годы мы пришли к тому заключению, откуда эти кодексы, откуда эти статьи, нормы гражданского права, откуда эта формальная равноправность людей перед законом. Это все сводится к тому же трудовому эквиваленту. Это равноценность, но только перенесенная с вещей формально на людей. Вместо того, чтобы в вещах искать эту равноценность, ее перенесли на людей и говорят, что люди формально равноценны, их свободная воля разрешает путем договора установить эквиваленты тех предметов, которые они имеют в виду в договоре.

Это развитие гражданского права повело дальше к тому, что забыли уже, что такое эквивалент вообще. Все превращается в буржуазном обществе в товар—и человек, и его честь, и его жизнь и труд, и земля и воздух—все превращается в товар. Уже теперь они ищут толстые книги в поисках значения своего эквивалента. Я могу привести только одного из самых умных буржуазных профессоров, немецкого профессора Йеринга, который написал тысячу шестьсот страниц, чтобы отыскать этот эквивалент; но и он не договорился до этого трудового эквивалента, потому что этого он сказать не мог по классовому своему положению. И он решил, что эквивалент есть договорно установленное мерило. Но мы знаем, что договор сводится как раз к тому, чтобы удалиться от действительного эквивалента, сказать не то, сколько труда содержится в этом товаре, но заменить это договорным соглашением слабого с сильным. А вы знаете, что для торговли существует прямо противоположный закон: «не обманешь—не продашь».

Вот эти своеобразные отношения к гражданскому праву и объясняют различное отношение буржуазии и отношение наше к этому вопросу. Конечно, нам этот кодекс наиболее ненавистен; мы к нему относимся как к классовому буржуазному кодексу. Это совершенно правильно. Он и есть буржуазный кодекс, и мы никоим образом, никакими резолюциями этого не изменим. Мы видели, что Ленин так и называл это—это есть буржуазное право. И с этим буржуазным правом нам, пролетарским судьям, приходится справляться. Но когда мы подойдем к нему с пониманием значения этого права, значения, которое в нем действительно кроется, тогда у нас будет более гибкий подход, тогда мы будем знать, как действительно ценить, как подойти и т. д...

Я все это более подробно изложил в своих тезисах. Мне, к сожалению, говорить перед большой аудиторией трудно, а аудитории еще труднее меня слушать. И поэтому все мои мысли изображены в тезисах, чтобы их внимательно просмотреть, углубиться в эти мысли, и молодые силы, которые их охватят, сумеют и изложить те мысли, которые отсюда вытекают в целой серии лекций.

Мы, прежде всего, спрашиваем, чем все же отличается наш Кодекс от буржуазного кодекса? Мы почти на 99% перепечатали наш кодекс из лучших гражданских кодексов буржуазии. Мы вычеркнули то, что относится к таким моментам, которые, по словам Ленина, у нас не терпимы, т. е. спекуляции или игре и т. д. Мы прибавили несколько таких статей, которые нам необходимы. Правда, когда издавался Гражданский Кодекс, мы того основного, которое знаем теперь, не знали и нам пришлось работать наугад, мы могли включить только эти отдельные статьи, чтобы посмотреть, что потом из этого выйдет на деле. Мы тогда еще предполагали через два года после выработки

этого Гражданского Кодекса его переработать. Но прошло уже 5 лет, а у нас до сих пор нет нового Гражд. Кодекса и может быть пройдут еще год или два, когда будет издан новый ГК, потому что основы союзного гражданского законодательства разрабатываются так медленно, что я не знаю, когда мы их окончим.

Я думаю, что, может быть, к счастью нашему, работа двигалась, так медленно, ибо если бы мы составили новый кодекс несколько лет тому назад, то он или вышел бы похожим на буржуазное право, или вышел бы слишком различным, слишком непохожим на буржуазное право. И та и другая опасность стояла перед нами.

Но в чем основное различие этих двух Кодексов?

Возьмем самый выдержанный Гражданский Кодекс—это кодекс французской революции, кодекс Наполеона, который вырабатывался уже в разгаре революции, но который вышел лишь после революции, который, однако, содержит в замечательном порядке все завоевания буржуазии, все, что нужно было буржуазии, который имел громаднейший успех во всем мире и который теперь, через сто лет, не превзойден ни одним другим ГК. А что мы видим в этом кодексе? Это есть сплошной гимн частной собственности с такой выдержанностью, как ни в одном другом кодексе. Там есть собственно лишь два раздела: семейное право и гражданское право; этот второй отдел по существу есть обязательственное право, но здесь он является сборником способов перехода частной собственности. Даже наследственность для них нечто иное, как способ перехода права частной собственности. Французская буржуазная наука говорит, что наследство есть продолжение рода человеческого, вернее, рода буржуазного, потому что человек, мол, живет ограниченное время, но наследство делает его вечным, в лице его наследников и его собственности. А семейное право есть примитивная, самая низшая ячейка частной собственности—это для всех понятно.

Французы даже выдумали такую теорию, что у кого нет этого очага, он все-таки предполагается, что он есть. Перед законом всякий имеет свое имущество, хотя бы оно представляло минус. Это есть то, чем оброс обуржуазенный человек, как мы говорим.

Что же мы противопоставляем этому? Мы сразу не могли этого противопоставления. Вот, попало случайно одно дело, насколько я помню, Ульяновского губсуда. Мы получили в Верхсуде дело, по которому были присуждены разные сложные машины, относящиеся к мельничному производству, некоему частнику. Губсуд написал такую фразу: присудить, так как этими вещами владел частник, а так как имущество предполагается собственностью его владельца до тех пор, пока будет доказано другое, то ему присудить. Я зачеркнул эту фразу и внес предложение, что в Советской Республике все должно предполагаться государственной собственностью, пока не доказано противное. Докажи, что это твое, а если нет, то это государственное. Эту теорию мы осуществляем на практике и теперь вам более или менее понятно, что у нас все является государственной собственностью, пока не доказано противоположное. Из этого мы делаем дальнейший вывод, что нет давности на государственную собственность, ибо всякое имущество является государственной социалистической собственностью, и до тех пор, пока никто другой не доказал свое право на него, оно остается государственным. Мы приобретательной давности не принимаем и, если даже имущество остается у частника, оно все же остается государственной собственностью; но это, конечно, не обижает нас изъять всякую ценность.

Вот в чем заключается суть значения нашего кодекса. Но вы видите теперь прямо две противоположные точки зрения. В буржуазном обществе все предметы распределены, весь мир уже разделен. Поэтому естественно вытекает, что тут все предполагается частною собственностью, и даже если государство имеет какую-либо собственность, она является как бы частной собственностью в руках государства, как право, существующее для любого частника, для любого гражданина—это ясно высказывается и в их теории и в законе.

Это одно обстоятельство, которое ставят эти два Кодекса на два противоположных полюса, как прямо противоположные. Если мы всегда подойдем с этой точки зрения, то мы гораздо яснее будем толковать и применять весь кодекс.

Дальше мы говорили, что цель Гражданского Кодекса снабжение населения, но снабжение населения материальными благами производства необходимо и для обмена и обмен необходим для производства. Между тем, буржуазия превратила все в товар, прежде всего, самого человека, его труд, его рабочую силу. Они идут и дальше и говорят, что к этому труду относятся все вообще способности и свойства человека. Вчера еще мне пришлось прочесть одну немецкую ученую книгу. Там говорится, что человек себя продает, не только труд, он продает свою честь, свои свойства, части своего тела, даже сам себя в анатомию после смерти. Таким образом, все подходу под товар. Женщина, как таковая, в их браке является просто товаром. Превратив, таким образом, все в товар, они потеряли всякое понимание первоначальной, трудовой стоимости. Они знают только свою договорную стоимость.

Я неоднократно в литературных работах указывал на очень простую формулу, которую дает нам Маркс в своем «Капитале». Я извиняюсь, что подхожу несколько теоретически, но такие простые вещи иногда необходимо напомнить, ибо даже, когда мы говорим о классовом подходе в гражданском праве, мы часто путаемся. Когда же мы подойдем с точки зрения этих двух маленьких формул, мы не запутаемся. Эти формулы заключаются в следующем. Маркс говорит, что обмен товаров есть одна из основных формул общественного обмена веществ—товар—деньги—товар (т.—д.—т.). Сначала товар на товар, товарпроизводитель меняет на рынке свой товар на товар другого. В дальнейшем он обменивает товары на всеобщую стоимость, на деньги, с тем, чтобы их опять превратить в товар. Это—одна группа людей. Вторая группа людей начинает с денег и получается такая же формула, только в другом порядке—деньги—товар—деньги (д.—т.—д+д). Но уже не просто деньги, а деньги плюс прибыль (средняя, а затем спекулятивная прибыль). Торговый капитализм именно с этого начинается: деньги—товар—больше денег. Это—вторая формула. Когда вы подойдете к любому договору и спросите, какая цель этого договора: товар—деньги—товар, вы будете иметь один подход. Я приведу пример из практики, когда Костромской суд разбирает дело, в котором комиссионер закупил для кооператива шелковые изделия вместо того, чтобы закупить по поручению сырье для производства. Эти изделия может быть очень ценные, но кооператив их не принял, что кооператив с этими шелковыми изделиями будет делать. Ему нужен товар, чтобы превратить в товар. Кооператив, как потребительская организация, снабжает своих потребителей тем товаром, который им нужен.

Другое дело, когда перед вами будут другие организации, цель которых просто прибыль (Ведь мы не совсем уничтожили прибыль, мы только боремся против гражданской спекулятивной прибыли). Тогда вы оцените это по-иному. Ведь капиталистическая трудовая стоимость тоже приняла более сложный характер и превратилась вместо трудовой меновой равноценности в издержки производства плюс средняя прибыль. Это мы допускаем. Если это есть средняя прибыль, мы ее присуждаем и процентов не отрицаем. Напротив, мы нелогично относимся к процентам, когда говорим, что процентов не признаем. Раз мы признали среднюю прибыль, значит мы признаем и проценты. Раз мы признаем Гражданский кодекс, мы этой средней прибыли не отрицаем. Тов. Лежава,—я не касаюсь того, что он уклонялся слишком в правую сторону в своих примерах,—высказал верную мысль, что тут надо спрашивать себя: для чего взяли люди эти деньги, для чего получена ссуда и т. д. Если с этой точки зрения судить и при помощи этих двух формул ориентироваться, классовый подход будет вернее, чем иногда по происхождению, ибо мы знаем довольно много примеров, когда и люди пролетарского происхождения занимались спекулятивными делами. К сожалению, такие факты имеются и у нас. Эти же формулы вас не обманут. Это экономические формулы, которые надо превратить одновременно и в правовые.

Когда я просматривал постановления наших съездов и пленумов, я должен сказать, не особенно ими остался доволен. Там очень мало по этому поводу сказано; заделались лишь отдельные предметы, высказывались пожелания, что в жилищном законе надо что-то изменить, надо подчеркнуть классовый подход и т. д., но не было общего подхода, к тому, что, собственно, необходимо для будущего кодекса, который мы, надеюсь, постановим составить более быстрым темпом. Я не буду останавливаться на дета-

лях. Чтобы иметь возможность сказать до конца все, что я хотел бы сказать, мне приходится эту часть сократить.

В каком положении мы сейчас находимся? На какой ступени переходного периода мы сейчас стоим. Мы имеем подтверждение и XIV и XV съездов и пленумов ЦК о том, что нэп у нас остается еще на долгое время и всерьез. Его нельзя легкомысленно трогать; мы это знаем на примерах.

Взять, напр., применение ст. 30 ГК. Если Наркомторг заключил сделку и одобрил ее, то ни один суд у нас же не будет перерешать вопрос за нарушением ст. 30. Это всем понятно. И на практике не было ни одного дела, где бы договор, утвержденный Наркомторгом, опирающийся судом с точки зрения 30-й статьи Гражданского Кодекса. И поэтому, тогда я говорил товарищам о том, что от применения этого закона нужно воздержаться. Мы легкомысленно к договорам не относимся и не будем относиться особенно к таким договорам, но мы иногда относились довольно легкомысленно к другим договорам. У меня был пример, когда по одному губерньскому суду, по иску, предъявленному прокурором, прокурором очень толковым, но, вероятно, недостаточно ознакомившимся с этим делом, был предъявлен иск, по данным дела, невозможный. Решение состоялось и сейчас было приведено в исполнение: было решено: договор расторгнуть, отобрать завод и присудить еще столько-то десятков тысяч рублей государству. Что я мог сделать? На мое решение смотрят не только представители адвокатуры, но и представители иностранных государств и особенно иностранные юристы, которые сказали бы: вот председатель Верховного Суда вынес такое-то определение. И само по себе это было бы бестолковым решением. Я нашел выход такой: я утвердил это решение относительно завода, для чего в деле все же имелся материал, сказал: что касается вознаграждения, то для применения 147 статьи в данном случае нет достаточных оснований, поэтому в этой части дело передать в губсуд на новое рассмотрение по принципу эквивалента. Не знаю, как потом решило дело, но думаю, что правильно; вероятно, часть присудили, часть отклонили. Нельзя огульно решать вопросы таким упрощенным способом, потому, что вместо нескольких тысяч рублей мы получим гораздо больше минусов.

К этим делам нужно относиться осторожно, с точки зрения эквивалента. И тут главное, основное то, что у нас наш кодекс в этой области совершенно недостаточен. У нас есть только две статьи, либо 147, либо ст. 151, либо присудить государству, либо восстановление прежнего состояния. Мы доходили до того, что конфисковали вещи у одного государственного учреждения в пользу государства. Потом кассационная коллегия заметила эту ошибку и в дальнейшем дела уже не так решала. Конфисковывать, отбирать у государственного учреждения в пользу государства же казалось бы смешным. Но мы увлеклись одно время этим процессом, когда одно государственное учреждение выигрывало дела у другого государственного учреждения, говорили, что государство выигрывает дело, но на самом деле государство в то же время проигрывает. А возьмем ВАК, там каждый день одно государственное учреждение выигрывает, другое проигрывает, как будто в пользу государства, но в конце концов ведь государство проигрывает. Такие увлечения сутяжничеством безусловно вредны. Если бы мы подошли к делу иначе, мы бы гораздо больше выиграли. Теперь это дело поправляем. Но мы знаем хорошо, что были такие дела, по которым частное учреждение подготавливало дело хорошо в то время, как государственное подготавливало так плохо, что приходилось откладывать шесть раз, а в конце концов приходилось дела отклонять и не присуждать, или там взыскивать по этим делам было нечего, ибо по этим процессам, как у нас часто повторяется, сотни тысяч рублей присуждают, а на деле получают нуль, ничего не взыскивают. В одном таком процессе, когда было присуждено одному ведомству 80 тысяч рублей с каких-то провинившихся чиновников, но было отказано в 100 тысячах, ведомство обжаловало. К нам в Верховсуд явился юрисконсульт на заседание и заявил, что просит отменить решение, потому что Мосгубсуд не соглашается откладывать дело седьмой раз. Я этому представителю предложил вопрос: думаете ли вы, что хоть один целый взывает из уже присужденных 100 тысяч рублей. Нет, отвечает защитник, я не думаю, но мне ведомство приказало. И тогда я написал строгое постано-

вление, что дело откладывалось шесть раз по просьбе ведомства, и ведомство не выполняло то, что обещало, а затем беспокоит Верховсуд об отмене этого дела, явно волокитного.

Я уже сказал, что для того, чтобы определить, как мы должны строить свой будущий кодекс, мы должны найти какую-либо определенную мерку для того, чтобы определить, в каком положении мы в эту переходную стадию находимся. К счастью для нас на это есть определенный ответ у Владимира Ильича. В своем капитальном труде «Государство и Революция», который он написал еще до революции, он совершенно ясно сформулировал это место, отчасти словами Маркса, а отчасти своими собственными, в каком положении мы ныне находимся. Мы, — говорит он, — прежде всего, отменим частную собственность на основные средства производства — на землю и т. д. — Таким образом, на этой стадии переходного периода частная собственность буржуазного права уже отпала. Государственная собственность не обсуждается по гражданскому закону, гражданскому праву. Это есть либо иная правовая область, либо уже неправовая.

Но, — говорит дальше Владимир Ильич, — вторая область, распределение продуктов, осталась еще попрежнему, по буржуазному праву, ибо другого права, как буржуазного права, нет. Что он хотел этим сказать. Другого права, другой формы осуществления обмена нет, как только договорной. Этот кодекс остается еще из буржуазного права, по которому «за равное количество труда получается равное количество продуктов». Мы еще не совсем достигли этой ступени; у нас еще есть частная собственность, частная собственность допущена не только в лице крестьян, но и всех тех капиталистов, которых мы сознательно допустили. Мы еще не совсем дожили до этого, но мы имеем перед собой совершенно определенный план, как мы можем строить. Соответственно этому мы и внесли в проект новые основы союзного гражданского законодательства словами, что основами союзного гражданского законодательства, его задачами является «регулирование имущественных отношений при существовании государственной социалистической собственности, наряду (а не наравне) допуская и частную собственность и гражданский оборот», т. е. товарообмен.

Мы дальше поставили несколько основных предпосылок, которых в ГК трогать нельзя. Мы говорим, что диктатура пролетариата, национализация основных средств производства, национализация земли, монополия внешней торговли и части внутренней, транспорта и т. д. — все это является незыблемой предпосылкой допущения вообще гражданского права. Второй предпосылкой являются интересы рабочего класса в целом и мы их в гражданском праве разрушать не дадим. В-третьих, мы требуем, чтобы гражданское право считалось с тем, что у нас есть единство руководящего государственного плана, которое, говоря словами XV партийного съезда, все больше и больше вытесняет частного. Вот для нас, таким образом, есть такие основы, которые имеют более определенную окраску, чем те намеки на социально-экономическое назначение, на развитие производительных сил и т. д., которых ныне уже недостаточно, когда все отступление кончилось и началось «наступление по пути к социализму, но на базе нэпа», т. е. на базе Гражданского Кодекса, ибо Гражданский Кодекс есть в переводе на юридический язык нэп. Вот каково ныне руководящее начало для построения нового ГК и для более гибкого подхода ко всем вопросам.

Далее, мы имеем еще указание Ленина по поводу Гражданского Кодекса, сделанное в ВЦИК. Я вам приведу цитату Ленина: «При той политике, которую мы поставили твердо и относительно которой у нас не может быть колебаний, это — вопрос для широкой массы населения самый важный. Мы и здесь старались соблюсти грань, между тем, что является законом и удовлетворением любого гражданина, связанным с современным экономическим оборотом, и тем, что представляет собой злоупотребление нэпом, которое во всех государствах легально и которое мы легализовать не хотим» и т. д. Здесь, конечно, имеется в виду спекуляция и всякие иные биржевые и т. д. манипуляции (в этом отношении статья 117 нашего кодекса дает некоторый протор и проводилась нашими юристами, даже нашим судом). Если к этим словам Ленина еще прибавить резолю-

ции XIV и XV с'ездов, то у нас получится довольно ясная картина того, что мы можем разрешить, чего мы не можем разрешить, чего мы не должны соблюдать и что мы должны соблюдать. Здесь нам играет в руку наше собственная практика, наша жизнь. Если мы посмотрим наш кодекс и соопоставим его с гражданским кодексом любой страны, то мы увидим у нас громадное сокращение самих предметов. Буржуазный гражданский кодекс охватывает все взаимоотношения людей, в первую очередь семейное. А для буржуазии самое важное, чтобы договор относительно рабочих строго соблюдался. Пока путем договора одна часть буржуазии ворует у другой, то для класса в целом получается то же самое, что у нас, когда государственное учреждение выигрывает дело у государственного учреждения. Класс в целом ничего не выигрывает, а проигрывает. Иное дело, когда идет вопрос относительно рабочих, когда там гражданское право установило равные нормы договора для любого товара, в том числе товара—рабочей силы, когда, напр., Гражданский Кодекс (французский) вместо того, чтобы посвятить целый кодекс труду, написал только две статьи, где он говорит только, что никто не может продавать себя лично, но может продавать свое время, т.е. время своего труда, своей рабочей силы. Ведь время это есть мера ценности труда, рабочей силы. И надо подчеркнуть дальновидный ум французской буржуазной революции, которая ввела одновременно с метрической системой для измерения остальных товаров время для измерения труда рабочих. Вы знаете, что и Маркс впоследствии теоретически обосновал ту же мысль, а именно, что рабочая сила измеряется временем. Вот почему нормы буржуазного кодекса так связаны для капиталиста. Рабочие лишь путем всяких движений отвоёвывают себе постепенно особые рабочие права; но принципиально ничего особого не вносятся. Вносятся только некоторые смягчения, улучшения для того, чтобы успокоить рабочее население. Существенного же, принципиально нового ничего там нет и во Франции до сих пор и «рабочее право» является частью того же кодекса.

Трудовой Кодекс у нас это есть кодекс особого высшего порядка, и на практике мы уже категорически подтверждаем, что нормы Гражданского Кодекса, по отношению к трудовому кодексу не применимы. В нашем Гражданском Кодексе нет места трудовому кодексу. Остались там лишь отсталые формы труда, как артели, подряды и т. д., поскольку они относятся к труду и остались еще в Гражданском Кодексе, но и их мы постепенно изменяем.

Земельные отношения мы тоже почти целиком изъяли из Гражданского Кодекса. Совсем их изъять мы не могли, потому что те отношения крестьянства, которые проявляются на рынке, проявляются пока в формах Гражданского Кодекса. Мы этого совсем сейчас изменить еще не можем и в этой части еще в силе Гражданский Кодекс. Мы говорим, что к отношениям Земельного кодекса не может быть применен Гражданский Кодекс. Гражданский Кодекс может только дополнить только то, чего там не имеется. Кодекс о браке мы тоже исключили из ГК. Мы включили в особый кодекс все семейные отношения, но мы говорим, что имущественные отношения остаются пока областью гражданского права. Так практика сама раз'едает этот Гр. Кодекс дальше. Если мы посмотрим на жилищные дела, то жилищные дела у нас усложняются жилищным голодом и тем обстоятельством, что выселение человека из квартиры чуть ли не означает выселения его с этого света, как показал Маркс по поводу Ирландии и самой Англии; что выселение человека на улицу—это иногда тоже самое, что смертный приговор. Поэтому мы так внимательно относимся к этим отношениям. Мы выискиваем даже упреки в волоките; дела доходят даже до Президиума ВЦИК, потому что выселение при жилищном голоде означает часто болезнь и, может быть, смерть, когда мы выбрасываем на улицу человека трудового. Поэтому надо относиться очень внимательно к этим делам. Но и при условиях, когда у нас будет недостаток в квартирах, мы для рабочего населения, для трудящихся все-таки создадим особое жилищное право, которое, по моему мнению, должно перейти в трудовой кодекс. Это есть известные классовые льготы, которые придется совершенствовать, а отнюдь не отменять.

Дальше—относительно алиментов. Алименты и жилищные дела составляют в народных судах одну треть, или почти половину всех дел.

Они тоже самое имеют под собой не чисто гражданские отношения. Это отношения общественно-социальные, это единственное средство социального обеспечения детей, когда мы присуждаем алименты, причем исключительно в интересах ребенка. И тут, когда перед нами ставится вопрос о том, что мы, якобы, слишком легко присуждаем алименты, и когда нас попрекают этим, я считаю, что у нас уже не так сильно в этом отношении перегибают палку. А если бы и был перегиб палки, то так как мы все-таки имеем в виду только интересы ребенка, все-таки мы совершили меньшее зло. ...ибо все-таки будет лучше, если тот, который нуждается в помощи, ее получит, даже с присуждением ненадлежащего отца, который «по французским законам никогда неизвестен», чем наоборот.

Я думаю, что вся эта практика раз'едает самый ГК, от него все меньше и меньше остается чисто гражданско-правового.

Я не буду рассматривать отдельных институтов. Если мы разберем отдельные договоры, например, купля-продажа, мы отбросим целый ряд ненужных статей, массу ненужного хлама, совершенно излишнего, ибо любой товарищ поймет, в чем суть купли-продажи. Я только хочу привести пример, чем наш взгляд на гр. право отличается от буржуазного. Я приведу пример со слов одного буржуазного профессора, бывшего российского профессора, ныне покойного, хорошего гражданского юриста—писателя Шершеневича. Он говорит так: если я взыскиваю с Петра 50 рублей, то только потому, что в законе говорится, что деньги, данные взамен, должны быть возвращены. Так буквально и говорит, потому, что закон так кой. Я думаю, любой другой человек скажет: я взыскиваю 50 рублей с него, потому что я ему их дал. И даже старые римские юристы были умнее. Они говорили: «я даю тебе, чтобы ты мне дал». Это совершенно ясная мысль. И тут ничего говорить о законе. Я, напротив, говорю: вы раньше рассмотрите отношения, какие перед вами лежат, и когда вы составите себе эту картину, тогда посмотрите закон. Если вы скажете, что закон говорит не то, тогда перед вами станет вопрос—необходимо ли дословно выполнять его или нет. Иногда может быть этот закон и не так уже настойчиво требует его буквального применения. И вы тогда так решите дело. Возьму пример относительно формы договора. У нас в ГК говорится, что заем свыше 50 рублей должен быть в письменной форме, а иначе присудить нельзя. Передо мной было решение, когда один суд нашел, что доказано, что человек занял сто рублей, но т. к. без документов можно заключить заем только на 50 рублей, то присудить только 50 рублей.

Какая тут логика? Почему мы говорили в законе таким образом? Мы делали это по разным соображениям. Во-первых, люди должны научиться письменно заключать такие сделки. Ибо вы знаете, что свидетельские показания это самый несовершенный способ доказательства. За 50 рублей вы не найдете свидетеля, а за сто рублей вы найдете свидетелей сколько угодно. Кроме того должны быть привлечены посторонние лица, которые идут свидетелями, теряют время. Это ни из чего не вытекает. Поэтому мы и говорим: заключайте письменные договоры под страхом недействительности. Но одновременно мы раз'ясняем,—а если для суда совершенно ясно, что заем был, то скажите, что это ясно, формулируйте ясно свою мысль и ни один суд не отменит решения, потому что решение справедливо.

Здесь нужен более гибкий подход.

Не буду останавливаться на других договорах: они заняли бы слишком много времени. Но я хочу привести еще несколько мыслей по поводу одного из самых основных вопросов. Я уже сказал, если буржуазия трепетала сначала перед буквой закона, то она в последнее время в своей теории от этого отступила; у нее есть целый ряд таких теоретиков, но нет еще единой теории о свободе суда от закона, т.е. судья не должен принимать присягу на букву закона. Но я неоднократно указывал, что закон более «либерален», чем судья. Суд сейчас в любой буржуазной стране есть учреждение на более классическое, наиболее буржуазное, ему можно доверять, что угодно, он сдержит данную присягу.

Но это только одна сторона, но есть и другая сторона, что, если буржуазия согласна колебать закон, то ни в коем случае она не согласна колебать договор. Самый яркий пример этого был во время войны, когда

одного из буржуазных германских ученых Лабаанда, очень известного государствоведа, спросили, как он думает о соблюдении договоров международных, он заявил после некоторых колебаний, что договор вещь священная, договор должен быть сохранен. По этой теории Германия должна была отказаться от подводной войны, но она, конечно, не отказалась. А в гражданском праве тем паче.

Когда я писал свой учебник, я говорил о том, что наша практика внесла кое-что новое в смысле независимости в известной степени от договоров. Нельзя этим договорам придавать такую священность. Но, конечно, и тут опять нужен подход гибкий. Мы знаем, какие изменения произошли во взглядах на такой договор, как вексель. Вексель—это есть такой абстрактный договор, в котором подпись означает получение денег и обязанность платить деньги, вексель занимает равнозначное значение параване с деньгами. Мы в своем обороте пользуемся векселем, заменяя векселем оборот на наличные деньги. Мы, конечно, говорим, что тут гражданским судам даже нечего делать, тут нотариус в порядке принудительным штампуется или просто говорит—взыскать, если не доказано уголовного преступления. Это такой вид договора, который не относится к личному «обороту» трудящихся. Трудящиеся друг другу векселей не дают, они в этом не нуждаются. Эта область торговая, которую мы должны охранять. Тут мы должны соблюдать форму. Во в бытовых делах нужен более гибкий подход к договору. Я тут уже приводил пример, что при выполнении договора мы не должны стоять на неприменимости его выполнения по букве, на точке зрения венецианского купца Шейлока, который требовал: ты обещал мне фунт мяса из своего тела, если уплатишь долг и т. д.

Мы говорим: нет, мы так абсолютно вопроса не ставим. В чем заключается исполнение договора? Я не буду говорить о вольном исполнении договора, т. к. по существу это имеет как-будто мало отношения к праву. Мы говорим о праве тогда, когда возникает спор о праве гражданском. И вот когда люди являются в суд, каковы обязанности суда? Одно дело, если имелся ввиду оборот и абстрактный акт просто заменяя валюту; тут приходится применять жесткий способ. Но если этого нет, то надо подумать о том, каково будет наиболее жизненное исполнение. Буржуазное право формулирует, что договор сильнее закона. Гражданское право это вообще какое-то особое право. Вы в его статьях не читаете о каких-либо выселениях, правил о продаже и купле: покупай или не покупай. Вы там просто читаете: купля-продажа это договор о том, что Иван покупает у Петра определенный предмет за условленную цену. Другими словами, это есть краткая формула договора. На основании этой статьи заключается конкретный договор. И дальше, когда суд, наконец, выносит свое решение, тогда только этот договор вступает в законную силу и делается законом для данного случая. Что тут должен делать суд? Мы говорим: суд имеет право, должен анализировать взаимоотношения тяжущихся. Ведь основное в праве—это взаимоотношения людей, а не статьи и не договор. Вот почему, когда договор представлен суду, суду надлежит создать новую жизненную организацию этих отношений; он должен сказать, чтобы выполнение действительно произошло, чтобы не пришлось взять исполнительный лист, положить его в карман и сказать, что достаточно сдать его своему начальству и конец. Нет, в бытовых отношениях мы должны относиться гораздо свободнее к этим отношениям,—мы должны их переорганизовать. Я приведу два очень резких примера, два волокитных дела, которые нам пришлось решить в Верховном суде. Одно дело заключалось в том, что некий трудящийся купил у другого гражданина дом по запродажке. Запродажка тогда не была разрешена у нас. Деньги были продавцем получены; дом передан, а когда потребовалось заключить окончательный договор, то продавец отказался. Покупщик в иске потребовал, чтобы суд запродажку признал недействительной и присудил обратно деньги.

В то время вышел уже закон запродажи. Поэтому истец дополнительно подал заявление, что он просит присудить ему дом, которым уже владеет, за который деньги заплачены и т. д. Суд не принял во внимание второго заявления. Может быть суд случайно не заметил его. Суд говорит в решении, что в виду того, что запродажка недействительна, что истец уплатил деньги, то их надо присудить обратно, но с другой стороны противник предъявил встречный иск о том, что истец кое-что уничтожил, со-

брал какой-то доход. Суд производил сложный расчет: дело дважды доходило до Верховного суда. В конце-концов, тому, который купил дом, пришлось бы дом оставить и еще приплатить. Я считаю, что это было неправильно и безжизненно. Почему не присудить ему этот дом; записать за ним дом и расчеты кончены. О таком жизненном решении не догадались. А возможно оно было тем более, что в то время уже существовал закон о запродажке. Это явная волокита. Дело тянули два с половиной года вместо того, чтобы в два дня разрешить. Здесь нужен был жизненный, гибкий подход и мы его нашли.

Другой случай был, когда судилась коммуна трудящихся с кооперативом. Был у них один договор, другой. Всякие изыскания производились по этим договорам. Очень путанным показалось дело. Мы тогда вынесли определенное решение отменить все решения и передать на разрешение суда по трудовому эквиваленту, независимо от договоров. Ведь работала трудящаяся коммуна. Дело тянулось долго—испугались буквы противоречивых двух договоров. Свобода от договора это, конечно, очень сложная вещь. Отрицать вообще силу договора нельзя, на ней построен Гражданский Кодекс. Но надо жизненно подходить и так разрешать вопросы.

Я забыл сказать в начале про одно важное обстоятельство. Мы имеем в виду ввести устойчивость в гражданско-правовые отношения. Эти отношения, которые регулируются Гражданским Кодексом, ведь включаются в общий итог руководящего плана. В будущем году мы рассчитываем, что наш социалистический сектор даст столько-то хлеба, крестьянский рынок даст нам столько-то. Эти рынки нами учитываются. Если этот учет будет неверен, будет недостаток хлеба. Поэтому мы говорим, что нам нужна устойчивость. Люди знают, куда мы идем, ибо мы даем определенные директивы, что мы идем к социализму. Мы говорим капиталу: если тебе не по силам, не делай с нами дел. Если же тебе по силам, мы с тобой будем торговать и будем выполнять свои договоры устойчиво. Мы даже переплатим в известных случаях, как Владимир Ильич говорил,—за науку и т. д. Но если мы вопрос ставим так, то в виду нашей плановости у нас получается больше устойчивости, чем в анархии капиталистического мира.

Если мы научимся так рассуждать, то перед нами будет более ясная картина. Мы имеем тут уже совершенно новые отношения. Отчасти гражданские отношения, конечно, все-таки останутся буржуазными. С этой стороны мы ничего не делаем. Купля и продажа никогда не будет социалистической. Тут никаких чудес произойти не может. Купля и продажа—это есть буржуазный институт, а социализм куплю и продажу не признает. Он признает только прямое снабжение. Но там, где уже можно отбросить договоры, мы уже заменяем их новыми способами. Мы имеем генеральные договоры, мы имеем договоры контрактиции. Теперь они тоже еще имеют характер гражданского права, но я считаю, что в ближайшем будущем они постепенно отойдут от этого и, если бы наши специалисты мыслили бы так, как мы мыслим, этот процесс шел бы быстрее, но наши учреждения еще находятся в плену старых юрисконсультов, которые верят в старое буржуазное гражданское право, в старые гражданские отношения. Они этого не понимают, не желают понять и не могут понять. Я хотел захватить сюда образец такого договора, сочиненный старым «юрисконсультантом». Договор этот на контрактицию с крестьянами пишется в таких выражениях: тебе платить будут по конвенционным ценам с применением бонификации и рефакции, надбавку за партионность и т. д. Целый ряд выражений, которые едва ли понимает сам покупатель, и которые должен понять крестьянин «посевщик», который, уходя, очевидно, думает: действительно, я, вероятно, ничего не получу, потому что я ничего не понял, что там написано. Такие договора хуже всякого договора. Тогда лучше прямо применять прошлогодний способ воздействия. Крестьянину это понятно, но такой договор ему вовсе не понятен, и он это скажет, особенно когда придется его выполнять принудительно.

Все то, что должно войти в кодекс, для нас теперь ясно, но придется еще выдержать большую борьбу, особенно при разработке этих основ Комиссией ВЦИК'а Союза, где около половины членов, состоящих из специалистов, стоит не на той точке зрения, которую я здесь излагаю, и с которыми, вероятно, придется очень серьезно спорить и бороться по всем вопросам. В этой борьбе, и

не знаю, выиграем ли мы или нет, ибо многие из наших товарищей думают,—если гражданское право, то надо его точно в точь и списать, как оно за границей написано, а если не так, то это уже от лукавого. Но если мы напишем точно так, как сказано, в заграничном кодексе, то разве англичане или немцы так и подумают, что все им так и присудят. Извините, когда американский журналист или сенатор несколько лет тому назад обратился к моему заместителю,—меня не было тогда дома,—он, прежде всего, спросил: а бывают ли у вас случаи, что гражданин (буржуа) по делу с государством дело выигрывает, или что трудящийся проигрывает дело против гражданина, и т. д.

Краткая резолюция, которую мы предлагаем по нашему докладу, сводится к четырем мыслям. Во-первых, что наступило время, когда у нас уже имеется готовый материал для создания нового, советского гражданского кодекса. Я думаю, что я в своем докладе это вам показал, и вы должны это почувствовать и по своему личному опыту. Во-вторых, если так, то наступил самый последний момент для написания такого кодекса. Последние резолюции разных съездов и пленумов высказывают обыкновенно два положения: чтобы новый кодекс был сокращен и чтобы он был максимально ясен. Тут есть и правильные мысли и неправильные. Нельзя слишком ударить в сторону сокращения кодекса, ибо я думаю, что я прав, приводя здесь старую поговорку, что «маленькая рыбка лучше большого таракана». Маленькая коротенькая статья лучше длинного циркуляра или длинного разъяснения. А если мы выбросим статью или напишем ее слишком сжато, то нам придется потом писать три или четыре новых циркуляра, и никакого упрощения из этого не получится. С этой стороны нам придется даже прибавить статьи в наш новый кодекс, но, конечно, в нем есть и много лишнего. Если мы из Гражданского Кодекса выбросим, например, все, что касается порядка утверждения акционерных обществ и т. д., каковые статьи не имеют никакого значения для народного или губернского судьи, мы от этого получим значительное сокращение. Равным образом, можно выбросить из кодекса разные сроки, которые имеют лишь историческое значение, никакой беды от этого не случится. Если, например, мы сделаем это в отношении договора купли-продажи, который уже каждому более или менее известен, и т. д. Но с другой стороны, мы должны будем подчеркнуть, что необходимо из нашего кодекса устранить такое безобразие, что у нас одинаково оцениваются человеческая жизнь или какое-либо стекло или телега. Я имею в виду статьи 403 и 404 ГК. Если человек разбил стекло, или если он ударил другого человека по голове, его судят по одной и той же статье. Правда, рядом тут уже имеется поправка, о нормах социального страхования в случаях повреждения жизни или здоровья человека, но это в нашем кодексе не выделено. Предложение о том мы внесли на совещание о Союзных основах; на предварительном заседании этой комиссии по составлению основ гражданского законодательства мысль была принята, но—увы! в проекте подкомиссии единогласно принято старое смешение жизни человека с любым мертвым предметом. Вот как трудно бороться даже по таким ясным положениям, как вопрос об отличии человеческой жизни от стекла, от постройки, от лошади и т. д.

Дальше мы ставим вопрос о том, что надо работать и в другую сторону; надо выделять в особый кодекс то, что уже относится просто к регулированию отношений социалистического сектора, а не к гражданскому праву. Эта мысль была высказана еще давно. Когда издавались 22 мая Временные Правила о гражданском праве, там был указан мотив о том, что здесь, с одной стороны, имеет регулирование отношений между государственными учреждениями, и, с другой—их отношения ко всему остальному миру, т. е. в одних случаях допускаются споры о праве гражданском—это гражданское право, а, с другой стороны—правила, которые написаны в изъятие от гражданского права и решаются административными учреждениями. Я неоднократно, когда я боролся против нынешнего АК'а и ВАК'а, приводил в пример американский триест какого-нибудь Моргана. Я думаю, что Морган, имея фирму, по величине близкую нашему государству, не допустит, чтобы два его отделения вели процессы друг против друга, выигрывали или проигрывали друг с другом по взаимным расчетам. А мы это допускаем и учреждаем даже особые суды—АК'и, вместо того, чтобы превратить их в простые расчетные учреждения.

На многих совещаниях и заседаниях говорилось, что все откошения хозяйственные нужно вписать в один кодекс, чтобы вся картина полностью была перед глазами. Но последствием такого смешения было бы громадное расширение кодекса без всякой надобности и пользы.—Мы должны ГК ограничить отношениями, могущими стать предметом спора о праве гражданском.

Дальше, в резолюции говорится о том, что закон вообще должен быть понятен для всех трудящихся, в особенности Гражданский Кодекс. Я допускаю изъятие для слова «эквивалент», которое каждому марксисту-судье известно из кодекса, но и его можно заменить словами «равноценностью, равностоимостью». Во всяком случае необходимо, чтобы язык закона был понятен любому рабочему судье.

Я должен еще сказать пару слов лично от себя. Меня могут упрекнуть, что в своем курсе гражданского права я не соблюдаю этого правила, что внес много трудно-понятного. Но я должен был построить научную теорию марксистского гражданского права. Я там должен бороться с разными течениями и у нас и за границей и для того, чтобы дать воспитателю ВУЗ'а возможность быть вооруженным в борьбе с этими течениями, я не мог обойтись без буржуазной теории. Это для широкой публики излишнее, но она может это просто пропустить. Если я успею закончить в этом году третью часть своей работы, то молодым работникам уже легко будет написать коротенький учебник гражданского права более доступным для рабочего и крестьянина языком.

Если это позволит мой возраст и мои силы, я, может быть, это и сам сделаю, но первую работу необходимо было поставить научно. Я постарался и ее, по возможности, снабжать живыми примерами нашей практики, но все же это вряд ли удалось мне в достаточной мере. Впрочем об этом судить не мне.

Таким образом я предлагаю принять резолюцию, которая здесь предлагается. Доклад мой надо скорее считать информационным и едва ли мы что могли бы в прениях достигнуть. Я думаю, что мысли, которые изложены в тезисах, дадут вам возможность строить дальше.

Я должен еще констатировать, что 1928 г. является известным переломом в жизни судебных деятелей. До сих пор мы слишком много обращали внимания на теорию, когда я, входя в Наркомюст, хотел узнать, сколько трактится на библиотеки губернских и народных судов, я там нашел пустое место. Посылаются кое-какие кодексы, но это все. Я думаю даже, что то обстоятельство, что у нас работа теоретическая по судебной линии несколько отстала, отчасти виновато и то, что на местах мы имеем иногда разложение хороших товарищей, которые, не находя другого, более серьезного содержания жизни, идут на пьянство и разложение, что могло бы быть устранено, если бы люди занимались хотя бы сколько-нибудь теорией и т. п.

В свое время Маркс приводил в пример рабочего Дипгена, который писал рецензии на капитал Маркса и с которым Маркс сам соглашался. И мы имеем таких теоретиков-рабочих. Вы имеете в своем распоряжении житейские примеры, Вы их должны оживить теорией. До сих пор часто махали рукой на такие разговоры, в лучшем случае садялись за шахматы, что, конечно, тоже является хорошим делом, но этого недостаточно. 1928 год внес великий перелом, его надо продолжать и углублять (бурные аплодисменты).

Вечернее заседание 25 февраля.

Доклад тов. Трасковича об исправительно-трудовой политике.

Съезд постановляет не открывать прений по докладу т. Стучка и, приняв резолюцию, переходит к заслушиванию доклада т. Трасковича об исправительно-трудовой политике. Содержание доклада не приводится, т. к. в основном оно совпадает с помещенными в журнале материалами по вопросу (№№ 46—47 за 1928 г. и № 7 за 1929 г.).

Прения по докладу т. Трасковича.

Тов. Чудновский (предс. Уральского облсуда). Основным вопросом, которому в докладе не уделено достаточного внимания, является вопрос о материальном состоянии мест заключения. Если не будут приняты надлежащие меры для того, чтобы места заключения были поставлены в такие условия, когда в них можно будет действительно обучать людей, то, независимо от того, кто будет ими руководить — НКЮ или НКВД, мы ничего сделать не сможем. Основным недостатком в работе распрекомиссий является то, что под их рассмотрение подходит слишком большая категория дел. Надо прежде всего выделить категорию дел, которых не должна касаться распрекомиссия. У нас много хозяев, которые могут наблюдать за местами заключения. В этом вопросе следует прийти к тому, что судебным работникам надзором заниматься не надо, а оставить это дело исключительно в руках прокуратуры. Должен быть поставлен вопрос об улучшении материального положения работников мест заключения.

Тов. Уманский (Туркменистан). К передаче мест заключения в ведение НКЮ надо подходить очень осторожно. Мы имеем недавний неудачный опыт в Туркменской республике, когда через 4 месяца после передачи мест заключения в НКЮ они были переданы обратно в НКВД. Обнаружился ряд отрицательных моментов: прокуратура потеряла прямую возможность осуществления надзора, НКЮ вошел в предпринимательскую атмосферу, которая ему несвойственна. Необходимо урегулировать вопрос о ссылке, т. к. то, что мы имеем сейчас, когда идет беспорядочная переброска преступников из одной республики в другую, никуда не годится. Также должен быть урегулирован вопрос об этапировании следственных.

Тов. Соляц. Если тезисы доклада рассматривать как нечто желаемое на будущее, возражать против них нельзя. Но если это программа на завтрашний день, то она совершенно нежизненна. Мы стоим перед волной принудительных работ, которые превращаются почти в единственное наказание. Но чтобы приговоры были реальными, надо заняться сначала организацией работ, а до правильной их организации использовать и другие меры общественного воздействия, как общественное порицание, выговор. Из ознакомления с работой наблюдательных комиссий я пришел к выводу, что они работают хорошо и поэтому нам не надо иметь двух учреждений — распределительных и наблюдательных комиссий. Против объединения работы НКЮ и НКВД в данной области я не возражаю и считаю, что ее надо объединить в НКЮ, но только после того, когда будет улучшена работа судебная.

зовании заключенных на работах, — дутые цифры, т. к. в них включаются и работы по самообслуживанию. Напманская публика во всех отношениях находится в лучших условиях. Как правило, она никогда не исползуется на черной работе. Сплошь и рядом, только для того, чтобы дать заключенным из этой категории возможность заработка рабочих дней, их назначают в мастерские учениками. Культурно-просветительная работа ведется неправильно, т. к. есть случаи, когда ею руководят осужденные за контр-революцию, когда крестьянам преподают английский язык и т. д. Если суды не всегда выносят правильные приговоры, то это объясняется отчасти и работой распрекомиссий, подрывающих реальность приговоров и вынуждающих суды давать большие сроки. Неправильный подход к принудительным работам, т. к. из них административные стремятся сделать только доходную статью. Если работы не организованы, надо использовать осужденных для работ по благоустройству городов и т. п.

Тов. Ширвиндт (нач. Глав. управ. местами закл. НКВД). Совершенно неправильно то, что некоторые товарищи исправительно-трудовую политику соединяют с моим именем. ИТК на основании которого проводится эта политика, принят сессией ВЦИК. Проявления либерализма в политике, отмеченные докладчиком, находят основание в отдельных статьях Кодекса. Таковы, например, ст. 82 о культурно-просветительной работе среди заключенных, ст. 49, говорящая о том, что режим в местах заключения должен быть лишен всякого мучительства. О проведении исправительно-трудового воздействия говорит ст. 10 основных начал уголовного законодательства. Никто при этом не считает, что теория исправления должна проводиться независимо от классового начала. Предлагаемое тезисами не содержит в себе революции в пенитенциарном деле. Колонии и изоляторы существуют и сейчас, как отклонения от среднего типа мест лишения свободы — исправительно-трудовых домов. Увеличение изоляторов за счет исправительно-трудовых домов выразится на деле только в установлении для большего числа осужденных свиданий через решетку. Я считаю, что исправительно-трудовые дома должны остаться как основной тип мест заключения. В извращениях политики в смысле неправильного применения досрочного освобождения в одинаковой степени повинен и НКЮ, представители которого участвуют в распрекомиссиях. Вопрос о передаче руководства местами заключения в НКЮ несущественен. Должен быть разрешен основной вопрос о том, как добиться самоокупаемости мест заключения, а доклад в этом отношении ничего нового не вносит. Против применения ссылки в том объеме, как это предлагается докладом, НКВД возражает, т. к. материальные предпосылки для проведения этого мероприятия совершенно недостаточны.

Предлагаемое тезисами частично нами поддерживается: например, вопрос о привлечении общественности к работе в распрекомиссиях уже разработан НКВД. Но о революции в области пенитенциарного дела говорить нельзя.

Тов. Глебова (Ленинградск. прокуратура). В руководстве местами заключения со стороны НКВД имеются большие неправильности. В наиболее привилегированных условиях находятся растратчики, взяточники и т. п. элемент. Тезисы намечают создание условий, при которых приговоры в отношении тяжелых преступников будут реальны. Этого и надо добиваться. Колонии для преступников из трудящихся должны быть развиты и поставлены так, чтобы из колонии осужденный возвращался советским гражданином.

В данной реформе должно быть уделено больше внимания вопросу о воспитании малолетних нарушителей и о профилактике в форме популяризации в рабочих массах нашей работы.

Тов. Абрамов (Иркутск. окр. Сибирского края). Постановка исправительно-трудового дела неправильна и без коренной ломки его оставить нельзя. В значительной степени в неправильностях виноваты и мы, т. к. прокурорский надзор уделяет надзору за местами заключения недостаточно внимания. Предлагаемое тезисами построение наблюдательных комиссий нежизненно, т. к. представители некоторых организаций, указанных в тезисах, мы не всегда получим и вообще не везде можно будет создать комиссии из расчета одна комиссия на 200 человек заключенных.

В прениях выступили также т.т. Басалаева и Лежнин.

Утреннее заседание 26 февраля.

Продолжение прений по докладу т. Трасковича.

Тов. Пугайло (Нижегород. губ.). Предлагаемая реформа исправительно-трудового дела давно назрела. То, что тезисами предлагается, мы частично уже осуществляем на практике. Например, в Нижегородской губ. сельско-хозяйственная колония существует уже два года. Неудовлетворительность работы наблюдательных комиссий объясняется тем, что фактически их функции осуществляют единолично начальниками мест заключения, т. к. входящие в состав комиссии представители, ссылаясь на отсутствие времени, в них не участвуют. Нет уверенности в том, что комиссии в том составе, как предлагают тезисы, будут работать как следует. Распрекомиссии, действительно, не всегда правильно применяют досрочное освобождение, изменяя приговор суда, но в практике имеются случаи, когда совершенно неправильные изменения приговоров, в сторону их чрезмерного смягчения, производятся Верховным Судом. Переход мест заключения в ведение НКЮ без того, чтобы на производство работ были сделаны вложения со стороны государства, не даст реальных результатов.

Тов. Соснин (Владимир. губпрокурор). Система, которая проводится сейчас в местах заключения, при текущем содержании в них людского материала ничего не дает в смысле исправления. Цифры об исполь-

Тов. Траскович (заключительное слово). Большинство выступавших не возражало против представленных НКЮ тезисов. В докладе сознательно не уделено особого внимания материальному положению мест заключения, т. е. эта сторона отлично известна съезду. Конечно, мы, работники юстиции, должны стремиться к тому, чтобы всячески улучшать положение в этом отношении. Неправильно замечание о том, что в местах заключения много хозяев. Прокуратура не может уделить достаточного внимания надзору и помочь ей со стороны судебных работников надо приветствовать. Тов. Уманский указывая на неудачный опыт передачи мест заключения в ведение НКЮ. Если этот опыт проводился на протяжении всего 4 месяцев, то он, конечно, не мог дать положительных результатов. Ни на чем не основано опасение, что при такой передаче прокурор может потерять свое лицо, а также и указания на то, что НКЮ не к лицу заниматься предпринимательской деятельностью. Не из чего не следует, что судебный работник должен только выносить приговоры и не может руководить хозяйственной деятельностью мест лишения свободы. Ссылка поставлена неправильно, но мы предполагаем проведение определенной подготовительной работы. Также неправильно постановка дела этапирования и понятно, что в дальнейшем этому вопросу мы должны уделить больше внимания. Тов. Солц принимает нашу систему, но боится, что она будет проводиться завтра. Мы не ставим так вопроса и считаем, что проведение реформы потребует ряда лет. К отдельным из намеченных мероприятий можно и должно приступить в ближайшее время. Т.т. Шугайло и Абрамов высказывают опасение, что к работе наблюдательных комиссий мы не сумеем привлечь общественности. Мы считаем, что опасение это неосновательно и разрешение вопроса будет зависеть от руководителей комиссий. Говорили, что без вложения капитала нельзя поставить правильно дела. Но на получение средств на организацию производства в местах заключения мы рассчитывать не можем, а против требования об отпуске средств на принудительную работу мы возражаем, т. е. их надо организовать без каких-либо затрат. Тов. Лежнин возражал против ссылки в Сибирь. Такое возражение не серьезно, т. е. и другие места также могут возражать против ссылки. Тов. Ширвиндт говорил о том, что проводимая исправительно-трудовая политика основана на законе. Но мы ставим вопрос так, что устаревший закон должен быть изменен. Основная разница между установкой тезисов НКЮ и линией НКВД в том, что мы не находим в постановке дела никаких оснований для оптимизма НКВД. Наши тезисы тесно увязаны с тезисами по УК. Мы отказываемся от оправданий и выдвигаем изоляторы для наиболее опасных классовых преступников. Вы же защищаете необходимость существования оправданий, хотя в них на 80% такого человеческого материала, который там находиться не должен. Сваливать ответственность за работу распределенных на НКЮ нельзя, т. е. комиссии являются аппаратом НКВД и последний за их практику должен нести ответственность полностью. Мы выдвигаем ссылку, вовсе не считая ее марксистским изобретением. Если она была известна и старому строю, то мы не боимся применять ее так, как нам это кажется правильным.

Информационное сообщение о деятельности института коллегии защитников.

Съезд заслушивает информационное сообщение о деятельности института коллегии защитников.

Тов. Шмелев (председ. Московск. коллегии). Положения доклада одобрены представителями всех плано-родных коллегий, участвующих на съезде. Основная работа коллегии выражается в юридической помощи населению; консультационная работа в городе и деревне, ведение судебных дел и пропаганда советского права. Обращения в консультацию по Ленинграду за 1928 год составили 141 тысячу, из какового числа только 2% относятся к нетрудовым элементам. По Москве за тот же год было 226 тысяч обращений. Работа по пропаганде права по Ленинграду в 1928 году выразилась в проведении 296 лекций и докладов и 130 вечеров вопросов и ответов. По Москве за тот же год лекций и докладов прочитано 4512, а по губернии—2934. Институт защитников должен постоянно реорганизовываться в соответствии с теми требованиями, которые диктуются жизнью. Точку зрения

НКЮ, что коллегия защитников должна быть помощником суда, мы разделяем полностью, но настроение отдельных товарищей с мест разнится с этой точкой зрения. Для того, чтобы коллегия защитников выполняла это требование НКЮ, надо устранить те недостатки и ту бессмысленность положения коллегии, в котором она сейчас находится. Мы признаем, что некоторая часть защиты не помогает суду в его работе. Наша форма, наши методы работы и даже часть личного состава не соответствуют тем задачам, которые коллегия предъявляются, и это должно быть изжито. Но дискредитирующее поведение отдельных членов коллегии не может быть отнесено ко всей защите. В массе адвокатура представляет очень необеспеченный элемент. Так, средний заработок по Москве составляет 110 рублей, по Ленинграду—103—112 рублей. В уездах члены коллегии зарабатывают по 30 рублей в месяц, и мы должны держать их на дотации. Надзор за деятельностью членов коллегии был слаб. Мы проводим ряд мероприятий по его усилению. В некоторых случаях состав коллегий превышает надобность, и перед нами стоит задача о сокращении. Мы переходим на коллективные формы работы, считая, что коллективная форма должна стать постепенно основной в работе коллегии.

Тов. Фарбштейн (Ленинградск. коллегия). Если признать, что коллегия на определенный промежуток времени необходима, то необходимо установить нормальное взаимоотношение с судебными органами. Недостатки в коллегии имеются, как они имеются всюду. В изжитии их большую роль играет товарищеский дисциплинарный суд, который должен быть сохранен, как средство для того, чтобы держать коллегию в руках. Мысль о необходимости перехода к новой коллективной форме работы усиленно прорабатывается коллегиями по всему Союзу. В Ленинграде организованы трудколлектив в 170 человек, преимущественно из молодежи. Товарищи из коллектива зарабатывают 30—40 рублей в месяц и этой формой работы довольны, потому что она дает им возможность иметь практику и учиться.

Тов. Ордынский (Московск. коллегия). Главная причина недоразумений в отношении коллегии защитников заключается в том, что с работой коллегии знакомы очень мало. Члены коллегии несут большую общественную работу, отдавая ей от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ своего времени. Только 50 с небольшим % членов коллегии зарабатывают до 150 рублей. При учете нашего заработка надо исходить из того, что он не равноценен одинаковому по размеру заработку рабочего и служащего. Мы приглашаем съезд приглядеться к нашей жизни, чтобы увидеть, что мы близки к вам по духу и может быть даже больше, чем близки.

Тов. Петров (председ. Северо-Кавказ. краевого суда). Коллегии защитников за все время их существования мало дали советской общественности. Новая форма организации коллегии—очень хорошая вещь, но как бы из коллективов не вышло лжеколлективов, которые сейчас уже намечаются из верхов коллегий. Съезд должен заявить, что с новой формой мы согласны, но что с лжеколлективами мы будем бороться. Члены коллегий должны ехать в деревню, которая нуждается в юридической помощи. Необходимо пересмотреть вопрос о положении коллегий, разрешив его в том смысле, чтобы коллегия была непосредственно во всех отношениях подчинены только суду.

Тов. Динесман (Московск. коллегия). Мы переходим на новые формы и уже авансом говорят о том, что хороших коллективов не будет, что будут лжеколлективы. Это яркий пример недоброжелательного к нам отношения. Если говорят, что рабочему и крестьянину защита не нужна, то пусть найдут в консультацию и спросят тех рабочих и крестьян, которые пришли туда за помощью. Все советские работники хотят, чтобы защитник защищал чужое право. Но как он может это делать, когда он не знает своего права. Необходимо внести ясность в наше положение. И если мы нужны, надо создать такие условия, при которых мы могли бы работать, не унижая собственного достоинства и не теряя советского лица.

Тов. Крыленко. Выступавшие представители коллегий защитников жаловались на свое положение, но основного вопроса ни один из них не поставил. Создавшиеся отношения к членам коллегий защитников со стороны судебных работников объясняются тем, что судья видит в суде, с одной стороны, возможного преступника,

а с другой—защитника, который пришел помочь подсудимому, может быть преступнику, выйти из-под угрозы и тем самым дать ему возможность и в дальнейшем продолжать свою деятельность. Корень вещей в разнице подхода к оценке двух интересов—интересов одного лица и интересов общества. Мы не ставим вопроса об упразднении коллегии, но требуем четкого ответа не на словах, а на деле, на вопрос о том, идете ли вы в суд помогать нам устанавливать материальную истину и преследуете ли вы ту же основную задачу защиты интересов коллектива в целом. Такого ответа мы до сих пор не получили и вряд ли получим, т. к. для этого надо побороть те представления, которые еще коренятся в коллегии. Второй вопрос—о политическом лице коллегии. Нам мало общих заявлений, что вы советские люди. В политических, крупнейших процессах мы советского лица у членов коллегии не видели. Защита заявляет: дайте нам определенность, не ставьте в зависимость от усмотрения суда. Но ведь суд вправе не допустить и прокурора, и тем не менее прокуроры не требуют того права, о котором говорит защита. Мы сделали шаги к тому, чтобы втиснуть вас в работу советского суда в качестве действительного помощника суду. Но мы ставим вам два основных требования: 1) полностью упразднить право на ложь на суде и 2) в своей работе быть действительно, подлинно нашими советскими людьми.

Вечернее заседание с'езда 26 февраля посвящено было работам комиссий по докладам товарищей: Янсона, Бранденбургского и Трасковича.

Утреннее заседание 27 февраля.

Доклад мандатной комиссии.—Закрытие с'езда.

В начале заседания с'езд принимает приветствие Н. К. Крупской по случаю исполнившегося ее 60-летия.

Затем с'езд заслушивает доклад мандатной комиссии, по данным которой на с'езде присутствует 801 чел., из них: с решающим голосом: 426, с совещательным—375. В числе делегатов—42 женщины. Из числа делегатов с решающим голосом членов Партии—390 чел. или 94,7%. По образованию: с высшим юридическим образованием—78 чел., окончивших высш. юрид. курсы—42 чел., окончивших областные и краткосрочные курсы—66 чел., без юридического образования—226 чел. Среди делегатов: представителей и заместителей председателей судов—85 чел., членов судов—6 чел., уполномоченных судов—14 чел., нар. судей—60 чел., суд. исполнителей—3 чел., нотариусов—1 чел.; краевых, областных и губернских прокуроров—109 чел., участковых пом. прокурора—16, следователей—26, наркомов юстиции—15, прокурор республики—1, членов коллегии НКЮ и помощников прокурора республики—12, прокуроров при НКЮ—4, председателей и заместителей председателей верх. и главн. судов—7, членов коллегий верх. и главн. судов—32, юрисконсульты—6, членов коллегии защитников—14. 124 делегата из числа судебных работников со стажем свыше 5 лет. С таким же стажем из числа делегатов прокуроров—62 чел. Работавших в органах юстиции до революции—старых работников—19 чел. Среди делегатов 39 выдвиженцев.

После утверждения доклада мандатной комиссии с'езд принимает резолюции по докладу тов. Янсона, Бранденбургского, Трасковича. Резолюции эти печатаются ниже.

Вслед за заключительным словом тов. Янсона, подытожившего работу с'езда, с'езд под пение Интернационала закрывается.

Резолюции VI С'езда.

Резолюция по докладу Народного Комиссара Юстиции тов. Янсона.

Заслушав и обсудив отчетный доклад Народного Комиссариата Юстиции, VI С'езд прокурорских, судебных и следственных работников РСФСР целиком и полностью присоединяется к тезисам НКЮ, развитым в докладе тов. Янсона.

1. Основной задачей органов юстиции с'езд считает проведение такого рода мероприятий по административно-судебному регулированию правоотношений переходного периода, которые способствуют укреплению и развитию социалистического общества. Обеспечение такого темпа индустриализации страны, который необходим для осуществления цели догнать и перегнать передовые капиталистические страны; коренное переустройство и коллективизация сельского хозяйства, борьба за укрепление экономической независимости Союза ССР, борьба, за максимальное поднятие производительности труда и снижение себестоимости продукции; накопление валютных и иных резервов в разных областях хозяйственного строительства,—все эти задачи хозяйственного значения должны неизменно стоять в центре внимания повседневной работы органов юстиции.

2. Борьба с бесхозяйственностью, разбазариванием народного достояния, злоупотреблениями в области сбыта, нарушениями монополии внешней торговли; с нарушениями основного закона национализации земли, лежкооперативными организациями; с нарушениями трудового законодательства, эксплуатацией рабочего в городе и батрака в деревне напмановскими и кулацкими элементами; с расхлябанностью в области трудовой дисциплины всех видов; борьба с недостатками госаппарата: с халатностью, волокитой и бюрократизмом, пренебрежительным отношением к трудящимся, к просителю; наконец, борьба с прямой контрреволюцией в виде подпольных антисоветских организаций и борьба с индивидуальным кулацким террором, направляющим свою классовую ненависть против новых форм хозяйствования,—является работой органов юстиции в области осуществления основных лозунгов индустриализации и социалистического строительства и классового отпора буржуазно-капиталистическим элементам.

3. С'езд отмечает, что одна из основных директив XV С'езда об усилении борьбы с волокитой, бесхозяйственностью, распушенностью мерами строжайшего выскания в отношении работников государственного аппарата выполняется чрезвычайно слабо. Проведение закона о подчинении всех должностных преступлений общим судам запоздало. С другой стороны, не было принято мероприятий по централизованному руководству судебной борьбой с этими явлениями. С'езд подчеркивает, что только при неуклонном наблюдении за систематичностью борьбы с этими явлениями мыслимо достижение действительно реальных результатов в борьбе с этим опасным врагом социалистического строительства.

4. Одобрив мероприятия НКЮ, принимаемые им в области организационных взаимоотношений между отдельными звеньями судебно-прокурорского аппарата, в целях устранения параллелизма, несогласованности распоряжений, равно как и мероприятий чисто репрессивного характера против волокитчиков и бюрократов, одновременно С'езд указывает, что взятие под обстрел нашей печатью и советской общественностью в целом в порядке самокритики работы судебно-прокурорских органов по обвинению их в бюрократизме и волоките вызывается все еще недостаточностью этих мероприятий и категорически подчеркивает необходимость усиления этой борьбы.

5. Отмечая наличие некоторого сдвига в области работы органов юстиции в деревне, С'езд не может, однако, признать достаточными достигнутые результаты в этой области. Учитывая растущие трудности в условиях обострения классовой борьбы, которые особенно проявились за время последней избирательной кампании, С'езд острит внимание работников юстиции на новых формах сопротивления кулацких элементов и необходимости своевременного реагирования на них со стороны судебно-прокурорского аппарата; должно быть обеспечено своевременное и постоянное руководство в этой борьбе со стороны НКЮ и такая постановка работы, которая давала бы возможность систематически ее учитывать.

6. С'езд считает особо важной политической задачей работу по усилению рабочей прослойки в органах юстиции, большого вовлечения женщин и националов, а также коренизация аппарата в крайних республиках и областях. В связи с этим особое значение приобретает работа по подготовке и переподготовке кадров, начиная с квалифицированного преподавательского состава ВУЗ'ов и кончая работой с параседелами на местах при систематическом руководстве этой работы со стороны НКЮ.

7. Съезд выражает свое полное согласие с основными положениями проектируемых реформ в области карательной политики и Уголовно-Процессуального Кодекса и подчеркивает их своевременность и целесообразность. Опыт повседневной практики неуклонно убеждает каждого работника суда и прокуратуры в необходимости крутого поворота карательной политики в сторону максимального сокращения количества осужденных к краткосрочному лишению свободы вплоть до полного изжития осуждения на краткие сроки, полную своевременность коренной реформы исправительно-трудовой политики в сторону реального воплощения классового принципа, немедленной организации принудительных работ, как меры реальной репрессии, правильной организации ссылки. Съезд целиком одобряет мероприятия НКЮ, принятые им в этой области по проведению в жизнь в законодательном порядке указанных мероприятий (в частности, решительный курс, указанный в циркуляре № 5—1929 г.). Одновременно Съезд отмечает чрезвычайное запоздание с принятием этих мер и недостаточную энергию по проведению в жизнь закона о принудительных работах как со стороны НКЮ, так и его местных органов.

8. Съезд подчеркивает особую важность и принципиальность проводимой работы по приближению суда к населению путем организации примирительных камер и товарищеских судов. Съезд констатирует, что НКЮ проявил достаточную энергию и последовательность в этом вопросе. Съезд объясняет косность, непониманием и боязнью новшества со стороны работников юстиции то пассивное сопротивление, которое эта реформа встретила. Съезд считает прямой обязанностью каждого работника юстиции всячески способствовать укреплению сети этих общественных полусудебных, полутоварищеских учреждений, наиболее близких населению, являющихся в своем существе первым шагом к отмиранию официальных судов и замене их новыми формами общественной самодеятельности трудящихся строящегося социалистического общества.

9. Съезд считает необходимым констатировать за истекший год коренной сдвиг в области деятельности Народного Комиссариата Юстиции в части организационного строительства судебно-следственной и прокурорской периферии и центрального аппарата НКЮ и методов руководства. В числе безусловных достижений Съезд также отмечает резко наметившуюся линию на установление единого руководства и единого управления всей судебно-прокурорской сетью. Установку на создание общего революционного и структурного центра по обслуживанию общих функций работы обоих основных оперативных управлений Наркомата, Съезд считает правильным: двоецентризм, реально существовавшее до сих пор наверху, должно быть изжито полностью.

10. Достижением является также перенесение наркомата центра тяжести на живое руководство местами. Мартовское совещание прокурорских работников, ноябрьское совещание ответственных работников суда и прокуратуры, посещение крупнейших областей ответственными работниками НКЮ,—все эти факты свидетельствуют о повороте в области руководства. Съезд видит в этом лучший путь для достижения реальной связи периферии и центра и ознакомления НКЮ с действительным положением вещей на местах. В то же время Съезд считает необходимым отметить, что далеко не изжит еще основной дефект системы буржуазного руководства: многочисленность циркулярных предписаний, их сложность и зачастую несогласованность. В частности, обращает на себя внимание путаница, допущенная в этом году Народным Комиссариатом Юстиции с установлением форм и сроков годичной отчетности.

11. Съезд отмечает сдвиг в области установления более тесной связи работников юстиции с рабоче-крестьянскими массами и советской общественностью (административно-правовые секции Советов, нарзаседатели, работа по пропаганде права и оказание юридической помощи населению и т. п.) и категорически предлагает НКЮ озаботиться о дальнейшем усилении и развитии этой связи. Намечился более решительный переход в работе как в центре, так и на местах от формального толкования той или другой статьи закона к применению ее по существу. Съезд напоминает, что формальное исполнение закона вне зависимости от конкретных условий и времени есть прямой путь к тому, что Ленин называл исполнением закона по форме, а по существу издевательством. Съезд пре-

достерегает всех работников от такого понимания революционной законности, и всячески высказывается за поощрение инициативы по постановке перед НКЮ вопросов о недостатках действующего законодательства на основании практических указаний жизни и требований момента.

12. Съезд считает необходимым специально остановиться на взаимоотношениях судебно-прокурорских работников и печати. Признавая необходимость жесткой критики деятельности судебно-прокурорско-следственных органов со стороны печати, в целях изжития имеющихся недочетов в их работе, всячески идя навстречу установлению наиболее тесной связи с органами печати предоставлением им всех необходимых материалов, принятием на себя обязательств по ускорению расследования вскрываемых печатью злоупотреблений, в том числе и в судебно-прокурорской среде, Съезд в то же время отмечает имеющиеся случаи со стороны отдельных органов печати огульных скороспелых и преждевременных обвинений всех работников суда и прокуратуры в бюрократизме, формализме, а иной раз и в прямых преступлениях, укрывательстве преступлений, терпимости и снисходительности к преступникам и т. д., что ни в коем случае не может способствовать нормальной работе суда и прокуратуры. Печать, преследуя те же цели борьбы с язвами нашего общества, что и суд и прокуратура, должна наряду с вскрыванием их недочетов и ошибок способствовать созданию здоровой атмосферы общественного доверия и сплочению рабоче-крестьянского актива вокруг работы органов юстиции.

13. Факты, приведенные в прениях по отчетному докладу Народного Комиссариата Юстиции, указывают, что в области борьбы с местными влияниями далеко не все обстоит благополучно. С особым удовлетворением Съезд принимает заявление НКЮ о том, что каждый судебный, прокурорский работник может рассчитывать на твердую поддержку со стороны НКЮ при проведении им правильной линии в его работе. Только при неуклонной систематической поддержке со стороны центра, только при условии наличия у судебно-прокурорской периферии уверенности в этой поддержке могут быть достигнуты реальные результаты в этой области. Основной поддержкой в этой работе для работников суда и прокуратуры является XI пункт резолюции ноябрьского Пленума ЦК ВКП (б) о революционной законности. Безбоязненное отстаивание того, что является правильным, и безбоязненное принятие на себя ответственности до конца за каждое свое действие, без стремления переложить эту ответственность на иные органы, должны быть руководящей директивой для судебных работников периферии.

14. Исходя из исключительных трудностей, переживаемых страной на нынешней стадии социалистического строительства и постоянной угрозы столкновения с международным буржуазным окружением, Съезд заявляет: чрезвычайные трудности не раз уже стояли на пути нашего социалистического строительства. Они были нами преодолены. Внешняя опасность—война на фронтах извне и война на гражданских фронтах внутри стран, голод и безтоварие, глубочайшая разруха промышленности и расстройство всего народного хозяйства,—все это было рабочим классом нашей страны и широкими трудящимися массами пережито и победоносно преодолено. Основным рычагом этого преодоления было стальное единство и стальное руководство ВКП (б).

Переживаемые нами трудности роста строительства социализма еще раз заставляют подчеркнуть необходимость сохранения стального единства и стального руководства ВКП (б), как основы пролетарской диктатуры. Шатаниям, колебаниям, паникерству, сомнению не может быть места в рядах партии и в рядах работников суда и прокуратуры, осуществляющих пролетарскую репрессию, являющихся орудием классовой борьбы. Съезд заявляет от имени всех работников юстиции ЦК ВКП (б), что под нынешним руководством Центрального Комитета ВКП (б) работники юстиции положат все свои силы для успешного строительства социализма.

Резолюция по докладу Н. В. Крыленко.

Заслушав доклад тов. Крыленко об основных принципах переработки УК, VI Всероссийский Съезд работников юстиции считает совершенно своевременной указанную переработку и целиком одобряет принципиальную установку тезисов НКЮ. Съезд поручает Коллегии

НКЮ разработать на основе этих тезисов проект УК и подвергнуть его широкому обсуждению трудящихся, после чего внести на окончательное рассмотрение в законодательные учреждения.

Резолюция по докладу Я. Н. Бранденбургского.

По докладу т. Бранденбургского С'езд постановляет: проект Уголовно-Процессуального Кодекса одобрить, внесенные комиссией С'езда поправки и передать в Коллегию НКЮ для учета при окончательном отредактировании проекта.

Резолюция по докладу тов. Трасковича.

Тезисы НКЮ по исправительно-трудовой политике одобрить.

Резолюция по докладу П. И. Стучка.

Заслушав информационный доклад П. И. Стучка, признать, что:

1. Шестилетняя судебная практика РСФСР по применению Гражданского Кодекса, в связи с теоретической постановкой вопросов гражданского права, настолько разработала и выявила правовой характер имущественных отношений настоящего переходного к социализму периода, что мы имеем все необходимые элементы для составления нового Гражданского Кодекса.

2. Ныне существующий Кодекс во многих отношениях настолько не соответствует условиям и требованиям жизни, а в то же время накопившиеся бесчисленные разъяснения настолько затрудняют понимание этого права, что издание нового Гражданского Кодекса стало ударной задачей ближайшего будущего.

3. Настоящий этап социалистического строительства, согласно постановлениям XIV и XV С'ездов ВКП(б) и на основании данных имеющейся у нас практики, дает возможность более четко определить задачи Г. К. и очистить его от отживших абстрактных формул буржуазного права.

4. Учитывая все возрастающие размеры внутриорганизационного регулирования производства и обмена в социалистическом секторе хозяйства, необходимо эти вопросы изъять из области гражданского права и суда, выделив их в особое хозяйственно-административное право, вместе с тем сократить и упростить наше общегражданское право.

5. Гражданский Кодекс должен охватить все правовое регулирование имущественных отношений переходного периода, упростить наше гражданское право, внести в него все выявившиеся необходимые дополнения, освободить его от чисто технических правил организации, внутреннего регулирования и т. д. Он должен быть изложен простым и популярным языком, понятным рабочему—нарсудье или нараседаателю и вообще любому рабочему и крестьянину, а не являться только достоянием юриста-специалиста.

Приветствия

В Центральный Комитет ВКП(б).

6-й С'езд работников юстиции шлет горячий привет Центральному Комитету Партии, твердо и неуклонно проводящему заветы Ленина, охраняющему стальное единство нашей партии, основу диктатуры пролетариата.

С'езд проходит под знаком мобилизации сил работников суда и прокуратуры вокруг разрешения основных задач, выдвинутых XV С'ездом партии и ноябрьским Пленумом ЦК.

С'езд отдает себе отчет в том, какие большие серьезные задачи ложатся на органы юстиции в нынешних условиях обострения классовой борьбы в деревне.

С'езд заверяет Центральный Комитет, что как явные, так и замаскированные формы террора, к которым прибегают кулацкие и прочие антисоветские элементы, будут встречать твердое, неумолимое противодействие и пресечение со стороны органов юстиции. Охрана интересов деревенской бедноты и батрачества, обеспечение необходимых условий для социалистического строительства, неуклонная забота об интересах пролетариата еще в большей мере чем до сих пор должны стать предметом повседневной практики нашей работы.

Соблюдение революционной законности, как одного из стимулов для развития производительных сил, охрана и защита социалистического сектора от всех посягательств, попыток вредительства со стороны антисоветских элементов, использование предоставленных законом прав обуздания капиталистических тенденций—задача работы суда и прокуратуры как в городе, так и в деревне.

Органы суда и прокуратуры будут и впредь с неослабным вниманием следить за директивами партии и приложат все усилия к тому, чтобы стать одной из прочных опор партии в деле борьбы с проникающими через отсталые новые слои рабочего класса деревенских настроений, являющихся помехой работе по социалистической рационализации производства и снижению себестоимости продукции. Злоупотребления и нарушения трудовой дисциплины со стороны отсталых слоев рабочих, и некоторой части административно-технического персонала должны встречать должный отпор и по линии юстиции.

Огромная задача по очистке советского аппарата от всех чуждых разложившихся бюрократических элементов встретит должную поддержку и помощь со стороны всех органов юстиции и каждого судебно-прокурорского работника в отдельности.

VI С'езд, собравший сотни работников юстиции из городов и деревень РСФСР, обязуется вскрыть все недочеты, имеющие место в работе органов юстиции, внимательно обсудить и наметить дальнейшую практику работы, которая обеспечит успешное и полное проведение директив партии.

По поручению С'езда Президиум.

Реввоенсовету СССР.

VI С'езд работников юстиции РСФСР в день славной XI годовщины Красной армии шлет горячий привет Реввоенсовету и бойцам Красной армии и флота. Работники юстиции, собравшись обсудить и наметить свои дальнейшие задачи, ни на одну минуту не забывают о той обязанности, которая лежит на работниках юстиции в области проведения мероприятий, намеченных Советской властью по обеспечению льготами семей красноармейцев. Красная армия была и будет стражем по охране красных границ нашего Союза и вместе с рабочими и крестьянами пойдет по ленинскому пути для осуществления ленинских заветов. Еще не рассеялись черные тучи войны над Советским Союзом, ибо рост и успехи великой социалистической стройки не дают покоя нашим врагам, а это ставит задачу перед Красной армией еще большей связи с рабочими и крестьянскими массами. А мы, работники юстиции учитываем, что каждый успех в области сельского хозяйства и промышленности и те задачи, которые поставила Партия XV С'ездом, вызывают вой и сопротивление антисоветских элементов, особенно в деревне, а потому работники юстиции следили и будут зорко следить и присекают всякие попытки сорвать дело строительства социализма. Свою дальнейшую работу и те задачи, которые наметит наш VI С'езд, будем проводить также энергично, как проводили до сих пор, зная, что Красная армия зорко следит за врагами Советского Союза.

Да здравствует Реввоенсовет! Да здравствует вождь Красной Армии тов. Ворошилов! Да здравствуют бойцы Красной армии и флота

По поручению С'езда Президиум.

17-й губпартконференции.

Присходящий в Москве VI Всероссийский С'езд работников юстиции шлет свой пролетарский привет 17 Московской губпартконференции и от лица всех работников Советского суда, прокуратуры и следствия заявляет, что в настоящих условиях обострения классовой борьбы органы юстиции проявят четкую политическую линию в деле укрепления диктатуры пролетариата и, под руководством единой монолитной ленинской коммунистической партии, будут вести дальнейшие бои за революционную законность, это мощное орудие классовой борьбы в руках строящего социализма рабочего класса, и будут активно бороться против всякой политики сорвать или задержать строительство социализма в нашей стране. Да здравствует ВКП(б)! Да здравствует ее ленинский ЦК! Да здравствует 17 Московская губпартконференция!

По поручению С'езда Президиум.

Надежде Константиновне Крупской.

Мы, работники юстиции, на которых пролетарское государство возложило в первую очередь борьбу с язвами и искривлениями переходного времени, сугубую охрану интересов трудящихся в большем числе, особенно чтим и любим в Вас, дорогая Надежда Константиновна, неутомимого борца за это дело. Прекрасный пример Вашей личной жизни настоящего большевика-революционера за-

каляет мужество тысяч и тысяч работников суда и прокуратуры.

От имени VI Съезда прокурорских, судебных и следственных работников РСФСР разрешите Вас заверить, дорогой товарищ, что мы будем неуклонно проводить в своей повседневной практической работе заветы Владимира Ильича, нашего общего друга, учителя и вожди.

По поручению VI Съезда прокурорских, судебных и следственных работников РСФСР Президиум.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

СОДЕРЖАНИЕ: Инструкция по применению принудработ. Товарищеское письмо. Циркуляры НКЮ №№ 17 и 20.

«По согласованию с НКЮ РСФСР, на основании постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 21 мая 1928 г. утверждается»

Нар. Ком. Внутр. Дел РСФСР В. Толмачев.
28 ноября 1928 г.

ИНСТРУКЦИЯ

По применению принудительных работ без содержания под стражей.

I.

Учреждения, ведающие организацией и проведением принудительных работ.

1. Бюро принудительных работ состоит при административном отделе краевого (областного), губернского и окружного исполнительного комитета на правах отдельной его части и действует в соответствии с правилами, изложенными в главе IV Исправительно-Трудового Кодекса и изданными в ее развитие инструкциями, распоряжениями и указаниями НКВД, под общим руководством исполнительного комитета, который осуществляет это руководство через соответствующий административный отдел по исправительно-трудовой части.

Примечание 1. В автономных областях, не имеющих губернского деления, бюро состоит при адм. отделе областного исполнительного комитета на тех же началах, как губернное бюро—при административном отделе губернского исполнительного комитета.

Примечание 2. Краевые (областные) бюро образуются по особому постановлению соответствующего президиума исполнительного комитета в случае, когда, по масштабу действительного применения принудительных работ в крае (области), общему аппарату административного отдела по исправительно-трудовой части окажется затруднительным осуществлять общее руководство данной работой.

2. Вне губернского (окружного) центра организуются отделения бюро при находящихся в уездах и районах местах заключения.

Отделение бюро действует в соответствии с правилами, указанными в ст. 1 настоящей инструкции, под руководством подлежащего административного отдела, согласно указаниям вышестоящего административного отдела, по исправительно-трудовой части.

3. В тех местностях, где нет места заключения, организацией и проведением принудительных работ ведают на правах отделений бюро принудительных работ: а) в уездных центрах—уездные административные отделы, под руководством уездного исполнительного комитета; б) в районных центрах—районные административные отделения, под руководством районного исполнительного комитета; в) в волостных центрах—волостные исполнительные комитеты; г) в сельских местностях—сельские советы под руководством и наблюдением районных административных отделений или волостных исполнительных комитетов; д) в заштатных безуездных городах—городские советы.

Общее руководство деятельностью перечисленных в настоящей статье учреждений по организации принудительных работ осуществляется вышестоящими исполни-

тельными комитетами, которые проводят все свои мероприятия через соответствующие административные отделы и административные отделения.

Примечание. При организации принудительных работ указанные в настоящей статье учреждения действуют в соответствии с правилами, изложенными в главе IV Исправительно-Трудового Кодекса, и изданными в ее развитие инструкциями, распоряжениями и указаниями НКВД.

II.

Штаты бюро и отделений бюро принудительных работ.

4. Непосредственно руководит работой бюро и осуществляет мероприятия по организации принудительных работ заведующий бюро, которого назначает начальник соответствующего административного отдела.

5. Штаты для обслуживания работы бюро устанавливаются начальником адм. отдела, в пределах действительной потребности бюро в канцелярских, счетных и иных работниках, и утверждаются президиумом соответствующего исполнительного комитета.

Примечание. По соображениям целесообразности допускается выполнение работы по бюро в порядке совместительства.

6. Непосредственное руководство работой отделений бюро при местах заключения и осуществления в соответствующих местах мероприятий по организации принудительных работ возлагается на начальников мест заключения.

7. Учреждения, действующие на правах отделений, для непосредственного руководства и осуществления мероприятий по организации принудительных работ выделяют из своего состава лицо на правах заведующего отделением.

8. Для отделений и учреждений, действующих на правах отделений, отдельные штаты устанавливаются лишь в случаях невозможности возложить работу на сотрудников данного учреждения в порядке совместительства.

9. Вознаграждение сотрудникам, назначенным для работы в порядке статьи 5 настоящей инструкции, устанавливается в размерах местных ставок для гос. учреждений.

10. Оплата работы по совместительству производится в зависимости от объема работы в размере от 10 до 50% ставки по основной должности.

11. Все расходы, связанные с организацией принудительных работ, покрываются за счет поступлений от этих работ.

Примечание. Сметы расходов учреждений, ведающих организацией принудительных работ, утверждаются президиумом соответствующего исполнительного комитета.

III.

Предметы ведения бюро и отделений бюро принудительных работ.

12. На бюро, отделения и учреждения, действующие на правах отделений, возлагается: а) учет лиц, которым назначены принудительные работы, направляемых к ним

для приведения в исполнение приговора или постановления; б) организация на хозяйственном расчете предприятий и мастерских и организация общественнополезных работ для использования труда лиц, отбывающих принудительные работы без содержания под стражей; в) назначение на работы состоящих на их учете лиц, которым назначены принудительные работы; г) общее наблюдение за соблюдением принудительными работниками установленных в отношении их правил на время отбывания ими принудительных работ; д) перевод принятых на учет принудительных работников в другие бюро и отделения для отбывания принудительных работ по месту жительства.

Примечание 1. Краевые и областные бюро ведают инструктированием органов, осуществляющих принудительные работы без содержания под стражей, контролем над их деятельностью и планированием таковой, а также ведут оперативную работу по пункту «б» статьи 12 настоящей инструкции.

Примечание 2. Губернское (окружное) бюро ведает непосредственно работой, указанной в ст. 12 настоящей инструкции, только в пределах города, являющегося губернским (окружным) центром; по соответствующему уезду (району) эта работа ведется под руководством соответствующего уездного адм. отдела (районного адм. отделения).

Примечание 3. Предприятия и мастерские, организованные согласно п. «б» ст. 12 настоящей инструкции, находятся в непосредственном ведении заведующего бюро или отделения бюро или лица, им назначенного для управления данным предприятием и действующего по его доверенности.

Эти предприятия и мастерские действуют по общим правилам, установленным для госпредприятий, применительно к инструкциям НКВД по рабочим частям м. а.

Предприятия эти и мастерские работают под контролем соответствующего административного отдела по исправительно-трудовой части.

IV.

Учет лиц, подлежащих отбыванию принудительных работ, и назначение их на работы.

13. На учет бюро (отделений и учреждений, действующих на правах отделений) направляются лица, которым принудительные работы без содержания под стражей назначены судебными приговорами и административными постановлениями, или которым дальнейшее лишение свободы заменено принудительными работами без содержания под стражей.

Примечание. Военнослужащие рядового и младшего начальствующего состава РККА, которым назначены принудительные работы, на учет учреждений, ведающих организацией принудительных работ, не принимаются (примечание к ст. 30 УК 1926 г.).

14. Прием на учет явившегося принудительного работника производится при наличии соответствующего приговора или постановления, в котором должно быть обозначено: наименование учреждения, вынесшего приговор или постановление, год, месяц, число вынесения, фамилия, имя, отчество принудительного работника, его социальное и имущественное положение, место его жительства и место его происхождения, срок назначенных принудительных работ.

Примечание. В случае, если в приговоре или постановлении отсутствуют какие-либо из перечисленных выше сведений, регистрация явившегося принудительного работника все же производится с тем, что одновременно посылается запрос учреждению, вынесшему приговор или постановление, о дополнении такового.

15. Регистрация принимаемого на учет принудительного работника производится по правилам, изложенным в инструкциях НКВД по ведению делопроизводства и учета по принудительным работам для бюро и отделений и уездных, районных и волостных исполнительных комитетов (изд. 1927 г.).

Примечание. Моментом принятия на учет считается день регистрации явившегося на учет принудительного работника. Начало отбывания срока работ считается согласно ст. 24 настоящей инструкции.

16. Лицо, подлежащее отбыванию принудительных работ, обязано явиться для принятия его на учет в учреждение, ведающее организацией принудительных работ, по месту своего жительства, не позднее 2 недель, для принудительных работ по судебным приговорам—со дня вступления приговора в законную силу, а для принудительных работ по административным постановлениям—со дня вручения постановления.

17. Учреждение, вынесшее приговор или постановление о принудительных работах, должно направить копию его для приведения в исполнение непосредственно в учреждение, ведающее организацией принудительных работ, по последнему месту жительства принудительного работника.

18. В случае неявки принудительного работника на учет в указанный в ст. 16 срок или по вызову повесткой учреждения, ведающего принудительными работами, последнее подвергает его принудительному приводу при содействии милиции или сельских исполнителей (в сельских местностях).

При этом, если неявка принудительного работника на учет не имела уважительных причин, он рассматривается, как уклоняющийся от отбывания принудительных работ, и должен быть подвергнут взысканию по ст. 41 Исправительно-Трудового Кодекса.

Уважительность причин определяется заведующим учреждением, где данное лицо состоит на учете, по рассмотрении обстоятельств неявки, с вынесением письменного постановления.

Примечание. В случае, если в приговоре или постановлении отсутствуют сведения, указанные в ст. 14 настоящей инструкции, и это препятствует возможности произвести вызов или розыск принудительного работника, приговор или постановление возвращается вынесшему его учреждению для дополнения.

19. В случае неявки принудительного работника, не находящегося, по наведенным справкам, в месте своего постоянного жительства, учреждение, ведающее принудительными работами, сообщает для производства розыска уголовному розыску о лицах, присужденных к принудительным работам по приговору судов, и милиции о лицах, подвергнутых принудительным работам по административным постановлениям, и, кроме того, сообщает о неявившихся для сведения учреждению, вынесшему приговор или постановление.

Розыск принудительных работников со сроком работ менее 6 месяцев производится местный—в пределах города, района, волости—по месту их постоянного жительства и их происхождения, а со сроком свыше 6 месяцев—общереспубликанский.

Как местный, так и республиканский розыск производится согласно общим правилам НКВД о производстве данного вида розыска.

Примечание. В случае, если скрывшийся принудительный работник будет разыскан не по месту его жительства и нахождения учреждения, принявшего его на учет, то он доставляется в ближайшее к месту, где он был разыскан, учреждение, ведающее принудительными работами, и это последнее должно истребовать его дело из учреждения, где данный принудительный работник состоял на учете до того, как он скрывается.

20. В случае добровольной явки разыскиваемого или доставления принудительным порядком, сообщается подлежащему учреждению уголовного розыска или милиции для прекращения розыска, а также учреждению, вынесшему приговор или постановление, для сведения.

21. В случае нерозыска скрывшегося принудительного работника в установленный общими правилами НКВД срок для данного вида розыска, уголовный розыск или милиция сообщают об этом в подлежащее учреждение, ведающее принудительными работами, которое в свою очередь сообщает об этом же учреждению, вынесшему приговор или постановление, приговор или постановление хранятся в делах данного учреждения, ведающего принудительными работами.

Примечание. Вопрос о прекращении дела о скрывшемся принудительном работнике и о сдаче его дела в архив возбуждает по истечении срока давности в общем порядке учреждение, ведающее принудительными работами, в котором данный принудительный работник состоял на учете.

22. В случае, если лицо, принимаемое на учет, окажется нетрудоспособным вследствие хронической болезни или инвалидности, удостоверенных соответствующим медицинским свидетельством, об этом сообщается учреждению, вынесшему приговор или постановление, и возбуждается ходатайство о замене принудительных работ другой мерой социальной защиты или другим видом административного взыскания, при этом время пребывания на учете не подлежит зачету в срок меры, назначенной взамен принудительных работ.

23. Назначение на работу производится с соблюдением правил, изложенных в ст. 23 Исправительно-Трудового Кодекса, одновременно с принятием на учет, за исключением случаев невозможности назначить на работу—за отсутствием таковой или за болезнью лица, принимаемого на учет.

При назначении на работу должны быть даны принудработнику точные указания о месте работы, а также о дне и часе обязательной явки на работу и сделано предупреждение, что при опоздании на явку половина дня не будет зачтена.

Работа должна быть назначена по возможности на весь срок определенных данному принудработнику приговором или постановлением принудительных работ, а в случае невозможности назначить на работу такой продолжительности и при сроке не менее 1 месяца допускается назначение на работу меньшей длительности с тем, что на остаток определенного приговором или постановлением срока будет дано дополнительное назначение.

В случае же невозможности вообще назначить на работу за отсутствием таковой, учреждение, принявшее на учет принудработника, должно назначить ему определенный срок явки на работу не более, чем через один месяц, или производить назначение на работу, в порядке последующих вызовов, с тем, однако, условием, чтобы эти вызовы производились не реже одного раза в месяц для тех, кому принудительные работы назначены судебными приговорами, и не реже одного раза в две недели для тех, кому они назначены административным постановлением.

Принудработника, уже отбывшего часть определенного ему срока принудительных работ по назначению учреждения, в котором он состоит на учете, последнее может вызывать после того только один раз для назначения работ на оставшуюся часть срока; такой вызов должен быть произведен не более двух недель со дня окончания данным лицом работы, назначенной ему на часть срока, и этот вызов по последствиям (ст. 24 настоящей инструкции) приравнивается ко второму вызову.

Примечание. Лицо, явившееся по вызову для назначения на работу и заявившее о невозможности явиться немедленно на работу по болезни, направляется во врачебно-экспертную комиссию, к врачу места заключения или к контрольному врачу для освидетельствования, при чем этот вызов его аннулируется.

24. Началом срока отбывания принудительных работ для лица, отбывшего принудительные работы по месту службы или работы по найму, считается день получения предприятием или учреждением, где служит или работает по найму данное лицо, извещения учреждения, взявшего данного принудработника на учет, о взятии его на учет.

Для лиц, не работающих по найму, началом срока отбывания принудительных работ считается день явки на работу, назначенную им учреждением, принявшим их на учет.

Если же принудработник, принятый на учет, не был назначен на работу ни в день принятия его на учет, ни в последующие два вызова его (см. ст. 23 настоящей инструкции), то время, истекшее со дня второго вызова по день назначения на работу, засчитывается в срок отбывания работ, и началом отбывания работ считается день явки принудработника по второму вызову в учреждение, принявшего его на учет.

25. Занимающиеся сельским хозяйством и подлежащие отбыванию принудительных работ крестьяне-бедняки, а также середняки, в хозяйстве которых нет другого работника, не могут быть назначаемы на принудительные работы в течение трехмесячного периода важнейших сельскохозяйственных работ (страдная пора); сроки этого периода, который может быть и несплошным, устанавли-

ваются, в зависимости от местных условий, окружными и уездными исполнительными комитетами.

В этом случае начальный срок отбывания принудительных работ переносится на время по истечении указанного периода.

Состояние на учете в эти периоды без назначения на работы в срок отбывания работ не засчитывается, и соответственно изменяются предельные сроки вызовов, указанные в ст. 23 настоящей инструкции.

Примечание. Принадлежность к числу бедняков или середняков, а также отсутствие в хозяйстве середняка другого работника, удостоверяется сельсоветом.

26. В случае, если в приговоре или постановлении назначенный срок принудительных работ исчислен в днях (сутках), лицо, которому назначены принудительные работы, должно отбывать их в течение того количества рабочих дней, которое значится в приговоре суда или постановлении адм. органа; дни отдыха и праздничные в счет назначенного срока работ не идут.

В случае, если в приговоре или постановлении назначенный срок принудительных работ исчислен не в днях (сутках), а в неделях или месяцах, дни отдыха и праздничные, приходящиеся между теми рабочими днями, когда принудработник находится на работе, засчитываются в счет назначенного срока работ.

27. Работающие по найму лица, независимо от назначенного им приговором или постановлением срока работ, при принятии их на учет направляются на работу по месту своей службы или работы по найму, за исключением тех случаев, когда в приговоре имеется специальное определение суда, не допускающее отбывания работ по месту службы или работы по найму.

В этих последних случаях они направляются на работу в порядке, указанном ниже (ст.ст. 29—31), в зависимости от срока работ.

Примечание 1. Лицам, откомандированным для отбывания работ по месту службы или работы по найму, должны выдаваться временные трудовые карточки, которые они обязаны представить по месту своей службы или работы для производства отчислений от их зарплаты в кассу откомандировавшего их учреждения, ведающего принудработами, а также для отметок о производимой ими работе—для учета отбывания работ; кроме того, отдельно и непосредственно посылается по месту службы или работы извещение об откомандировании.

Примечание 2. Указанные выше лица отбывают принудительные работы по месту своей службы или работы по найму, пока наниматель в порядке, предусмотренном Кодексом Законов о Труде, не прекратит действие трудового договора с данным лицом, о чем он обязан известить учреждение, откомандировавшее данное лицо к нему на работу; об этой обязанности нанимателя должно быть указано в извещении (прим. 1 к ст. 27 настоящей инструкции), посылаемой ему одновременно с откомандированием к нему данного принудработника.

Примечание 3. Отобрание у принимаемого на учет принудработника его личных документов (удостоверений личности, профессионального билета, воинского билета и пр.) не допускается.

Примечание 4. Если принудработник оставит работу по месту службы или работы по найму, вследствие прекращения трудового договора ранее истечения назначенного ему срока принудработ, то он обязан явиться в учреждение, принявшее его на учет, для назначения на другую работу. Об этой обязанности ему должно быть объявлено при направлении на работу. В случае неявки своевременно без уважительных причин он рассматривается, как уклоняющийся от работ, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

28. Лицо, уклоняющееся от отбывания принудработ, подвергается взысканию по статье 41 Исправительно-Трудового Кодекса.

В случае назначения взыскания по п. «в» ст. 41 Исправительно-Трудового Кодекса (арест), время, проведенное принудработником под арестом по п. «в» ст. 41 Исправительно-Трудового Кодекса, является самостоятельной ме-

рою взыскания и не может быть зачтено в срок отбывания принудительных работ.

Примечание. Взыскание по п. «в» ст. 41 Исправительно-Трудового Кодекса (арест) может быть налагаемо не свыше двух раз.

В случае, если учреждение, ведающее принудительными работами, применив п.п. «а», «в» ст. 41 Исправительно-Трудового Кодекса, признает бесполезным дальнейшее применение дисциплинарных взысканий, оно возбуждает ходатайство перед учреждением, вынесшим приговор или постановление, о замене меры социальной защиты.

29. Лица, не работающие по найму, которым назначены принудительные работы на срок не свыше 6 месяцев, принятые на учет, отбывают работы по месту своего жительства или в пределах того города или района, где они проживают, но не далее 10 километров от места их жительства, и направляются на работу в предприятия и мастерские мест заключения или мастерские, организованные бюро или отделением в порядке п. «б» ст. 12 настоящей инструкции.

В случае невозможности использовать их на указанных выше работах, они направляются на работы в другие учреждения, предприятия и организации—по договоренности бюро или отделений с этими последними.

Примечание. Принудительный, взятый на учет учреждением, находящимся в месте, в котором он имеет временное место жительства, может быть по его заявлению откомандирован для отбывания принудительных работ по месту его постоянного жительства с передачей на учет соответствующего учреждения, ведающего принудительными работами.

30. Не работающие по найму лица со сроком менее 6 месяцев, принятые на учет учреждениями, ведающими принудительными работами, направляются также, особенно вне городов, на производящиеся в данном районе работы, имеющие общественнополезное значение (проведение и ремонт мостов, гатей, дорог, постройка и ремонт больниц, школ, детдомов, агрономических и ветеринарных пунктов, изб-читален и др. зданий общественного значения, заготовка топлива для них, борьба с оврагами, древонасаждение и очистка лесов, дренажирование и осушка болот и иные мелиоративные работы, а также другие трудоемкие работы, требующие для своего исполнения массового, по преимуществу неквалифицированного труда), и в комитеты крестьянских обществ взаимопомощи для направления на работы в красноармейские и маломощные крестьянские хозяйства.

Учреждение, у которого состоит на учете принудительный, в случае надобности по роду работ имеет право обязать принудительного работника явиться с своим живым и мертвым инвентарем и инструментом.

При обязанности принудительного работника явкой с инвентарем, он должен явиться с одной подводой или одними санями, смотря по сезону, или с с.-х. орудием, смотря по роду работ, и одной трудоспособной лошадью (одна мужская единица), или с тем количеством тяговой силы (например, волов), которое в данной местности обычно считается на одну подводу и проводника, как одна мужская единица.

Работа тяговой силы (лошади, волов), доставленной принудительным работником, учитывается согласно урочному положению или иным нормам, установленным местным отделом труда, исходя из расчета сравнительной стоимости найма в данной местности в данное время года поденщика без инвентаря и поденщика с лошадью и подводой; при этом число дней принудительных работ, назначенных приговором или постановлением, уменьшается по указанному расчету в случае, если принудительный работник назначен на работу с своим инвентарем.

Примерный расчет таков: если в данной местности в данное время года заработная плата поденного неквалифицированного рабочего равна одному рублю, а поденщина одной подводой с одной лошадью и проводником стоит 2 р. 50 коп., а с двумя лошадьми—3 р. 50 к., то один день работы принудительного работника с одной своей лошадью и подводой засчитывается за два с половиной дня работы без своего инвентаря, а один день работы принудительного работника с двумя лошадьми и подводой засчитывается за три с половиной дня работы без своего инвентаря.

Привод с собой принудительным работником других лиц, в качестве помощников (или проводников при подводах), не допускается.

Примечание 1. За свой инвентарь и инструмент, с которым обязанное к тому лицо, отбывающее принудительные работы, является на работу, оно не получает никакого вознаграждения; беднякам и середнякам, по их требованию, возмещается в натуре расход фуража для их личного инвентаря по существующим местным нормам или же уплачивается его стоимость по местным ценам.

В этом случае соответственно изменяется расчет, указанный в ст. 30 настоящей инструкции, например, при стоимости поденщины с подводой и одной лошадью в 2 р. 50 к. она считается в 2 р., если стоимость фуража на одну лошадь в день равна 50 коп. в данной местности; в этом случае бедняку и середняку один день работы с одной его лошадью и подводой будет считаться не за два с половиной дня срока, а только за два.

Примечание 2. Учреждение, в котором принудительный состоит на учете, в отдельных случаях имеет право, по особому письменному постановлению, устанавливая для отбывающих принудительные работы бедняков и середняков, приговоренных на сроки свыше одного месяца, сокращенный рабочий день в половину его нормальной продолжительности; в этих случаях сокращенный рабочий день засчитывается за полный день срока работ.

31. Лица, которым назначены принудительные работы на срок свыше 6 месяцев, как не работающие по найму, так и работающие по найму, в отношении которых имеются специальные определения судов, препятствующие оставлению их на работе по месту службы или работы по найму, должны, как правило, направляться на работу в организованные, в порядке п. «б» ст. 12 настоящей инструкции, предприятия и мастерские, находящиеся в том округе, уезде или районе, где эти лица проживают.

В случае невозможности использовать их на указанных выше работах по месту жительства, они могут назначаться на работу в предприятия и мастерские, находящиеся вне пределов данного округа, уезда или района. В этом случае переезд их на место назначения работы и обратно на место жительства обязательно оплачивается за счет средств, поступающих от принудительных работ.

В случае отсутствия свободных мест в указанных предприятиях в пределах округа и смежных округов, принудительные данной категории назначаются на работы в порядке ст. 30 настоящей инструкции.

Примечание 1. Лицам, назначенным на работу в порядке настоящей статьи вне места их жительства, должны предоставляться на месте работы жилище и питание, а в необходимых случаях и спецодежда—за счет средств, поступающих от принудительных работ; пользование этим жилищем и питанием и спецодеждой для принудительного работника необязательно.

Примечание 2. Отбывающие принудительные работы без содержания под стражей женщины, начиная с пятого месяца беременности, а также кормящие, независимо от срока работ, не могут посылаться на работы вне своего постоянного места жительства без их согласия на это.

32. При организации принудительных работ (ст. 29—31) согласование с органами НКТруда не требуется в отношении труда принудительных работников в случае, когда они работают бесплатно или когда работа производится в порядке сметных ассигнований, специально рассчитанных на труд принудительных работников.

V.

Условия труда лиц, отбывающих принудительные работы.

33. На лиц, отбывающих принудительные работы по месту службы или работы по найму, распространяется полностью Кодекс Законов о Труде, при чем наемателем считается лицо или учреждение, у которого они продолжают начатую по трудовому договору работу.

34. На лиц, отбывающих принудительные работы не по месту своей службы или работы по найму, распространяются только нижеследующие статьи Кодекса Законов

о Труде: 94 (без примечания), 95 (без п. «б»), 100, 103, 104 (без примечания), 105—109, 111, 112 и 113 (до слов: «при чем эти дни...»), 129—134, 136 (без ссылки на ст. 135), 138—141, 142 (без примечания), 143, 144 и издаваемые в развитие этих статей постановления Народного Комиссариата Труда.

Примечание 1. Лица, работающие по найму и отбывающие принудительные работы без содержания под стражей по месту своей службы или работы по найму, подлежат социальному страхованию на общих со всеми застрахованными основаниях.

Примечание 2. Страховые взносы за указанных в ст. 33 настоящей инструкции лиц уплачиваются теми учреждениями, предприятиями и хозяйствами, где данное лицо работает или служит по найму, с полной суммы его заработной платы, включая и ту часть ее, которая удерживается и обращается в доход органа, ведающего принудительными работами без содержания под стражей.

Примечание 3. Выплата пособий по всем видам временной утраты трудоспособности лицам, указанным в ст. 33 настоящей инструкции, производится из расчета всей заработной платы, причитающейся им по трудовому договору (колдоговору, тарифному соглашению).

Примечание 4. Все другие, кроме указанных в ст. 33 настоящей инструкции, лица, отбывающие принудительные работы без содержания под стражей, социальному страхованию не подлежат.

Примечание 5. В случае, если принудительный из числа трудящихся в момент вынесения приговора или постановления не состоял на службе или работе по найму, а к моменту принятия на учет или назначения ему работы учреждением, ведающим принудительными работами, поступил на службу или работу по трудовому договору, он отбывает принудительные работы по месту полученной им службы или работы по найму, за исключением лиц, которым назначены принудительные работы на срок свыше 6 месяцев вне места их жительства.

В случае возникновения у заведующего учреждением, в которое принудительный поступает на учет или в котором он состоит на учете, сомнений в действительности такого трудового договора, на который ссылается принудительный, последний обязан представить удостоверение месткома по месту службы или работы по найму или иного органа, имеющего соответствующие задачи.

35. Занятым на работах принудительным должен предоставляться во время работы для еды и для отдыха перерыв на тех же основаниях, какие установлены для других работающих на данных работах.

36. Принудительные, находящиеся на учете учреждений, ведающих принудительными работами, не имеют права без их разрешения переходить на др. работу и могут перемещать место жительства вне пределов данного населенного пункта только с разрешения принявшего их на учет учреждения, ведающего принудительными работами.

37. Отпуска по болезни и материнству предоставляются распоряжением учреждения, ведающего принудительными работами, в котором данное лицо состоит на учете, по удостоверениям врачей мест заключения, врачебно-контрольных врачей, а в сельских местностях—по свидетельствам соответствующих медицинских учреждений.

Примечание 1. Отпуска по семейным и домашним обстоятельствам (смерть ближайших родственников, раздел и т. п.), предоставляются распоряжением учреждения, в котором данный принудительный состоит на учете.

Примечание 2. Отпуска в срок принудительные не засчитываются.

38. Лица, отбывающие принудительные работы по административным постановлениям не по месту своей службы или работы по найму, отбывают их во всех случаях бесплатно.

Лица, отбывающие принудительные работы по приговорам судов не по месту работы или службы по найму, отбывают их, как правило, бесплатно, но в отдельных случаях, когда в приговорах судов установлена их плат-

ность, они получают за свою работу вознаграждение в размере госминимума для данной местности.

Примечание. Расходы на проезд принудительного из дома на место работы и обратно возмещаются ему по особому распоряжению заведующего бюро или отделением или заведующего соответствующим предприятием бюро лишь в случае, если работа данного принудительного достаточно продуктивна и этот расход представляется хозяйственно-целесообразным.

39. В качестве меры поощрения в случаях, когда это представляется хозяйственно-целесообразным по продуктивности труда данного принудительного из среды трудящихся, заведующий бюро (отделением или учреждением, действующим на правах отделения) имеет право выдавать ему талоны на обед, сокращать рабочий день до половины его нормальной продолжительности (при сроке работ свыше месяца), а также выплачивать денежное вознаграждение.

40. При назначении на работы, организуемые учреждениями, ведающими принудительными работами, обязательно назначение нормы выработки и проведение в самой широкой мере урочности, с тем, что, в случае выполнения работы ранее назначенного срока, может быть по распоряжению лица, ведающего данными работами, допускаем отпуск принудительного с работы ранее истечения конца рабочего дня.

Как правило, надо вести учет работ не временем работы, а исполненной по уроку сдельной работой.

Нормы выработки должны устанавливаться средние, принятые для данных работ по постановлениям отделов труда или применяемые в госучреждениях, где такие работы являются основными.

Примечание. Во всех случаях работа должна быть исполнена самими принудительными, его единичной работой или его работой с живым инвентарем.

41. Во всех случаях поощрения принудительного (ст.ст. 39—40), кроме количества исполненной работы, должно быть принимаемо во внимание и качество выполнения.

При качестве работы ниже среднего, поощрение не выдается, а при работе заведомо недобросовестной налагается дисциплинарное взыскание.

42. Лицо, отбывающее принудительные работы по месту службы или работы по найму, получает на руки за время отбывания им принудительных работ из своей заработной платы сумму, равную 50 (пятидесяти) процентов его зарплаты, а если в приговоре суда имеется постановление о выплате ему большего процента зарплаты, то сумму согласно этому постановлению суда.

Вся оставшаяся сумма, причитающаяся ему, как заработная плата, поступает в учреждение, откомандировавшее его на работу, за исключением сумм, причитающихся принудительному, как вознаграждение за сверхурочную работу или как нагрузку за работу, исполняемую вне нормального рабочего времени.

VI.

Фонд принудительных работ.

43. Учреждения, предприятия и прочие организации и лица, у которых данное лицо отбывает принудительные работы по месту службы или работы по найму, обязаны удерживать указанные в ст. 42 отчисления и выплачивать их периодически в сроки, установленные для выплаты зарплаты, бюро или отделение бюро, принявшему на учет данного принудительного и сообщившему об этом данному учреждению или предприятию.

44. Поступающие от указанных выше отчислений суммы составляют специальный фонд местных органов, ведающих принудительными работами.

45. В тех случаях, когда это не служит препятствием к размещению принудительных на работы, бюро или отделение бюро имеет право включать в свое соглашение с соответствующими учреждениями или предприятиями условие об оплате бюро (отделением) за работу, выполняемую направляемыми к ним принудительными, отбывающими работы не по месту своей службы или работы по найму.

Суммы, поступающие по этим соглашениям, зачисляются полностью на приход учреждения, ведающего прину-

дательными работами, по фонду принудительных работ; вознаграждение же данным принудработникам за их работу выплачивается, независимо от размера суммы, поступающей в учреждение, ведающее принудительными работами, или в размере госминимума, когда это указано в приговоре, или же в порядке поощрения за особую продуктивность и за качество работы.

46. Распоряжение указанным в 44 ст. настоящей инструкции фондом возлагается: а) в автономных республиках, не имеющих губернского деления, на народные комиссариаты внутренних дел названных республик; б) в губерниях (автономных областях) и уездах, округах и районах на соответствующие исполнительные комитеты.

Этот фонд расходует на содержание органов, осуществляющих принудительные работы, и на организацию на хозяйственном расчете предприятий и мастерских для применения труда лиц, которым назначены принудительные работы.

Примечание. Краевые (областные) исполнительные комитеты в случае, когда они считают необходимым организовать краевое (областное) бюро принудительных работ с задачами, согласно прим. 1 к ст. 12 настоящей инструкции, устанавливают в размере действительной необходимости процент отчислений из фонда принудработ окружных исполнительных комитетов на содержание этих краевых (областных) бюро, а также на организацию крупных предприятий для применения труда принудработников, работы которым назначены на срок свыше 6 месяцев вне места их жительства.

47. Чистая прибыль от указанных в предшествующей статье предприятий и мастерских распределяется в конце года следующим образом: а) 70% на расширение этих предприятий и мастерских; б) 15% в комитет помощи содержащимся в м. з. и освобожденным из них; в) 10% в пенитенциарный фонд Главного Управления местами заключения; г) 5% в фонд краевых (областных) и губернских исполнительных комитетов на выдачу премиального вознаграждения сотрудникам, осуществляющим работы и занятым на предприятиях и работах, организованных в порядке п. «б» ст. 12 настоящей инструкции.

Примечание. Волисполкомы, сельсоветы и горсоветы, не являющиеся распорядителями указанного выше фонда, сдают суммы, поступающие к ним в порядке ст. 43 и 45 настоящей инструкции, вышестоящему органу, являющемуся распорядителем фонда.

VII.

Учет и отчетность.

48. Учет сумм фонда, образующегося из отчислений заработной платы лиц, отбывающих принудительные работы без содержания под стражей по месту своей работы или службы по найму, а также по суммам, поступающим в бюро и отделения от учреждений и предприятий, в которые направляются принудработники по договоренности бюро и отделений с этими учреждениями, ведется в счетоводстве соответствующего учреждения, в ведении которого состоит бюро или отделение... в порядке учета спецсредств, предусмотренном инструкцией по счетоводству и отчетности для административных правительственных учреждений, состоящих на бюджете и инструкцией по счетоводству райволисполкомов.

Бухгалтерская отчетность по движению сумм этого фонда представляется поквартально в органы НКФ, по линии госфинконтроля, и исполкому, в ведении которого состоит бюро или отделение бюро принудительных работ.

49. Отчетность о количественном составе при учете принудработников, о порядке использования их на работах представляется учреждениями, осуществляющими принудительные работы, в порядке и сроки, установленные инструкцией НКВД № 314 1927 г., и изданными в ее развитие другими распоряжениями и указаниями НКВД.

VIII.

Зачет рабочих дней.

50. Кроме мер поощрения принудработника, указанных в ст.ст. 39 и 40 настоящей инструкции, по отношению

к лицам, которым назначены принудительные работы на срок более 3 месяцев, с исполнением их же по месту службы или работы по найму, допускается зачет рабочих дней в порядке, указанном в 16 и 52 ст.ст. Исправительного Трудового Кодекса и последовавших к ней разъяснениях и распоряжениях НКВД.

IX.

Дисциплинарные меры.

51. За уклонение от отбывания принудительных работ, неявку на регистрацию, несоблюдение установленных правил, за порчу по небрежности или намеренно выданных для работы материалов или инструментов и за отказ без уважительных причин явиться со своим инвентарем или инструментом, а также за недоброкачественное исполнение работы налагаются следующие взыскания:

- а) перевод на другие работы;
- б) нечет в срок небрежно проработанного или самовольно пропущенного времени;
- в) арест в дисциплинарном порядке на срок до 14 суток;
- г) возбуждение ходатайства перед судом об усилении меры социальной защиты.

Примечание. За порчу по небрежности или намеренно выданных для работы инструментов или материалов с лиц, отбывающих принудительные работы и допустивших указанное выше действие, помимо указанных выше взысканий, взыскивается стоимость приведенных в негодность или утраченных вещей.

52. Перечисленные выше взыскания во всех случаях налагаются заведующим учреждением, осуществляющим принудительные работы, на учете которого состоит данное лицо.

Начальник Главного Управления местами заключения Е. Ширвиндт.

ВСЕМ КРАЙ, ОБЛ., ГУБ. ПРОКУРОРАМ И ПРЕДСЕДАТЕЛЯМ СУДОВ.

Товарищеское письмо о работе адм.-прав. секций.

В результате обследования работы органов юстиции Народный Комиссариат Рабоче-Крестьянской Инспекции в отношениях прокуратуры и суда с административно-правовыми секциями советов констатировал: а) отсутствие четкой целевой установки в работе; б) тенденцию прокуратуры и суда к направлению работы секций по аппаратным рельсам; в) недостаточное привлечение членов секций к обсуждению основных вопросов суда и прокуратуры на совещаниях, пленумах и т. д.; г) недостаточную популяризацию работы секций на предприятиях среди трудящихся и в печати; д) слабое выдвижение работников секций на судебную и прокурорскую работу.

Подведение нами итогов работы административно-правовых секций, подтверждающая правильность выводов НК РКИ, показывает, что одной из основных причин констатируемого положения дела является то, что до сих пор еще местными руководящими работниками суда и прокуратуры далеко не надлежащим образом осознано, как весьма большое значение и роль, которую должны выполнять административно-правовые секции, так и задачи органов юстиции в деле постановки и систематического улучшения форм и содержания их работы.

Основными задачами в деятельности административно-правовых секций должны быть: а) установление широкого общественного контроля для аппарата органов юстиции; б) всемерное содействие в работе суда и прокуратуры; в) закрепление органической связи аппарата юстиции с широкими трудящимися массами.

Работа административно-правовых секций должна быть одной из основных в деле организации вокруг суда и прокуратуры широкой советской общественности. Успех этой работы в значительной степени будет зависеть от участия в ней работников суда и прокуратуры. Задачи, которые возлагаются в этом отношении на органы юстиции на местах, могут быть выполнены надлежащим образом при том обязательном условии, если сами судебный и прокурорский аппараты будут работать не оголенно, а вместе с широкими трудящимися массами, постоянно вовлекаемыми в работу адм.-прав. секций. Без этого нельзя мыслить улучшение аппарата органов юстиции, проведение револю-

цпионной законности, развитие общественно-политической работы и оказание юридической помощи трудящимся. Из этой основной установки вытекают в настоящее время те практические мероприятия, которые в планомерно-организованном порядке должны быть на местах намечаемы и систематически проводимы в жизнь в работе адм.-правовых секций.

Прежде всего, в связи с развернутой кампанией по переизбранию в советы руководители местных органов юстиции еще до начала конструирования городских секций должны поставить в руководящих органах вопрос об организации адм.-правовых секций при советах и добиться его разрешения с тем, чтобы во всех городах, где имеется городской совет, были организованы административно-правовые секции и состав последних был бы обеспечен соответствующим активом из числа членов городского совета и других работников.

Народный Комиссариат Юстиции поставил перед центральными органами вопрос об издании специального постановления о том, что при каждом городском совете в порядке обязательности должны быть организованы адм.-прав. секция, которые будут работать на основании специального о них положения. Однако, не дожидаясь этого Положения, исходя из общей принципиальной установки Партии и Правительства, руководители органов юстиции на местах должны сейчас же принять меры для надлежащей постановки работы с адм.-правовыми секциями, как уже функционирующими, так и подлежащими организации в связи с нашей директивой.

Практические мероприятия суда и прокуратуры в отношении с адм.-правовыми секциями должны быть направлены на:

1) пополнение состава секций путем специального приращения к ним ответственных административных, судебных и прокурорских работников, могущих активно помочь секциям в их работе;

2) увязку работы суда и прокуратуры и адм.-правовых секций по борьбе с бюрократизмом и волокитой путем организации специальных комиссий по этим вопросам, используя материал прокурорской и судебной практики;

3) установление регулярного систематического участия членов секций на прокурорских и судебных совещаниях, в частности, при обсуждении организационных перестроек аппаратов (открытие или ликвидация судебных участков, прокурорских камер и т. д.) и всех вопросов, связанных с деятельностью суда и прокуратуры;

4) привлечение членов адм.-прав. секций к участию в обсуждении мер борьбы с проявленной массовой преступностью (хулиганство, растраты, лежекооперативы, лежартелли и т. д.), используя при этом как материал суда и прокуратуры, так и опыт наблюдения на заседаниях, общественных обвинителей и всего широким рабочим и крестьянским активом;

5) привлечение членов адм.-прав. секций к участию во всех видах прокурорской и судебной общественно-правовой работы;

6) организацию кружков общественных обвинителей и общественных защитников из состава адм.-правовых секций;

7) подготовку и выдвижение пролетарских элементов секций на судебную и прокурорскую работу.

Удовлетворительное проведение указанных мероприятий может быть обеспечено при условии постоянного улучшения методов работы суда и прокуратуры в работе адм.-прав. секций. В этих целях необходимо:

1) в интересах обмена опытом работы практиковать объединенные заседания работников суда и прокуратуры с членами адм.-прав. секций, с постановкой на этих заседаниях докладов суда, прокуратуры и административных органов;

2) практиковать групповые обследования членами секций отдельных объектов работы суда и прокуратуры, при чем обследования эти должны быть тщательно подготовлены, путем как систематизации материалов, подлежащих изучению исследователей, так и соответствующего инструктажа последних. Эти обследования должны подготовляться и проводиться в целях выявления моментов, подлежащих общественному контролю, а именно: а) надлежащей постановки дела приема посетителей, быстрого рассмотрения жалоб в органах суда, милиции и прокуратуры; б) ускорения сроков прохождения дел в судах, органах следствия, судебных исполнителей, милиции, розыска, борьбы за качество работы в органах суда и прокуратуры;

в) постановки работы по пропаганде права, т. е. работы юридических бюро, постановки работы по оказанию бесплатной юридической помощи рабочим и беднейшему крестьянству деревни и т. д.

Необходимо постоянно практиковать также: а) целевые обследования, как-то: штрафной политики, характер жалоб, вызова свидетелей, публичных торгов, как наиболее ценных методов работы, используя возможно шире при назначении обследований, обследований материалов общих наблюдений прокуратуры, обобщенных материалов, жалоб, заметок и пр.; б) индивидуальные обследования, т. е. исполнение членами адм.-прав. секций поручений прокуратуры или суда по отдельным вопросам. Целесообразно индивидуальные обследования практиковать с соблюдением следующих условий:

1) поручать обследования лишь отдельным жалоб, имеющих общественный интерес, дабы не получилось подмена аппарата членами секций; 2) к этой работе привлекать членов секций только организованным порядком (через группу или бюро); 3) в частности, целесообразно практиковать поручения членам секций, связанным с обследованиями, выяснять причины задержки ответа учреждений и организаций на запросы прокуратуры по жалобам, неявок представителей госорганизаций на судебные заседания и т. д.

Основная задача приближения суда и прокуратуры к широкому слою трудящихся может быть выполнена при том обязательном условии, если вся работа этих органов в разрезе практической деятельности адм.-прав. секций делается достоянием широкой советской общественности. Для этого также необходимо: а) перенесение работы адм.-правовых секций на широкие собрания рабочих на предприятиях (постановка докладов суда и прокуратуры с докладами секций и результатов обследований, отдельных видов деятельности органов юстиции и т. д.); б) систематически работу адм.-прав. секций освещать в печати официальной и стенгазетах.

Эти мероприятия должны быть проведены под углом зрения развернутой общественной критики и самостоятельности масс.

Зам. Народного комиссариата юстиции Крыленко.

Нач. Организ.-инстр. управления,
член Коллегии НКЮ Стельмахович.

12 февраля 1929 года.

Циркуляр № 17

ВСЕМ КРАЕВЫМ, ОБЛАСТНЫМ И ГУБЕРНСКИМ СУДАМ.

О порядке применения ст. 50 положения о государственном нотариате при выдаче исполнительных надписей по документам единообразной формы.

В видах упрощения делопроизводства нотариальных контор и волостных исполнительных комитетов при выдаче исполнительных надписей, Верховный РСФСР предлагает нотариальным конторам и волостным (районным) исполнительным комитетам при предъявлении взыскателями требования о выдаче исполнительных надписей по документам единообразной (трафаретной) формы (например, по заемным обязательствам, выданным кредитным учреждениям по единообразной форме, на бланках, по типовым крестьянским обязательствам о покупке в розницу с рассрочкой платежа предметов сельскохозяйственного инвентаря и т. п.) не требовать от взыскателей копий с каждого такого обязательства для оставления в делах, а ограничиваться истребованием одной лишь копии или бланка и списка должников, к которым предъявлены требования о взыскании в порядке исполнительных надписей, с указанием имени, отчества, фамилии и места жительства должников и с обозначением в списке подлежащей взысканию с каждого должника суммы, а также тех данных в документе, которые характеризуют каждый документ (№, дата документа, сроки платежа и т. п.).

Зам. Народного Комиссара Юстиции,

Председатель Верховсуда Стучка.

Председатель Касс. коллегии по гражданским делам Нахимсон.

4 февраля 1929 г.

Циркуляр № 20

КРАЕВЫМ, ОВЛАСТНЫМ И ОКРУЖНЫМ ПРОКУРОРАМ.

КОПИЯ: ПРОКУРОРАМ АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК.

Об обследовании волостных (районных) органов милиции и уголовного розыска.

Во изменение схемы обследований волостных органов милиции и уголовного розыска, предложенной циркулярным письмом НКЮ за № 6 от 5 января 1927 года, предлагается временно, впредь до законодательного оформления реформы УПК, при обследованиях волостных (районных) органов милиции и уголовного розыска следователями и лицами прокурорского надзора руководствоваться прилагаемой схемой. При этом необходимо иметь в виду следующее:

1. Предлагаемая схема, в отличие от ранее предложенной, требует уделения особого внимания при обследованиях проверке подлинного состояния преступности и реальности борьбы с ней, в особенности с теми преступлениями (и административными нарушениями), которые связаны с кулацкой активностью и обострением классовой борьбы в деревне. В частности, необходимо с особой тщательностью проверить работу милиции и уголовного розыска по делам о гонениях на рабселькоров и общественников, по делам, возбужденным по замечкам в печати. Необходимо проверить степень связи органов дознания с массами, общественностью, меры по вовлечению общественности в борьбу с преступностью, установить, в какой мере работники уголовного розыска в своей практической деятельности перестали пользоваться услугами преступного элемента и перешли на новые методы работ (революция Съезда административных работников):

2. Поскольку одним из важнейших очередных задач в настоящее время является повышение качества расследований, в схеме тяжести переносится на обследование скорости, плановости, техники расследования, основательности возбуждения и прекращения уголовных дел. Проверка одного лишь формального выполнения процессуальных норм является абсолютно нетерпимой.

3. Для обследования необходимо использовать не только находящиеся в производстве незаконченные дознания, но и дознания, непосредственно прекращенные или прекращенные следователем, материалы замечек, жалоб, поступивших на органы дознания, данные народных судов.

Каждому обследованию должна поэтому предшествовать серьезная подготовительная работа. К обследованиям желательно привлекать членов административно-правовых секций (где таковые имеются), общественных обвинителей.

4. Обследование должно производиться таким образом, чтобы оно не сопровождалось излишними дерганиями обследуемых органов и требованиями статистических и иных материалов, представление которых к моменту обследования почему-либо обременительно. Отнюдь не затушевывать фактических недочетов, наоборот, выясняя их с исчерпывающей полнотой, не останавливаясь перед возбуждением в необходимых случаях в результате обследования (в частности, за волокиту, бюрократизм) законного преследования, обследование в то же время должно сопровождаться живым инструктированием работников милиции и уголовного розыска, конкретными предложениями по существу находящихся в производстве дел, выявлением и фиксированием того, что в работе имеется особо инициативного.

5. Акты обследования не должны загромождаться несущественными деталями. Задача акта обследования не в том, чтобы дать фотографический снимок всех существенных и несущественных подробностей, а в том, чтобы дать четкий анализ и оценку состояния работы обследуемого органа, что и должно быть отражено в соответствующих актах обследования.

6. Разумеется, предлагаемая схема является лишь ориентировочной. Это значит то, что, придерживаясь, как правило, схемы, не следует в то же время проходить мимо

таких моментов, которые, хотя схемой не предусмотрены, но по тем или иным причинам имеют серьезное значение. В частности, всегда необходимо дополнять схему выяснением тех моментов, которые перед органами борьбы с преступностью ставятся директивами Партии и Правительства.

В тех случаях, когда обследование производится лицами прокурорского надзора, схема должна быть дополнена проверкой реальности руководства дознанием со стороны следователей.

7. Настоящая схема имеет в виду более глубокие и полные обследования, которые должны производиться не реже одного раза в полугодие. Но частично схема эта может и должна быть использована и при ежемесячных и двухмесячных частных обследованиях органов дознания, предусмотренных резолюцией 3 прокурорск. совещания и сопровождающихся обозрениями отдельных дел.

Прокурор Республики Крыленко.

12 февраля 1929 г.

Схема обследования

волостных (районных) органов милиции и уголовного розыска.

1. Состояние преступности в волости (районе) за исследуемый период. Неблагополучные по преступности участки. Наиболее серьезные и распространенные виды преступлений.

2. Анализ данных, характеризующих реальный процент раскрываемости отдельных видов преступлений (количество заявок о преступлениях, количество дел, направленных на прекращение за необнаружением виновника или за недостаточностью улик, количество оправдательных приговоров и пр.).

3. Состояние борьбы с преступностью, связанной с кулацкой активностью и обострением классовой борьбы в деревне (лжекооперацией, обходом законов труда, о национализации земли, преследования рабселькоров и общественников и т. п.).

4) Связь с общественностью. Степень вовлечения общественности в борьбу с преступностью, качество расследования по делам, возбужденным по инициативе общественности (по рабселькоровским замечкам, по замечкам стенок и т. д.).

5. Классовый подход при расследовании. Статистические данные о средней продолжительности расследования. Своевременность реагирования на жалобы граждан. Ликвидирована ли практика заведения «никчемных» дел. Обоснованность арестов.

6. Техника расследования (техника допросов, составления протоколов и актов, использования экспертизы, вещественных доказательств, плановость и своевременность отдельных следственных действий и др.). Регистрация и учет преступлений и социально-опасный элемент.

7. Оценка процессуальной стороны дознания (правильность направления законченных дознаний, квалификации и др.). Инициатива в обеспечении гражданского иска потерпевших трудящихся и в обеспечении исполнения могущей последовать по приговору суда конфискации. Законность и результативность обысков.

8. Правильность и сроки исполнения судебных приговоров и решений (% выполненных приговоров и решений).

9. Состояние административных нарушений и борьба с ними (классовый подход, основательность возбуждения административных преследований, степень реализации наложенных административных взысканий и т. д.).

10. Руководство участковыми милиционерами и их политическая и правовая подготовка.

11. Выполнение предложений, данных при предыдущих обследованиях.

12. Обзорение отдельных находящихся в производстве к моменту обследования дознаний—привести иллюстрацию.

13. Практические выводы предложения.

С подлинным верно: Н. Жуков.

К настоящему номеру «Е.С.Ю.» приложение «Судебная Практика» № 5.

Издатель: { Юридическое Издательство
НКЮ РСФСР.

Ответственный Редактор: Я. Бранденбургский.

Москва. Главлит А 32.825.

16-я типография «Мосполиграф», Трехпрудный, 9.

15.000 экз.